

Видеть Бога как Он есть. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Видеть Бога как Он есть. Архимандрит Софроний Сахаров.

Предисловие.

Господь заповедал нам не творить ни молитвы, ни милостыни, ни поста, ни иных добрых дел пред людьми, считая сие лицемерным исканием славы от них. Отец наш небесный, «который втайне... и видящий тайное» (Мф. 6:1–18), не благоволил о таких деяниях. И не только заповедь Божия повелевает скрывать нашу внутреннюю жизнь от посторонних глаз, но и нормальный духовный инстинкт, как некий «категорический императив», запрещает нарушать тайну души, стоящей пред Богом. Молитва покаяния пред Вышним есть самое интимное место нашего духа. Отсюда желание скрываться где-то под землей, чтобы никто тебя не видел, никто не слышал, чтобы все оставалось только между Богом и душой. Так я жил первые десятилетия моего раскаяния пред Господом. К тому же мой горький опыт немалое число раз показал, что необходимо убегать и от обращенности на самого себя, иначе мы становимся жертвою духа тщеславия или самодовольства. За эти движения нашего духа мы претерпеваем богооставленность.

Однако, с того времени, как я был поставлен духовником еще на Святой Горе Афон – более сорока лет тому назад, – разъясняя приходившим ко мне отцам-подвижникам происходившие с ними духовные явления, тем самым давал им возможность догадываться о ниспосланных мне Свыше опытах. И чем дальше продолжалось мое духовническое служение, тем больше становилось обнажение пред братьями моими. Приближаясь к исходу моему в старческом возрасте, подавленный день и ночь телесными немощами, я становлюсь менее уязвимым людскими о мне суждениями. В силу этого я решился на еще большее обнаружение, теперь уже пред многими, того, что ревниво хранил от посторонних глаз доселе.

Мой путь, мои опыты по характеру своему, вероятно, не совсем обычны. Однако, своим существенным содержанием они раскрыли для меня трагизм положения миллионов людей, рассеянных по всему лицу Земли. Не исключена возможность, что моя исповедь, вернее – моя духовная автобиография, облегчит хотя бы некоторым из них найти благоприятное решение в постигающих их испытаниях.

Происходившее со мною не было следствием моей инициативы, совсем нет. Но Бог, по Ему единому вedomому Промыслу о нас, благоволил посетить меня и допустить меня прикоснуться к Его Вечности. Его святая рука беспощадно бросала меня ничтожного в неопишуемые бездны. «Там» в изумлении до великого ужаса я становился зрителем реальностей, превосходивших мой разум. Об этом я пытаюсь говорить в предлежащих страницах.

Мои опыты не сразу усваивались моим рассудком. Прошли десятилетия, прежде чем они приняли форму моего догматического сознания. До посещения меня Богом я, читая Евангелия или послания Апостолов, не понимал действительно, какая онтологическая реальность скрывается за каждым словом Святого Писания. Сама жизнь показала мне, что вне живого опыта Бога или встречи с властями и мироправителями тьмы века сего, духами злобы поднебесными (ср. Еф. 6:12), одна интеллектуальная осведомленность не приводит к тому, что является смыслом веры нашей: знание Бога, сотворившего все сущее. «Знание» – как вхождение в самый Акт Его Вечности: «Сия есть жизнь вечная, да знают Тебя, единого истинного Бога, и посланного Тобою Иисуса Христа» (Ин. 17:3). В часы, когда ко мне прикасалась Любовь Божия, я «узнавал» в ней Бога: «Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем» (1 Ин. 4:16). После же посещений Свыше я читал Евангелие с иным, по сравнению с прошлым, сознанием. Я глубоко и благодарно радовался, встречая подтверждение моему опыту. Эти чудные совпадения самых существенных моментов моего сознания Бога с данными Откровения Нового Завета бесконечно дороги моей душе. Они были даром Неба: Сам Бог молился во мне. Но все сие принимало форму «моего состояния».

Я был крещен в самые первые дни моего появления на свет. По чину нашей Церкви – при этом таинстве на все члены моего тела полагалась «печать дара Духа Святого». Не эта ли Печать спасла меня от блужданий по чужим дорогам? Не она ли была причиною многих «чудных совпадений» моих переживаний с духом Евангельского Откровения?

В данной книге я останавливаюсь вниманием на описании части ниспосланных мне опытов. Однако, параллельно с этим, считаю важным упомянуть, что весь ход моей жизни в Боге привел меня к убеждению, что всякое отклонение нашего умного сознания от правильного разумения Откровения неизбежно отразится в повседневности. Иными словами: истинно праведная жизнь обусловлена верными

Видеть Бога как Он есть. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org
понятиями о Боге – Святой Троице.

Итак, я вручаю себя с доверием всякому читателю, надеюсь, что он расположится помянуть меня в своих молитвах к Отцу нашему, Который на небесах.

Благодать смертной памяти

По истечении более чем пяти десятков лет невозможно мне восстановить в памяти хронологическую последовательность событий моего внутреннего мира. Полет духа в умном пространстве – неуловим, как сказал и сам Господь при беседе с Никодимом: «Дух дышит, где хочет, и голос его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит: так бывает со всяким, рожденным от Духа» (Ин. 3, 8). В данное время моя мысль останавливается на некоторых из тех тягостных и отчаянных положений, которые в дальнейшем оказались для меня драгоценным познанием и источником сил для совершения всем нам предлежащего подвига. Испытанное мною, как резцом на камне, начертано на теле моей жизни, и это дает мне возможность говорить о том, что творила со мною десница Божия.

С юных лет мысль о вечности усвоилась моей душе. С одной стороны, это было естественным следствием детской молитвы живому Богу, к Которому ушли мои деды и прадеды; с другой – дети, с которыми я тогда общался, с наивной серьезностью охотно останавливались раздумьем на сей тайне. Подрастая, я все чаще возвращался к размышлению о бесконечном, о том, что пребывает всегда; особенно в беседах с моим немного младшим меня братом Николаем (1898–1979). Он был мудрее меня, и я многому научился от него. Когда же началась Первая Мировая Война (1914–1918), проблема вечности стала доминирующей в моем сознании. Вести о тысячах убиваемых на фронтах неповинных людей поставили меня вплотную пред зрелищем трагической действительности. Невозможно было примириться с тем, что множество молодых жизней насильственно прерывается, и притом с безумной жестокостью. И я сам мог оказаться в их рядах; и моей задачей было бы убивать неведомых мне людей, которые в свою очередь стремились бы возможно скорее покончить со мною. И если волею злых властителей создаются подобные положения вещей, то где смысл нашего явления в мир? И я... зачем я родился? Ведь я только что начал входить в осознание себя человеком: внутри загорался огонь благих желаний, свойственного молодости искания совершенства порывы к свету всеобъемлющего знания. И все сие отдать? И таким образом! Кому и для чего? Ради каких ценностей?

Я знал по детским моим молитвам, что предшествовавшие поколения ушли в надежде на Бога; но в те дни не было со мною детской веры. Вечен ли я, как и всякий другой человек, или все мы сойдем во мрак небытия? Этот вопрос из прежде спокойного созерцания ума становился подобным неоформленной массе раскаленного металла. В глубоком сердце поселилось странное чувство – бессмысленности всех стяжаний на земле. Что-то совсем новое непохожее было в нем.

Внешне я все же был спокоен; часто весело смеялся; жил, как все вообще живут. Мирным образом что-то совершалось в сердце, и ум, всего совлекаясь, заключался вниманием внутрь. По необъятным просторам моей страны проходил гигантский плуг, вырывая корни прошлого. Все были подняты на ноги; повсюду напряжение, превышавшее силы людские. Больше того: во всем мире возникали события, полагавшие начало новой эре в истории человечества, но мой дух не останавливался на них. Многое рушилось вокруг меня, но мое внутреннее крушение было более интенсивным, чтобы не сказать – более важным моментом для меня.

Почему так? Я не мог в те дни мыслить логически. Мысли мои рождались внутри, исходили из состояния духа. Если я умираю действительно, т.е. погружаюсь в «ничто», то и все другие, подобные мне люди, также бесследно исчезают. Итак, все суета; подлинная жизнь нам не дана. Все мировые события не больше, чем злая насмешка над человеком.

Страдания моего духа были вызваны внешними катастрофами, и я, естественно, отождествлял их (катастрофы) с моей личной судьбой: мое умирание принимало характер исчезновения всего, что я познал, с чем я бытийно связан. И это уже независимо от войны. Моя неизбежная смерть не была лишь как нечто бесконечно малое: «одним меньше». Нет. Во мне, со мною умирает все то, что было охвачено моим сознанием: близкие люди, их страдания и любовь, весь

Видеть Бога как Он есть. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org исторический прогресс, вся Земля вообще, и солнце, и звезды, и беспредельное пространство; и даже Сам Творец Мира, и Тот умирает во мне; все вообще Бытие поглощается тьмою забвения. Так тогда я воспринимал мою смерть. Овладевший мною Дух отрывал меня от Земли, и я был брошен в некую мрачную область, где нет времени.

Вечное забвение, как угасание света сознания, наводило на меня ужас. Это состояние сокрушало меня; владело мной против моей воли. Совершившееся вокруг меня навязчиво напоминало о неизбежности конца всемирной истории. Видение бездны становилось всегда присущим, лишь по временам давая мне некоторый покой. Память о смерти, постепенно возрастая, достигла такой силы, что мир, весь наш мир воспринимался мною подобным некоему миру, всегда готовому исчезнуть в вечных провалах небытийной пустоты.

Реальность иного порядка, неземного, непонятного, овладевала мною, несмотря на мои попытки уклониться от нее. Я помню себя отлично: я был в житейской повседневности, как все другие люди, но моментами я не ощущал под собою земли. Я видел ее моими глазами как обычно, тогда как в духе я носился над бездонной пропастью. К этому явлению затем присоединилось другое, не менее тягостное: предо мною мысленно возникла преграда, которую я ощутил как свинцовую толстую стену. Ни один луч света, умного света, не физического, как и стена не была материальной, не проникал чрез нее. Долгое время она стояла предо мною, угнетая меня.

Независимо от всего внешнего: войны или болезней и подобных им бедствий, сознавать себя приговоренным к смерти в какой-то день – было для меня несносной мукой. И вот, без того, чтобы я размышлял о чем-либо, вдруг в сердце вошла мысль: если человек может так глубоко страдать, то он велик по природе своей. Тот факт, что с его смертью умирает весь мир и даже Бог, возможен не иначе, как если он сам по себе является в некотором смысле центром всего мироздания. И в глазах Бога, конечно, он драгоценнее всех прочих тварных вещей.

Господь знает мою благодарность к Нему за то, что Он не пощадил меня «и не отступил, все творя, доколе не возвел меня» до видения Царства, пусть еще «отчасти» (ср. начало литургического канона Иоанна Зл. и 1 Кор. 13, 12). О, ужасы этого благословенного времени! Никто не в силах добровольно пойти на эти испытания. Вспоминаю сейчас того космонавта, который отчаянно взывал к земле спасти его от смерти в пространстве; радио уловило его стоны, но не было ни у кого средств придти ему на помощь. Думаю, что позволительно до некоторой степени провести параллель между тем, что переживал бедный космонавт, с тем, что испытывал я в моменты падения в мрачную бездну. Но мой дух обращался не к земле, а к Тому, Кого я еще не знал, но в Бытии Которого я был уверен. Я не ведал Его, но Он был как-то со мною, обладая вполне средствами для моего спасения. Он наполняет Собою все, но от меня Он скрывался, и я видел смерть не по телу, не в ее земных формах, но в вечности.

Так: «под знаком минуса» раскрывалось во мне глубинное Бытие. Материальный мир терял свою консистенцию, время же – протяженность. Я томился, не разумея совершившегося во мне. В то время я еще не имел никакого понятия об учении Отцов Церкви, об их опытах. Вследствие столь существенного пробела в моих познаниях я увлекся мистической философией нехристианского Востока. В моем безумстве я предполагал найти в ней исход из ямы, в которую я погружался. Не мало драгоценного времени я потерял из-за этого. Впрочем, много лет спустя, претерпев не однажды отступление от меня благодати за тщеславные помыслы, я иногда думал: великое горе – духовное невежество; но в моем случае именно неосведомленность сделала возможным для меня носить в течение долгих лет излившийся в изобилии на меня дар Бога моего: благодать смертной памяти, которую весьма высоко ценят Святые Отцы. Действительно: когда я встретился с писаниями святых аскетов, воспевавших высоту сего дара, то оказался в опасности утратить усвоившееся мне сознание моего ничтожества.

В том периоде жизни, незабываемом, но совсем не простом и нелегком, я был испытан не раз страшными помыслами: гнева на Создавшего меня. Измученный непониманием происходящего со мною – я вступал в борьбу с Богом; я мыслил о Нем, как о Враждебном Властелине: «кто меня враждебной властью из ничтожества воззвал» (Пушкин). У всех людей единый природный корень, и поэтому я переносил мои личные состояния на всех. Мой умишко «бунтовал» во имя всех поруганных ненужным даром этой жизни, и я сожалел, что нет у меня

Видеть Бога как Он есть. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org такого меча, которым можно было бы рассечь «проклятую землю» (ср. Быт. 3, 17), и тем положить конец отвратительному абсурду... Немало и других идиотских идей приходило мне на ум, но эти две, кажется, были самыми крайними. К счастью, этого рода горечь никогда не проникала глубоко в сердце: там место было занято. Недоведомо где-то в духе оставалась надежда, шедшая дальше всех парадоксизмов отчаяния: Всемогущий не может быть иначе, как благ. Если бы не так, то откуда у меня идея Благого Существа? И мой внутренний слух сосредотачивался на чем-то неосязаемом и вместе реальном.

Никогда не смогу воплотить в слова своеобразного богатства тех дней, когда Господь, не внимая моим протестам, взял меня в Свои крепкие руки и точно с гневом бросил в беспредельность созданного Им мира. Что скажу? Суровым образом, но Он открыл мне горизонты иного Бытия. Мои страдальческие перипетии были подлинно «хождением по мукам».

Война с Германией приближалась к печальному для России концу. За несколько месяцев до сего развязалась уже другая, гражданская, во многих отношениях более тяжкая, чем международная. Видение трагизма человеческого бывания как бы срасталось с моей душой, и смертная память не покидала меня где бы я ни был. Я был расколот странном образом: мой дух жил в той таинственной сфере, для которой я не нахожу выражения словом, рассудок же и душевность жили, казалось, своей привычной повседневностью, т.е. подобно всем прочим людям.

Я торопился жить: боялся потерять каждый час, стремился приобрести максимум познания не только в области моего искусства, но и вообще; много работал как живописец в моем ателье, просторном и спокойном, сделал целый ряд путешествий по России, по Европе; месяцами жил в Италии и Германии, затем более оседло во Франции. Встречался со многими лицами, главным образом причастными к искусству, но никогда, никому не сказал я ни слова о моей «параллельной» жизни в духе: ничто изнутри не толкало меня на такую откровенность. Совершившееся во мне – происходило от какого-то начала, высшего меня, помимо моей воли, не по моей инициативе: я не понимал происходившего, и, однако, оно было свято для меня.

Красота видимого мира, сочетаясь с чудом возникновения самого видения, – влекла меня. Но за видимую действительностью я стремился ощутить невидимую, вневременную, в моей художественной работе, дававшей мне моменты тонкого наслаждения. Однако настало время, когда усилившаяся смертная память вступила в решительную схватку с моей страстью художника. Тяжба была ни короткою, ни легкою. Я же был как бы полем борьбы, двуплановой: благодать смертной памяти не снижалась до земли, но звала в возвышенные сферы; искусство же изодрялось представить себя, как нечто высокое, трансцендирующее земной план; в своих лучших достижениях дающее прикоснуться к вечности. Напрасны были все потуги: неравенство было слишком очевидным, и в конце победила молитва. Я чувствовал себя удержанным между временной формой бывания и вечностью. Последняя в то время была обращена ко мне своей «отрицательной» стороной: смерть обволакивала все.

Невозможно поведать здесь о всех формах, в которых созерцаемое мною угасание всякой жизни проявляло себя внутри моего духа. Ярко помню одно из наиболее характерных для тех дней: «читаю, сидя за столом; подопру голову рукою, и вдруг – ощущаю череп в моей руке, и я мысленно смотрю на него извне. Физически я был еще молод и нормально здоров. Не понимая природы происходящего со мною, я пробовал освободиться от переживаний, нарушавших мирный ход моей работы. Я спокойно говорил себе: „Предо мною еще целая жизнь; б.м., сорок или даже более лет, полных энергии...“ И что же? Внезапно приходил ответ, не мною обдуманый: „если и тысячу лет... а потом что?“» И тысяча лет в моем сознании кончалась прежде, чем была оформлена мысль.

Все, что подлежало тлению, обесценивалось для меня. Когда я смотрел на людей, то прежде всякой мысли я видел их во власти смерти, умирающими, и сердце мое наполнялось состраданием к ним. Я не хотел ни славы от «мертвых», ни власти над ними; я не ждал, чтобы они меня любили. Я презирал материальное богатство и не высоко ценил интеллектуальное, не дававшее мне ответа на искомое мною. Если бы мне предложили века счастливой жизни, я не принял бы их. Мой дух нуждался в вечности, и вечность, как я понял позднее, стояла предо мною, действительно перерождая меня. Я был слепой, без разума. Она, вечность, стучалась в двери моей души, замкнувшейся от страха в самой себе (ср. Откр. 3, 18–20).

Видеть Бога как Он есть. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org
О, я страдал, но исхода не было нигде, кроме возродившейся во мне молитвы; молитвы к еще Неведомому, вернее Забытому мною. Пламенная молитва захватила меня в свои недра и в течение многих лет не покидала меня ни наяву, ни во сне. Длительным было мое мучение. Я был доведен до истощания всех моих сил. Тогда, совсем неожиданно для меня, некая тонкая игла как бы проткнула толщу свинцовой стены, и чрез создавшийся волосной канал проник луч Света.

Больной часто не знает, от какого недуга страдает он, и говорит врачу о своих субъективных ощущениях, ожидая узнать объективный диагноз. Так я просто излагаю «субъективную» историю пережитого мною опыта.

У Отцов Церкви я нашел учение о сей форме благодати. Смертная память есть особое состояние нашего духа, совсем не похожее на всем нам свойственное знание, что в какой-то день мы умрем. Она, сия дивная память, выводит дух наш из земного притяжения. Будучи силою, Свыше сходящею, она и нас поставляет выше земных страстей, освобождает от власти над нами временных похотей и привязанностей, и тем делает нас естественно свято живущими. Хоть и в негативной форме, она, однако, плотно прижимает нас к Вечному.

Память смертная дает нам опыт бесстрастия, но еще не того положительного, которое проявляется как полновластие любви Божией; не имеет она и чисто отрицательного характера, т.е. как противоположение любви. Она пресекает действие страстей и тем полагает начало коренной перемене всей нашей жизнедеятельности и характера восприятия всех вещей. Тот факт, что она дает переживать смерть нашу как конец всего мироздания, подтверждает данное нам Откровение о том, что человек есть образ Бога, и как таковой он способен вместить в себя и Бога, и сотворенный космос. И это есть начало конкретизации в нас ипостасного принципа. Сей опыт приготавливает наш дух к более реальному восприятию христианского Откровения и тому богословию, в основе которого лежит опыт иного бытия.

Когда силою смертной памяти все мое существо было переведено в план вечности, тогда, естественно, пришел конец моей детской забаве – занятию искусством, владевшим мною как рабом. Скорбен и узок путь нашей веры: все тело жизни нашей покрывается ранами на всех уровнях, когда страдальческий ум умоляет в состоянии интенсивного пребывания вне времени. Выпадая из сего бытийного созерцания, мы обретаем в глубине сердца уже готовые мысли, не нами изобретенные; в тех мыслях заключено предвосхищение дальнейших откровений о Боге. Сей благодатный дар не может быть описан нашими будничными словами. Опыт показывает, что ассимилируется он, дар, не иначе, как в длительном процессе всестороннего истощания. Тогда, как бы уже сверх всяких ожиданий, приходит исцеляющий все раны несозданный Свет. В сиянии этого Света пройденный «тесный» путь предстает как уподобление Истощанию Христа, чрез которое и нам даруется усыновление Богу-Отцу.

По мере того, как нам открывается Абсолютное Бытие, мы все напряженнее ощущаем свое ничтожество и нечистоту. И это жутко. Однако я сожалею, что в последней старости моей сила благословенного состояния умалилась во мне. Господь дал мне жить в потоках Его милости, но я ничего не понимал: у Него все по-особенному. Но Он не оставил меня до конца во тьме: Он привел меня к ногам Блаженного Силуана, и я увидел, что весь мой предварительный опыт приготовил меня к пониманию его, Силуана, учения.

Да будет имя Господне благословенно во веки веков.

О Страхе Божиим

Страх Божий есть следствие духовного озарения человека. Его природа – неизъяснима психологией. В нем, страхе этом, нет ничего общего с животным. Есть много степеней и форм его, но мы сейчас остановимся на одной из них, наиболее действенной для спасения нашего: «ужас» оказаться недостойным Бога, открывшегося нам во Свете незаходимом (ср. Мф. 10, 37–38). Охваченные сим святым страхом – освобождаются от всякого иного земного страха. Отцы наши, бестрепетные служители Духа, удалялись в пустыни и жили (да и теперь есть таковые) среди диких зверей и ядовитых змей, в условиях суровой природы и столь крайней нищеты, что идет дальше воображения современных людей. И это ради свободы предаться плачу в сознании своей далекости от Бога Возлюбленного.

Не всем доступно понять, почему духовные мужи, презревшие все, что есть в мире сем, рыдают не меньше, и даже более, чем женщины-матери над гробами

Видеть Бога как Он есть. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org дорогих сердцам их сыновей. Они, отшельники, плачут при созерцании внутри себя темной бездны: глубоки корни «познания зла», вырвать которые невозможно своею силою. Непознавшим сего состояния духа нашего сие останется навсегда непонятным. Не потому скрывается от посторонних глаз тайна эта, что у Бога есть лицепрятие, но потому, что благодать сия доверяется лишь тем, кто сам доверяет себя Богу-Христу. И сия благодать есть также дар любви Божией, без которой слезы не потекут.

От любви Божественной рождается святое дерзновение. Так малая горсть Апостолов, прежде малодушных, после сошествия на них Духа Святого, исполненные мужества пошли на духовную брань со всем прочим миром. Едва ли не все они приняли мученическую кончину. Дивные слова сказал Апостол Андрей игемону в Патрах, грозившему его распять: «Если бы я боялся креста, я бы его не проповедывал». И он был распят, и вися на кресте, прославлял крестную смерть Владыки Христа.

Дары Духа Святого – бесценны. Всякий истинный дар есть не что иное, как пламя любви. Но для расширения сердца нашего до способности воспринять любовь Христову в ее ярких проявлениях – необходимо всем без исключения пройти чрез многие испытания. Живущие в плотском покое атрофируются духовно и пребывают закрытыми для любви божественной универсальной, хриstopодобной. Таковые живут и умирают без того, чтобы дух их восходил к Небу. Между дарованиями Свыше и подвигом веры существует некоторая соразмерность: все, идущие путем заповедей Христа, в самом следовании Ему перерождаются: одни более, другие менее, в зависимости от проявленного усердия их. Чрез со-распятие воплощенному Богу-Слову нисходит на верующего благодать, уподобляющая человека Богочеловеку. Сей великий дар включает в себя и богословие живоносное чрез реальное пребывание во Свете любви.

Благодать покаяния дается тем, кто полною верою принимает слово Христа о том, что если мы не уверуем в Его, Христа, Божество и абсолютную истинность всего, заповеданного Им, то тайна греха не раскроется для нас в своей онтологической глубине, и мы «умрем во грехах наших» (ср. Ин. 8, 21, 24).

Самое понятие греха наличествует лишь там, где отношения между Богом-Абсолютом и человеком-тварью принимают характер чисто личный. Иначе остается только интеллектуальное представление о той или иной ступени совершенства формы существования. Грех всегда есть преступление против любви Отчей. Он проявляется как удаление наше от Бога и в склонении воли нашей к страстям. Покаяние всегда связано с воздержанием от греховных влечений. И вне христианства ведется борьба с некоторыми страстями; и в гуманизме наблюдается преодоление тех или иных пороков; но поскольку отсутствует ведение о глубинной сущности греха – гордости, постольку сей злой корень остается непреодоленным, и трагизм истории не перестает нарастать.

Святые Отцы говорят: одно смирение может спасти человека, и одной гордости достаточно чтобы свести в адскую тьму. Победа же над всем комплексом страстей означает обретение богоподобного бытия. Все страсти непременно облечены в некоторую форму, видимую или мысленную, воображаемую. В горячей покаянной молитве дух христианина совлекается представлений видимых вещей и рассудочных понятий. Совлечение ума от всех зрительных и мысленных форм практикуется и в других аскетических культурах. Однако в самом «мраке совлечения» душа не встречает живого Бога, если молитва совершается без должного сознания греха и искреннего покаяния. Возможно все-таки испытывать некий отдых – покой от калейдоскопического хода обыденной жизни.

От великой печали о потерянном Боге душа естественно обнажается от материальных и мысленных образов, и ум-дух приближается к той грани, за которою может явиться Свет. Но и эта грань может остаться непройденною, если ум обратится на себя. Не исключены при этой обращенности на самого себя случаи, когда ум увидит себя подобным свету. Важно знать, что сей свет свойствен нашему уму, так как он создан по образу Бога, открывшегося нам как Свет, в котором нет ни единой тьмы (1 Ин. 1, 5). Так совершается переход к иной форме мышления, к иному роду разума, высшему по сравнению с научным эмпирическим знанием. Совлекшийся в порыве покаяния всего преходящего – дух наш, как бы с некоей вершины видит относительность и условность всех наших практических сведений. И опять, и опять: Бог истинно переживается или как Огонь очищающий, или как Свет озаряющий.

«Начало премудрости – страх Господень» (Пс. 110, 10). Страх сей нисходит на

Видеть Бога как Он есть. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org нас Свыше. Он, страх, есть духовное чувство, прежде всего Бога и затем нас самих. Мы живем в состоянии страха в силу живого присутствия Бога Живого при сознании нашей нечистоты. Действие сего страха таково: он ставит нас пред Лицом Бога, чтобы быть судимыми от Него; мы же пали так низко, что скорбь наша за нас самих становится глубинным страданием, более тяжким, чем мука видеть себя во тьме неведения, в параличе нечувствия, в рабстве страстям. Страх сей есть пробуждение наше от векового сна в грехе. Он же несет нам свет разума: с одной стороны, нашего гибельного состояния, с другой – ощущение святости Бога.

Удивительна природа сего блаженного страха: вне его действия, очистительного конечно, не откроется нам путь к совершенной любви Божией. Сам Он есть не только начало премудрости, но и любви. Он и потрясает душу нашу видением нас самих, как мы есть, и привязывает нас к Богу сильным желанием быть с Ним. Страх порождает изумление пред открывающимся нам Богом. Сознать недостойным такого Бога, вот в чем ужас. Быть вечно в том адском мраке, сущность которого мы узреваем при еще невидимом нами, но дающем нам «видеть» Свете нетварном, вызывает томительную жажду вырваться из гнетущих объятий нашего падения, войти в сферу Света невечернего, к Богу любви святой.

Только чрез веру в Бога-Христа получаем мы подлинный критерий о реальностях нетварного и тварного миров. Но для этого нам необходимо все наше бытие: и временное, и вечное – строить на незаблемом камне заповедей Христа. Весьма многие ходят в рукотворенные храмы на молитву, но вовсе не так много таких, которые находят «узкий путь», ведущий в нерукотворенную скинию небес (ср. Мф. 7, 14).

В начале нашего покаяния мы ничего, кажется, не видим, кроме нашего внутреннего ада, но, странным образом, незримый еще нами Свет проникает уже внутрь как живое ощущение присутствия Бога. Если мы крепко, обеими руками, будем держать край ризы Господней, то чудо нашего роста в Боге будет все усиливаться, и нам начнет открываться дивный облик Иисуса и с Ним – созерцание, какими мы, люди, были замыслены Творцом прежде создания мира. Чтобы в силу сказанного богатства дарований не вознеслось сердце человека, ему дается Промыслом идти крутым подъемом к сему познанию, истомляющим и ум, и душу, и тело.

По временам Бог отнимает от подвижника Свою руку, и чуждый дух улучает минуты, когда он сможет колебать наше сердце и мысль. Отсюда у нас никогда нет совершенной обеспеченности, и мы даже при великих излияниях на нас милости возлюбленного Бога не «возносимся». Вот и Апостол Павел о том же говорит в своем послании к Коринфянам: «И чтобы я не превозносился чрезвычайностью откровений, дано мне жало в плоть, ангел сатаны, удручать меня, чтобы я не превозносился» (2 Кор. 12, 7). Так было в начале христианства, так будет и до конца истории мира сего.

Неописуемы дары нашего Бога. И как возможно человеку не возгордиться пред братьями своими? Да, при содействии той же Божественной силы, осуществимо сие, ибо Сам Бог – есть смирение.

О покаянии

Отец наш «обитает в неприступном свете» (1 Тим. 6, 16). Он неизменно пребывает великой тайной для нас. И это даже тогда, когда мы преисполнены близостью Его. Но и человек, созданный по подобию Всевышнему, тоже есть тайна сокровенная. И в отношении к нему не должно умяться желание все более глубокого познания о нем, о величии его призвания «от сложения мира».

Бог есть Абсолютное Бытие, Начало всех начал. Он открылся нам как «Аз Есмь», как Лицо – Ипостась – Персона. Ныне мы познаем Его чрез Сына Единородного, явившего нам Отца: «Бога не видел никто никогда; едиnorodный Сын, сущий в недре Отчем, Он явил» (Ин. 1, 18). Мы знаем Отца также и Духом Святым: «Утешитель же, Дух Святой, Которого пошлет Отец во Имя Мое, научит вас» (Ин. 14, 26). И сие живое знание освободило нас от всех абсурдов интеллектуального взлета к Сверх-персональному Абсолюту, к Чистому Бытию, трансцендирующему все сущее, собственно уже небытию.

Собезначальный Отцу и Духу – воплощенный Логос начал Свою миссию призывом к падшим: «Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное» (Мф. 4, 17). Он дал нам познание и об Отце, и о Духе Святом. И Сии два свидетельствовали о Нем.

Видеть Бога как Он есть. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org
Он же показал нам и незаблудный путь ко Отцу.

В конце моей жизни я хотел бы воспеть достойный гимн данной Им нам благодати покаяния... Воспользуюсь для сего вдохновенными словами древнего псалмопевца.

Боже мой, Боже мой! Велики и чудны дела Твои. Ты, Святой, живешь во Свете неприступном. На Тебя уповали отцы мои, и Ты избавлял их;

К Тебе зывали они, и Ты спасал их,

Я же червь, а не человек,

Поношение у людей и презрение в народе;

Но ты извел меня из чрева;

И Ты Бог мой от чрева матери моей.

Не удаляйся от меня, и я буду возвещать имя Твое братьям моим:

«Боящиеся Господа, восхвалите Его, ибо Он не презрел скорби моей и не отверг моления моего.

Я взыскал Его, и Он не скрыл Лица Своего от меня. И ныне о Нем хвала моя в Собрании Великом» (ср. Пс. 21)

«Не вем, в теле или вне тела» (ср. 2 Кор. 12,2). Именно так бывает с кающимся горячо. Сокрушенный дух человека в смертельной жажде спасающего Бога влечется к Нему всем существом. И сам он не знает, когда и как произошло с ним изменение, но забывает он вещественный мир и самое тело свое. Пребывает же при этом самим собою, как лицо-персона, возможно сказать – сильно, ярко, как никогда в нормальном житейском состоянии. Живет себя как бы бестелесный дух. В такие моменты благословения Свыше дается ему познание об иной форме бытия, уже неразрушимого.

Случалось: мой дух сознавал себя в некоей беспредельности, которая странным образом прозрачна, хотя и не видится свет как таковой. Не нахожу определения той бездонной сфере. Мой дух бывал всецело поглощен молитвою: ничего, кроме Бога, я не видел, не знал.

Великий Апостол Павел писал к Коринфянам, что он был «восхищен в рай и слышал неизреченные глаголы (римата), которых человеку нельзя пересказать» (2 Кор. 12, 4). Что имел он в виду, говоря о данном ему высшем познании как о «глаголах»? Были ли те глаголы – наши человеческие слова, или факты того духовного неба, куда он был «восхищен»? Не вполне раскрыл он в своем повествовании о сем бытии.

Мне приходит дерзкая мысль: Павла не оставляла память, что он «гнал церковь Божию» (1 Кор. 15, 9); что он был хулителем и обидчиком; и в предельном напряжении раскаяния о всем этом был он «восхищен до третьего неба». Хочу сказать: сам я переживал мое отпадение от Христа как нестерпимо гнусное преступление против Его любви. Я знал сию любовь в раннем детстве: Он давал мне жить ее. Чрез сокрушение о моем безумстве пребывал я в молитве, вырывавшей меня из всего тварного в иной мир. Когда мы действительно осознаем наш внутренний мрак, – когда нам открывается inferнальная сущность греха, тогда мы становимся восприимчивыми к действиям благодати: будет ли то озарение нетварным Светом или иного рода восхищение, познание, откровение.

Отцы говорили, что ощутить свой грех – есть великий дар Неба, больший, чем видение Ангелов. И я немалый срок был слеп духовно: я не видел греха в моем отходе от моего детского Бога. Я «поступал по не-ведению» (ср. 1 Тим. 1, 13). Я полагал, что я восходил дальше-выше Евангелия; покидал последнее без неприязни, рассудочно, как не дающее мне высшего познания. Уразуметь сущность греха мы можем не иначе, как через веру во Христа-Бога, воздействием в нас Света нетварного (ср. Ин. 8, 24).

В человеке, взятом как не-детерминированная персона, как дух, наделенный как дух свободой самоопределения, наличествует возможность увидеть некую безусловность, «божественность», как бы не требующую иного Бога. Он может

Видеть Бога как Он есть. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org признавать себя родственным, даже единичному Перво-Бытию; решиться на акт самообожения: возвратиться к своему первоначальному бытию. Я жил в этом заблуждении в моей молодости под влиянием книг об индийской мистике и в силу встреч с людьми из тех стран, где тысячелетиями культивируется сей род мистики. Выйти из этой аберрации – совсем не просто: пред вами всегда может встать вопрос о вашем якобы еще недостаточном совлечении всего, что есть в космическом бытии. В стремлении к совершенству нужно преодолеть в нас принцип персональности, как временной формы бытия, вносящей ограничения во все проявления наши. Словом, волею идти на распад или умирание человеческой личности в неименованном океане Чистого Бытия Сверхперсонального Абсолюта.

Я не смог избежать вопроса: кто же познает? кто самоопределяется? И другой вопрос: если я исшел из безначального принципа, то как могла произойти столь глубокая деградация моего бытия? Почему теперь я с таким трудом ищу развода с плотью, чтобы снова стать тем, чем я всегда был и в порядке отвлеченного умственного видения – не перестаю быть?

Медитации приводили к покою от рассеянности заботами земной жизни, – давали мне часы интеллектуального наслаждения, – возносили меня в мнимые духовные сферы, – поставляли меня выше окружающей меня среды. Философски я не мог мыслить Абсолютное Начало – персональным. Причиной тому было отчасти мое следование общему заблуждению тех кругов, в которых я вращался: смешение понятия персоны с понятием индивидуума, тогда как философски они диаметрально противоположны. Ребенком я был научен молиться Бессмертному Отцу Небесному, к Которому ушли все мои деды и прадеды. Тогда, в детской вере (ср. Мф. 18, 3; Лк. 18, 17), Персона и Вечность легко сочетались. Итак, с младенческого возраста воспринятый мною христианский персонализм в какой-то момент стал самым существенным вопросом: Бытие, абсолютное, может ли быть персональным? Мой искренний «восточный» опыт носил, скорее, интеллектуальную – оторванную от сердца – форму: аскеза умного совлечения со всего относительного. Постепенно я убеждался, что стою на неправильном пути: ухожу от истинного реального Бытия в не-бытие.

Этот период был чрезвычайно напряженным: состояние ума было подобным малой лодке в темную ночь на волнах – то он, ум, восходил на вершину некоей волны, то снова другою бывал брошен вниз с гневом. Но Тот, Кого я оставил как бы «за ненадобностью», не отвернулся от меня до конца и Сам искал случая явиться мне: Он вдруг поставил предо мною текст Библейского, Синайского Откровения: «Аз есмь сущий» (Исх. 3, 14). Бытие это Я, Бог, Абсолютный Владыка всех звездных миров – персональный – Аз есмь.

С этим Именем открылись для меня дали, убегающие в недостигаемость. Не в порядке отвлеченного мышления, но бытийно сей Личный Бог стал для меня очевидностью, которую я жил всем моим существом. Весь строй моей духовной жизни преобразился – мой дух еще не до конца ясно, но знал куда стремиться: Свет полярной звезды достигал моего зрения, а мой ум мог восходить до нее. Да, сей Бог, страшно далек, но достижим для духа нашего. Быть богом вне сего Единственного Истинного – безумие, худшее всех прочих форм безумия. И я предался отчаянному плачу, горькому, жгучему, осознав ужас моего падения: Господь даровал мне благодатное отчаяние. И когда я оплакивал себя глубоким плачем, не смея возвести мысли моей к Нему, Он явился мне во Свете Своем. Так положил Он начало моей новой жизни, породив меня в слезах покаяния. Все, что было раньше притягательным для меня в мире сем, утерять прелесть свою, и ни о чем более другом не думая, я погрузился в молитву. Не скажу, что борьба за мое освобождение от всего, чему я предавался страстно, была легкой; ни даже краткою. Особенно тяжело переживался отрыв от живописи.

Благодать покаяния есть восхищение души к Богу, увлеченной явлением Света. Он, сей Свет, в начале еще никак не видим, но от теплоты Его смягчается сердце. Душа в разрыве: с одной стороны, ужас видеть себя, как я есмь; с другой – прилив неведомой ранее силы от узрения Живого Бога. Станным образом внутри при этом превалировало отчаяние за самого себя настолько, что даже когда Он был со мною и во мне, я не мог прекратить плача о моем грехе, который предстал во мне в своей метафизической сущности превосходящим все видимые преступления. Сильное желание порвать со всем прежним принимало форму ненависти к себе в моем прошлом. Положительная сторона отталкивания от моих страстей была в том, что оно являлось в то же время актом становления моего в открывшемся мне Боге.

От напряжения святой ненависти к себе молитва черпает могучую энергию и

Видеть Бога как Он есть. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org становится подобно бурному пламени. Дух тогда живет и свою смерть, и мрак, и надежду на Бога Спасителя. Нет сомнений для меня: сила моей молитвы была не моею – она исходила от Бога. Она, молитва, истомляла меня до полного изнеможения всего моего психофизического состава. И бывало, приходил чудный мир в душу, и атмосфера иной жизни нежно обнимала меня, принося ощущение присутствия Бога, возлюбившего свою умную тварь.

Болезнен подвиг совлечения страстей, препятствующих пришествию Света. Многовековой опыт святых аскетов показал с неопровержимой достоверностью, что гордость есть главное препятствие для озарения нас Духом Святым. В той молитве, которую давал мне Господь, когда я ощущал себя до конца истощенным во всех планах моего существа, я тогда, по-видимому, приближался к заповеданному смирению, ибо тогда раскрывалась моему духу светоносная сфера. И не было противостояния между моим духовным состоянием и действием Бога во мне. Смирение Бога – непостижимо: оно безотносительное: в нем нет сравнения себя ни с кем: оно есть атрибут Божественной Любви, отдающей себя вне всякой меры.

В молитвенном подвиге предшествовавших нам поколений, да и в Писании Святом, Богу даются имена по характеру Его, по Его отношению к нам, по Его проявлениям: Бог есть Свет, Бог есть Истина, Любовь, Милосердие и множество других. Я дерзаю добавить: Бог есть смирение. Ничто нечистое, т.е. гордое, не прикасается к Нему. Гордость есть мерзкая тьма, антипод Божественного Блага; гордость есть принцип зла, корень всех трагедий, сеятель вражды, губитель мира, противник богоустановленного порядка; в ней – сущность ада.

Гордость есть та «тьма кромешная», пребывая в которой, человек отрывается от Бога любви. «Люди... возлюбили тьму» (Ин. 3, 19). Спасение от сего ада возможно не иначе, как чрез покаяние.

Покаяние есть бесценный дар человечеству. Покаяние есть чудо Божие, воссоздающее нас после падения. Покаяние есть излияние божественного вдохновения на нас, силою которого мы возносимся к Богу, Отцу нашему, для вечной жизни во Свете Его любви. Чрез покаяние совершается наше обожение. Сие событие неизъяснимо велико. И дар сей стал возможен чрез Гефсиманскую молитву Христа, чрез Его смерть на Голгофе и Его Воскресение (Лк. 24, 45-47).

Гордость есть та мрачная бездна, в которую погрузился человек в своем падении. Склонившись к ней волею, он ослеп духовно и стал неспособным распознавать ее присутствие в движениях сердца и ума. Только нисходящий на нас нетварный Свет чрез веру в Божество Иисуса Христа дает узреть метафизическую сущность гордости. Благодать духа Святого просвещает сердце человека, и он обнаруживает внутри себя наличие злокачественной опухоли, несущей ему смерть. Пережившим опыт Божественной любви свойственно отталкиваться от специфического ядоносного запаха, которым пропитана страсть гордости. Отрывая от Бога, гордость делает человека замкнутым в себе кругом. Гордый, как бы ни был одарен интеллектуально, всегда и навсегда пребудет вне всеобъемлющей любви Христа. Опьяненный в раю сладостным зельем люциферического само-обожения, человек обезумел и стал пленником ада. Обращенный к самому себе, как к центру, он рано или поздно натолкнется на томительную пустоту; ту, из которой он вызван Творцом к жизни сей. Обратившись вне себя на искание компенсации в окружающем его мире, он претерпевает всяческие извращения, может стать способным на всякие преступления.

Неисчислимы формы выявления гордости, но все они искажают образ Божий в человеке. Вне Христа, без Христа – неразрешим трагизм земной истории человечества. Атмосфера земли пресыщена запахом крови. Каждый день вселенная питается вестями об убийствах или об истязаниях побежденных в братоубийственных конфликтах. Мрачные тучи ненависти скрывают от взоров наших небесный Свет. Сами люди строят свой ад. Не без нашего тотального изменения чрез покаяние придет избавление миру: «избавление» от страшнейшего из всех проклятий – войн. Для смиренного носителя любви предпочтительнее быть убитым, чем убивать.

Дух наш бывает в состоянии благодарного восторга, когда открывается нам Святая Тайна, превосходящая тварный ум: Бог живой, Которому можно говорить «Ты». Его величие нас пугает; Его смирение нас поражает. И сколько бы мы ни восходили в нашем влечении к Нему всей силой нашего существа, мы с радостью ощущаем процесс восхождения, но вместе с тем представляется Он все более

Видеть Бога как Он есть. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org недостижимым. И бывает, что мы изнемогаем, нас охватывает некое отчаяние, мы видим себя готовыми пасть, – и вдруг, Он уже неожиданный, с нами и обнимает нас любовно. Бог удивительно странный. Душа намеревается спросить Его: Где же Ты был, когда мне было так тяжело? Но не может выговорить своего вопроса, видя Его с собою. Смысл богооставленности – показать нам, что мы еще не-готовы; что путь еще не до конца пройден; что нам надлежит пройти через подвиг более полного истощания; испить чашу, которую Он испил (Мф. 20, 22). Итак, в благоговейном страхе и в свете крепнувшей надежды смиряется душа, и углубляется радость сердца об умножении познания путей Бога, Спасителя нашего.

Ум воображающий – непригоден для богословия. Зная вред от пребывания в сфере воображения, Блаженный Старец Силуан подвизался предстоять Богу чистым умом. Это состояние дается человеку в предельном для него напряжении покаяния, дарованного миру воскресшим Христом. Ни объяснить этого состояния нашего духа, ни дать пережить его посредством описания – нельзя. Многим оно покажется невероятным. Да, «человекам это невозможно, Богу же все возможно» (Мф. 19, 26). Молитва чистым умом – редкое явление. Подступом к ней является прежде всего глубокая скорбь нашего духа, сознающего свое ничем не вознаградимое лишение: разлуку с Богом. Печаль эта подобна агонии. Болезнь сия острее ножа. Если нет при этом покаяния, то, полагаю, она, боль, может принять гибельный характер и, б.м., привести к смерти. При молитве же – это чудный дар Любви Божией. Мучительное борение пробуждает в душе прежде скрытую энергию молитвы, бьющей день и ночь горячим ключом. И неожиданно, непреднамеренно молитва достигает чистоты. Тогда человек подлинно живет в светоносной реальности Святого Духа.

И для Бога, и для самого себя он предстает в полной обнаженности своего существа.

В такой молитве дух наш вылечивается от зачарованности «призраками истины», от многих неясных влечений во мгле неведения.

С детских лет я вошел в молитву. Но настал такой день, когда на одной московской улице, утром, в мой ум врезалась мысль: Абсолют не может быть «личным», и вечность не может заключаться в «психике» евангельской любви... Станным было сие событие: сила мысли была подобна удару молота. Навсегда запомнилось мне это место... Я стал с некоторым насилием над собой отрываться от молитвы и склоняться к медитации нехристианского типа. Вскоре после сего, однажды ночью я был разбужен непонятным для меня образом. Я увидел всю комнату наполненную разорванными кусками вибрирующего света. Душа моя смутилась; я бы сказал – нечто вроде неприязни, смешанной с некоторым страхом, подобным боязни аспиды, вползшего в твой дом. Я вышел из моей комнаты в столовую – провел там несколько минут и затем возвратился к себе. Света больше не было, и я снова заснул.

Несколько позднее, во время моих медитаций, возраставших в смысле сосредоточенности, я видел мою мыслящую энергию подобною свету, несильному; свет сей бывал внутри черепной коробки и вокруг нее; сердце же при этом не участвовало, живя отдельно от мозга.

Много лет спустя, уже после посещения меня милостью Бога Вышнего, я заметил, что Нетварный Свет – спокойный, целостный, ровный; воздействует на ум, на сердце и даже тело. При созерцании его все существо пребывает в состоянии, которого не знает «земля». Сей Свет есть свет любви, свет разума, свет бессмертия и дивного мира.

По моем новом обретении Христа, мой «восточный» опыт, длившийся приблизительно семь или восемь лет предстал моему духу как самое страшное преступление пред любовью Бога, которого знала моя душа с раннего детства. Мною овладел некий священный ужас от сознания, что я, неверный и отступник, останусь навсегда недостойным такого Бога. Не без боли вспоминаю сейчас то страшное и вместе чудное время. Я молился тогда как безумный, со многим плачем, сокрушавшем и самые кости мои. При этой молитве внутри ощущался огонь, пожигавший во мне казалось бы все. Не знаю, как я выжил. Никогда не смогу я втиснуть в слова испытанных мною «огня» и отчаяния; а вместе и той силы, которая удерживала меня в непрестанной молитве крайнего напряжения годами. В то время я ничего не понимал. Теперь же не нахожу путей показать Богу мою благодарность за Его «крепкую руку» Святого Ваятеля: мне было тяжело; я действительно страдал во всех планах моего существа. Я удивляюсь Ему: Он преложил мое адское безобразии на нечто иное, менее далекое от Его

Видеть Бога как Он есть. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org
неизреченного Света.

Благоволение Бога ко мне выразилось в том, что Он дал мне благодать покаяния (Лк. 24, 47). В начале этого страшного, но все же благословенного периода преобладала безнадежная скорбь в молитве, сопровождавшейся нередко ощущением огня. Природу сего огня я не узнавал; да и не искал я ему объяснения, так как ум мой влекся к Нему, к Богу моему. Сей пламень огненный пожигал во мне нечто; это было не без боли. По прошествии многих лет, уже на Афоне, когда дух мой пребывал в мире, вспоминал я ранее пережитое внутри как событие, переродившее меня и поставившее мою жизнь на новую орбиту, в сфере иного бытия. И благодарил я Бога.

Описываемое мною время отчаянного покаяния я склонен признать событием, б.м. не только для меня. Как не удивляться: в прежнем совлечении моем временной формы бывания, я уходил куда-то далеко от обычной жизни. И вот, там Его рука настигла меня. Это был момент вторичного создания меня Его волею: я снова был вызван из «небытия» в свет жизни. Как странно все произошло, происходило.

В своих, оправданных нашим рассудком, движениях, мы не можем видеть «греха». Настоящее видение греха принадлежит тому духовному плану, из которого мы выпали в нашем падении. Грех осознается по дару Духа Святого совместно с верою в Личного Абсолюта, Творца и Отца нашего. Речь идет о наших личных с ним отношениях, а не о чем-нибудь ином.

Чуден момент живой встречи с Ним. Да, я преступник против Его любви. Я не знал Его, как должно знать. Но я не могу сказать, что я не повинен в моем неведении. Душа интуитивно у всех нас ощущает некоторую борьбу с нашей совестью, прежде чем совершится внутренний акт склонения нашей воли к чему-то что отрывает нас от Бога. Так было со мною в юные годы, когда я согласился с идеей, внушенной мне Врагом, в момент, описанный мною выше.

Если я буду разбираться во внутреннем процессе моего обращения к Богу после падения, то мне приходит такое сравнение: Свет Божий, Свет Духа Святого, еще не зримый мною, откуда-то сзади далеко освящает меня, показывая то место духовное, в котором я пребываю. И имя сему месту – ад. Я не вижу Света, как такового, но он мне открывает глаза, чтобы узреть тьму, в которой я живу. Я не могу понять тьмы, если нет противоположного ей света. Чрез невидимое присутствие сего Света создается положение, что я постепенно начинаю созерцать идею моего Создателя «прежде основания мира» (Ин. 17, 24). Мое новое, еще только начинающееся познание Бога Живого приводит меня к узрению во Христе именно того образа, по которому мы созданы (ср. Быт. 1, 26–27). И сердце мое поражается печалью: «вот каким должен быть каждый из нас, чтобы жить свое единство, нерушимое в веках, с Отцом всего сущего. О горе: я лишен сего. Мне с детства была дана мысль о вечности; мне бывал дан некий опыт, или приближение к нему, т.е. опыту несозданного бытия. А я умираю в бессмысленном мраке моего невежества во всех планах».

Этот мрак стоял предо мною, как свинцовая стена, отделяя меня от Бога с непреодолимой для меня самой властью. Эту тяжелую стену Святой Апостол назвал «законом греха» (Рим. 8, 2). Бог наш есть Свет, в котором нет ни единой тьмы: Он отказывается соединиться с нашей тьмой. Мы должны очиститься от обладающей нами скверны, иначе мы не войдем в Царство Истины и Света (Откр. 21, 27).

С того часа, как мне была дана благодать покаяния, я осознал себя во аде. Как бы ни был по временам болезнен сей путь, другого к дверям Божественной Вечности для падших сынов Адама нет. Глубока моя скорбь за самого себя, но там, впереди, я вижу Свет. Мой восторг пред Богом мучает меня, когда я ищущим выражений для него. Я воспитался избегать высокопарного языка, [1] а теперь мне все слова, все языки кажутся выцветшими красками, неспособными изобразить моей благодарности Богу.

Когда рука Божия, озарив сначала нас Светом, ставит нас на новый, дотоле неведомый «высокий» путь, то там мы встретим две грандиозные ступени: имя одной – «ад покаяния», другой – «ад любви». Покаяние связано с двумя заповедями – наибольшая из них: «возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим» (Мф. 22, 37, 38). Мы не имеем сей любви, и велик для нас труд, чтобы стяжать ее. Следующая ступень, не менее болезненная, стоит в зависимости от второй заповеди: «возлюби ближнего твоего, как самого себя». Господь не совершил ни единого греха

Видеть Бога как Он есть. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org (ср. Ин. 8, 46; Лк. 23, 41), и потому не имел нужды в покаянии. Но, взяв на себя грех мира (ср. Ин. 1, 29), Он сходил во ад любви к ближнему, и сходил до последних глубин, т.е. до предельных измерений второй заповеди. Мало кто из людей познает сей ад, потому что мало в нас любви к ближнему, т.е. ко всякому со-человеку, ко всему от века множеству людей. Божественная любовь Христа истощает себя в служении именно всему человечеству от Адама до последнего, имеющего родиться от женщины. Он положил душу Свою за друзей и за врагов. Если мы уразумеем подлинный смысл второй заповеди, то увидим, что еще не начали нашего покаяния. А если бы было нам дано жить ее в возможной для нас полноте, тогда мы познали бы Единого Бога в Трех Ипостасях и наше бессмертие (ср. Мф. 16, 28).

Пребывание во плоти весьма затрудняет ясно осознать-жить абсолютность стоящей пред нами задачи. Плоть всегда налагает некий покров не-совершенства и неведения. Однако, при целостной вере, свободной от колебаний и сомнений, благодать Духа Святого дает горячо кающимся и опыт схождения во ад, и опыт ада любви, и воскресения души еще в границах жизни в этом теле.

Одна из весьма трудных живописных проблем для пейзажиста – голубое небо, непрестанно дивно вибрирующее; на цветных фотографиях его цвет может напоминать кузов автомобиля, окрашенный голубым лаком. Таким скучным, возможно, является в силу многих повторений описание моей духовной жизни, полной в действительности глубоких контрастов, никогда не теряющей своего динамического характера. Но я рискую продолжить взятый на себя труд – исповедать пережитое мною.

Живого Бога я познал с самого раннего детства. Бывали случаи, по выходе, вернее сказать – выносимый на руках из храма, я видел город, который был для меня всем миром, освещенным двумя родами света. Солнечный свет не мешал ощущать присутствие иного Света. Воспоминание о нем связывается с тихой радостью, наполнявшей тогда мою душу. Из моей памяти выпали едва ли не все события этого периода, но Света сего я не забыл.

В начале зрелой юности я отступил от Бога моего. Преступлений, наказуемых государствами, я не совершил, но чрез мой ум, чрез мое сердце свободно проходили всякие гады, всех планов и родов.

Неосязаем Бог наш; невидим, непостижим; неисследимы и пути Его о нас промысла. Как Его нежная, но могущественная рука уловила меня, когда я с упорством юного безумства устремился в меоническую пустоту? Огонь небесный проник внутрь, и сердце мое было растоплено жаром. Мою покаянную молитву я приносил Святому Богу, прижавшись к полу, к земле. О, какого стыда я был исполнен в те годы. Я сознавал себя самым подлым преступником за мой гордый порыв превзойти Его. Мой грех против Его любви предносился мне в своей кошмарной сущности: как самоубийство, и притом не в плане тленной плоти, но как отпадение в вечности от моего Творца. Он в безмерности Своей любви желает дать мне светоносную беспредельность. Я же стучал в двери смерти не во времена, а за его гранями. Я ненавидел себя, десятилетия проливал слезы от горя моего и стыда моего.

Я горько плакал (ср. Мф. 26, 75). Не знаю, а может быть и знаю до некоторой степени, как плакал Петр после своего отречения от Христа, и как, согласно преданию, он не забывал о сем всю свою жизнь, почему и взыскал, чтобы его распяли головою вниз. Правда, я не помню вовсе, чтобы у меня было отталкивание от христианства. Я был увлечен идеею трансцендентального созерцания. Мне казалось, что я покинул низший уровень жизни – психический, душевный: «люби Бога и люби ближнего». Когда же мне открылась духовная сущность моего внутреннего движения, а именно повторение Адамова падения, тогда я ужаснулся, и молитва моя характеризовалась уже неприязнью к самому себе. В этой молитве мой ум не обращался на меня самого; я не анализировал мои состояния; я пребывал в великом трепете, почитая себя недостойным прощения. Я стоял как бы на страшном суде высочайшего трибунала: все мое внимание сосредоточивалось на моем Судье. У меня не было слов: я молился неоформленными словом воздыханиями сердца моего. Я не находил себе оправдания; во мне не было надежды. Быть может, вернее будет сказать: я молился с надеждою, которая идет дальше всякого отчаяния. В этой молитве я, бывало, терял ощущение моего тела. (Обнаруживал сие явление лишь после того, как снова приходил в состояние нормального мироощущения.) Дух мой при этом входил в некую умную сферу, границ которой невозможно достигнуть; б.м. потому, что их нет. В этой духовной бездне душа моя искала только Бога. Я

Видеть Бога как Он есть. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org бывал один: не было «там» ни предметов, ни какого-либо другого личного существа со мною. Я как-то сознал, что если Господь соблаговолит, то беструдно придет ко мне, где бы я ни был. И Он соблаговолит.

Назвать ли сию молитву «чистой», потому что дух мой совлекался всего тварного? Не знаю, как описывать происходившее со мною, но в ней, этой молитве, существовал для меня только БОГ: во всем Бытии – только Он, и я, жалкий урод.

О покаянии и духовной брани

Вся наша земная жизнь от рождения до последнего вздоха в своем конечном завершении предстанет как некий единый, непротяженный акт. Его содержание и качество возможно увидеть в один миг. Представьте себе сосуд идеально чистого стекла полный воды; с первого взгляда можно сказать – чиста ли вода, или нет, и насколько. Так будет с нами по переходе в иной мир. Всякое движение, даже мимолетное, сердца или мысли оставляет некий след в общей сумме нашей жизни.

Предположим, что за весь срок моего земного существования лишь раз чрез мое сердце пробежала злая мысль, например – убийства (ср. Мф. 15, 19). И эта единственная мысль останется темным пятном на теле моей жизни, если не будет извергнута чрез покаянное самоосуждение. Ничего невозможно скрыть: «Нет ничего сокровенного, что не открылось бы, и тайного, чего не узнали бы» (Лк. 12, 2–3).

Мы часто успокаиваем себя, думая, что никто нас не видел, или никто не знает, что мы мыслим или делаем. Но когда мы полны заботы приготовления к вечности, тогда все меняется, и мы стремимся освободиться от всякой тьмы внутри нас.

«Если мы говорим, что не имеем греха, – обманываем самих себя, и истины нет в нас. Если исповедуем грехи наши, то Он, будучи верен и праведен, простит нам грехи наши и очистит нас от всякой неправды» (1 Ин. 1, 8–9). Чрез искреннее раскаяние с решительным самоосуждением себя пред Богом и людьми внутренний человек очищается, и вода в сосуде, проведенная чрез духовный фильтр покаяния, восстанавливается в своей чистоте. Отсюда, когда я исповедуюсь, то обвиняю себя во всяком зле, потому что не нахожу во всем мире такого греха, которого я не сотворил хотя бы мгновенным прикосновением ума. Самая возможность такого движения моего духа является показателем моего греховного состояния. И кто может быть совершенно уверенным, что он вне власти посещающих его идей? И где гарантия, что момент прикосновения ко мне недоброго помысла не превратится в вечность?

Доколе мы живем, есть еще возможность исправления; но что будет с нами по исходе нашем отсюда, мы еще не знаем. В плане материальном: масса, получившая достаточно сильный толчок, теоретически может по выходе из сферы притяжения земли, с большой скоростью вечно лететь в беспредельность космических пространств; не будет ли того же с душой? Увлеченная любовью к Богу, покинув тело, душа пойдет к Богу; или, обратное сему: оттолкнувшись от Бога, она двинется «во тьму внешнюю» – к нескончаемым терзаниям противоположного любви состояния? Итак, в меру нашей способности видеть себя, нужно чисто исповедывать наши грехи, чтобы не унести их с собою по смерти.

Чтобы побеждать злые помыслы или хотя бы суетные, не всегда удачным бывает метод прямого сопротивления им. Часто лучшим способом является память о величии предвечного замысла Отца о нас. Знать о себе, что еще прежде создания мира мы задуманы как полнота совершенства, необходимо для того, чтобы жить должным образом (ср. Мф. 5, 48; Еф. 2, 10; 1, 4–5). Умалять инициальную идею Бога о нас не только ошибка, но действительно великий грех. Не видя в самих себе, ни тем более в брате своем непреходящего достоинства, люди становятся звероподобными в своих взаимоотношениях и легко убивают друг друга. О, какое парадоксальное смешение представляет собою человек: с одной стороны, он вызывает восторг удивления пред ним, с другой – горестное недоумение своей жестокостью и дикостью. Душа решается на молитву за мир, но сия молитва никогда не достигает своей последней цели, так как никто и ничто не может лишить людей свободы склониться ко злу, предпочесть тьму свету (ср. Ин. 3, 19).

Молитва, принесенная Богу истинному подобающим образом: «в духе и истине»

Видеть Бога как Он есть. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org (Ин. 4, 23), есть бытие нетленное, нерушимое. Психологически мы можем забыть о ней среди житейской суеты, Самим Богом она вечно хранится (ср. Лк. 10, 42). В день воскресения и суда все, что мы сделали доброго в течение нашей жизни, станет рядом с нами, оправдывая нас; и наоборот, все, что мы сделали дурного, обличит нас, если не было принесено соответствующего покаяния. Худые поступки и недобрые слова могут быть стерты с нашей души слезами покаяния, как бы это ни казалось странным и логически даже невозможным. Излечиваются, конечно, отрицательные последствия греха на нас, исчезает негативная сила совершенных нами действий по отношению к ближним; Божественною силою воссоздается полнота жизни, однако не односторонним вмешательством Бога, а всегда в соединении с покаянием и расположением людей, потому что Бог ничего не делает с человеком без человека.

Участие Бога в нашей личной жизни мы именуем Промыслом. Сей Промысл вовсе не подобен языческому року. В некоторые решительные моменты мы действительно сами выбираем из представляющегося возможным. Когда пред нами открываются различные пути, то, нормально, мы должны решительно двинуться к последнему искомому нами Благу. Сей выбор неизбежно будет связан с готовностью на жертвы. В таких случаях особенно ярко проявляется наша духовная свобода. Более часто, к сожалению, люди руководствуются временными побуждениями, уклоняясь от указанного Богом пути в Царство Света. Так человек впадает в круг обманчивых страстей, мешающих ему узреть желанную зарю. При всяком выборе все же неизбежны страдания и жертвы. И когда мы избираем волю Божию, то всякая жертва уподобляет нас Христу: «Отче! о если бы Ты благоволил пронести чашу сию мимо Меня! Впрочем не Моя воля, на Твоя да будет» (Лк. 22, 42).

Всем нам необходимо пройти через таинство смерти ради большего уподобления Христу. За этим, еще неведомым нам порогом, Бог и Отец наш введет нас в область невечернего дня. Такова наша надежда во Христе, которая сбудется, так как все обетования Его неложны и непреложны, как показал это тысячелетний опыт Церкви нашей.

Евангелие – благая весть – и начинается, и заключается призывом к покаянию. И учение святых аскетов, Отцов Церкви наших, пронизано сознанием, что всякий раз, когда человек приносит молитву Богу не как грешник, молитва его не достигает Престола Божия, потому что Сын Божий пришел призвать не тех, кто мнит себя праведником (ср. 1 Ин. 1, 8), и следовательно стоит вне истины, а тех, кто сознает себя грешником (Мф. 9, 13).

«Смрадное море, лежащее между нами и мысленным раем, мы можем перейти лишь на корабле покаяния, управляемом гребцами страха. И если кораблем покаяния, на котором переходим мы море мира сего к Богу, не правят сии гребцы страха, то мы утопаем в этом смрадном море... Покаяние – корабль, страх же его кормчий, а любовь – Божественная пристань... К сей пристани приходят все труждающиеся и обремененные покаянием, и когда достигнем любви, тогда достигли мы Бога» (Преп. Исаак Сирин, слово 83).

Покаяние является основным фоном всей нашей аскетической жизни. Преп. Ефрем Сирин оставил нам нужную молитву: «даруй ми зрети моя прегрешения». Опять и опять: видеть свой грех – есть духовный акт, чрезвычайно великой ценности для всех, кто ищет Лицо Бога Живого. Больше того: акт сей есть действие в нас Самого Бога, Который есть Свет.

За время нескольких десятилетий моего духовнического служения я с печалью убедился, что редки люди, уразумевшие чувством сердца подлинную природу греха. Обычно они стоят на уровне человеческой морали, и если когда и поднимаются над ним, то все же недостаточно.

Из путей, ведущих к познанию нами грехов наших, наиважнейший есть вера в Божество Христа, ради которой нисходит на человека любовь Духа Святого. Познавший опытом святой огонь Божественной Любви естественно стремится пребыть в этом благодатном состоянии. И если он совершит что бы то ни было делом или только во внутреннем движении своем, последствием чего бывает ослабление чувства любви Божией, то самое сие умаление благодати, без всяких рациональных психоанализов, является показателем отступления нашего от Правды Божией. Тогда дух наш устремленно обращается к Богу в покаянной молитве, чрез которую приходит прощение, как восстановление в любви. И чем больше была познанная благодать в часы посещения Духа Святого, тем болезненнее и глубже бывает раскаяние. Такой человек живет пред Богом в простоте, как бы без рассудочных размышлений, водимый любовью и страхом

Видеть Бога как Он есть. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org
Божиим, – таковой может восходить даже до совершенства в святости, сам того не подозревая (ср. Лк. 17, 20).

Другой путь к познанию греха состоит в том, что дух человека ставит себя на суд слова Божия. Разумным контролем своего внутреннего состояния он убеждается, что не хранит заповеди, и в силу этого приносит покаяние. Чтобы путь сей приблизил его к искомому, необходимо усердно поучаться в законе Господнем, ибо «широка заповедь Божия» и «углубишася зело помышления Господни» (ср. Пс. 118, 96; 91, 6).

Совесть людская и ум человеческий по своей способности проникать в область Духа стоят много ниже данных нам заповедей (ср. 1 Ин. 3, 20). Для полноты покаяния необходимо идти сими двумя путями – сердце и ум, которые затем, в акте подлинной вечной жизни, сливаются воедино. «Бог есть любовь» (1 Ин. 4, 8), и Он знает Себя и нас Абсолютным образом; и все в Нем – едино. Так и человек должен достигнуть прежде всего состояния любви Божией, затем Богопознания (1 Ин. 4, 7, 8) и самопознания: проникновение в предвечную идею Бога о человеке.

Для уяснения моей мысли приведу пример. Преподобный Симеон Новый Богослов пишет сам о себе, что ему многожды являлся некий свет, и он любил этот свет и тянулся к нему, но долгое время он не знал: кто есть сей свет? Наконец, в один из моментов видения света он обрел в себе дерзновение спросить: Кто Ты? И получил ответ, и познал, что являвшийся, как Свет, был Иисус Христос. После сего он не только пребывал в любви, но и «знал» эту любовь. Соединение переживания и познания привносит в нашу жизнь достоверность.

Подобные опыты и других аскетов легли в основание учения Церкви о несозданной природе являвшегося им Света.

«И сказал им: так написано, и так надлежало пострадать Христу и воскреснуть из мертвых в третий день, и проповедану быть во имя Его покаянию и прощению грехов во всех народах» (Лк. 24, 46–47). Велик невыразимо дар покаяния: с ним связано проникновение духа нашего в Тайны безначального Бога, Отца нашего. Не иначе, как чрез покаяние мы воспринимаем бытийно Откровение: каким прежде сотворения задуман человек в предвечном Совете Святой Троицы.

Познание Бога вездесущего разумными тварями осуществимо повсюду. Но для стяжания его далеко недостаточно посредничество богословских школ и книг. Истинное познание неизъяснимым образом проникает в самое существо наше, когда Он с нами. Действенное пребывание Бога в нас означает введение нас в самый акт Божественного Бытия. И именно этим путем сообщается духу нашему живое, никем неотъемлемое ведение о Нем (ср. Лк. 10, 42). Вернейшее средство достигнуть сего блага – покаянная молитва, дарованная нам по вере во Христа.

Без того, чтобы созерцать первую творческую идею Бога о человеке; без того, чтобы переживать святость Бога, не придет к нам сожаление о понесенной нами в падении потере с должной силой. Мы можем страдать в нашем данном положении; мы можем отчасти и как бы с расстояния чувствовать Огонь Божий и чрез сие в соответствующей нашему разумению мере – каяться. Но совсем иное покаяние, уже тотальное, мощно захватывает все наше существо когда нетварный Свет дает нам видеть наш внутренний ад и вместе ощущать Святость Живого Бога.

В состоянии глубокого плача нашего о грехах чудным образом внутри нас воспринимается действие Самого Бога, отечески обнимающего нас тесно-тесно в любви Своей, Сей тонкий Дух неудержим нашими усилиями. Когда Он отходит от нас, мы снова погружаемся во мрак смерти; мы ищем Его, но Он, все наполняющий, ощущается в недосягаемой дали.

Когда я измеряю себя заповедями Христа: любить Бога всем существом и ближнего, как самого себя, тогда я не имею возможности судить о том, насколько я далек от стоящей предо мною цели. Мне кажется тогда, что я еще не достиг покаяния, пламя которого все же коснулось меня и дало о себе знать. В свое время поразили меня слова умирающего Сисоя Великого явившемуся ему безначальному Господу: «Дай мне, Христе, время на покаяние»... Стоявшие около его одра братья спросили: «Ты ли еще не покайся?» Святой ответил: «Поверьте, братья, я еще не начинал каяться». Для братьев слова Сисоя явились показателем, что он достиг возможного на земле предела совершенства.

Парадоксальным кажется сие, но именно так воспринимается нами Божия безначальность. Томительная жажда Бога Живого, перейдя меру наших сил вынести, вырывает наш дух из всего тварного и вводит в некую неизобразимую бездну духовного пространства, где ничего и никого нет, кроме Бога любви и видения Его беспредельности. Там не видится Свет, как таковой, но нет там и мрака, ибо бездна сия странным образом прозрачна, и умное око беспрепятственно уходит в бездонность, и никогда не достигает края.

Верующим свободно от сомнений верую во Христа, как Бога Творца и Бога Спасителя нашего, в покаянном порыве дается опыт и ада, и воскресения прежде смерти по телу. Покаяние не есть лишь мысленное действие, как перемена нашего интеллектуального подхода ко всему, совершающемуся в мире. Этой перемене, этому обращению нормально сопутствует чувство горечи за себя, как я есмь, сожаление сердца моего о разрыве с Богом Святым. Нет большего горя, чем сие сознание, при котором я вижу себя воистину худшим всех и всего. Все земные переживания временны, а отношения наши к Богу – вне-временны. Выброшенные в просторы вечного Духа молитвою, исторгающиеся из ненависти к самому себе, мы молимся без возврата внимания на себя.

Всякое созерцание божественных реальностей возможно не иначе, как если дух человека придет в состояние, в какой-то мере соответствующее созерцаемому. Действительно: может ли связанный когтями гордости иметь внутри себя пребывающим Смиренного Духа Святого? Возможно ли в судороге ненависти и прочих темных страстей видеть недомысленный Свет Божества? Или как «презирающий», хотя бы «одного из малых сих» (ср. Мф. 18, 10) – будет богословствовать о Божественной любви? Итак, только пребывая ощутимо в благодати Духа Святого, удостаивается человек видения бессмертной славы и незаходимого Света.

Каждое истинное боговидение есть дар Великого Бога, делающего нас причастниками Своей жизни: смирения и мира, премудрости и ведения, любви и благодати. Чрез вселение в нас Нетварной Силы сообщается нам безначальная жизнь. В силу чего спасенные люди становятся «безначальными» (не по существу, а по благодати).

В пределах Земли суждение о степени дарований основывается на мере нашего подобия Христу в нашем мышлении, переживаниях, в наших молитвенных воздыханиях: «Ибо в нас должны быть те же чувствования, какие и во Христе Иисусе» (Флп. 2, 5), который «во дни плоти Своей с сильным воплем и со слезами принес молитвы и моления могущему спасти Его от смерти» (Евр. 5, 7). Пребывая в Духе Христовом – мы становимся сынами Отца Безначального и богами еще отсюда.

Быть может не лишне подчеркнуть, что для внешнего наблюдателя, не познавшего опытом христианской жизни, нет ничего достойного внимания в таком носителе невещественного Света. Верующий человек – чаще аскет в пустыни – может быть жалким бедняком в своем физическом явлении, одетым по-нищенски, беззащитным пред лицом князя мира сего, но по внутреннему духу он все же истинно велик. Царство, к которому он принадлежит по дару Свыше, не есть от мира сего.

В начале покаяния преобладает горечь, но вскоре за тем мы видим, что в нас проникает энергия новой жизни, производящая чудесную перемену ума. Само покаянное движение предстает как обретение Бога любви. Пред духом нашим выявляется все яснее неописуемо великолепный образ Первозданного Человека. Узрев сию красоту, мы начинаем сознавать, какому страшному искажению подверглась в нас первичная идея о нас Творца. Свет, от Отца исходящий, дает нам «познание славы Божией в лице Иисуса Христа» (2 Кор. 4, 6). Сам Он сказал об этом: «Никто не может придти ко Мне, если не привлечет его Отец» (Ин. 6, 44). Благодать покаяния раскрывает в нас образ Сына Отчего. О, сколь болезнен сей процесс. В сердце наше проходит меч своим раскаленным концом. И как говорить об ужасе, который овладевает нами при этом? И как описывать сей акт воссоздания нашего Богом? Образ Единородного и Единосущного Отцу Сына и Логоса возжигает в нас сильное желание уподобиться Ему во всем. И снова мы оказываемся в парадоксальном положении: мы страдаем, но иным, неведомым прежде страданием. Оно, страдание сие, вдохновляет нас, а не убивает. В нем соприсутствует нетварная сила. Мы бываем брошены в Божию беспредельность. Мы в изумлении от совершающегося внутри нас события. Мы превзойдены величием его (события). Мы сжимаемся, мы умалеемся до крайности в сознании о себе самих, и вместе с тем Бог приходит

Видеть Бога как Он есть. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org обнять нас, подобно евангельскому Отцу (Лк. 15, 20). Страх и трепет отходят от нас, давая место «удивлению Богом». Он облачает в драгоценные одежды; Он украшает нас высокими дарами, лучший из них – всеобъемлющая любовь. Наше первое, покаянное страдание прелается в радость и сладость любви; теперь любовь принимает новую форму: сострадания всякому существу, лишенному Света Божия.

Велик восторг еще и оттого, что мы начинаем воспринимать волю Бога о нас; мы видим себя вовлеченными в творческий процесс Самого Бога; мы были сотрудниками Ему в нашем собственном восстании от падения и искажений; и вот: Он поставляет нас быть Его «сотрудниками» на Его «ниве». Такова последовательность возрождения нашего в Духе чрез покаяние.

Господь во дни плоти Своей с сильным воплем и со слезами принес молитвы и моления могущему спасти Его от смерти, и услышан был за Свое благоговение; хотя Он и Сын, однако страданиями навыв послушанию, и совершившись сделался для всех послушных Ему виновником спасения вечного... О сем надлежало бы нам говорить много; но трудно изъяснять глубины христианской жизни людям, не имеющим в сей дивной сфере должного опыта (ср. Евр. 5, 7–11).

Христос «для всех послушных Ему» сделался единственным путем и не отказывает им уподобляться Ему в молитве. Что скажу я, ничтожнейший из всех людей? За время долгой жизни моей и я «приносил Ему молитвы и моления с сильным воплем и горячими слезами». К этой молитве приводило меня мое отчаяние за самого себя, когда я ставил себя на суд заповедей Христа. Бывало, что мучительная горечь ненависти к себе, бросив меня в неизобразимую словом бездну, отступала затем назад, давая место светоносной любви. Я думал, что любовь моя становилась безвозвратной; мне казалось, что я лежу у порога входа «во внутреннейшее за завесу» (Евр. 6, 19), откуда никак бы не хотел возвращаться на покинутую мною Землю. Господь, однако, не благоволил взять меня.

Многажды вспоминал я Пророка Моисея, который после Откровения ему в «неопалимой купине» был послан в Египет и в течение сорока лет томился в болотной тине мелких страстей тех, кого надлежало спасать; тех, которые сами того не искали. Говоря так, я вовсе не равняю себя с Пророками, ни с Апостолами или Отцами, но улавливаю лишь некую долю аналогии, без которой невозможно было бы ориентироваться на нашем пути. Бог по безмерному смирению Своему не отверг меня, но давал мне созерцать Его Нетварный Свет. Христос стал моей жизнью; я возлюбил Его и не представляю никакой параллели Ему: Он единственный для меня Господь и Бог. Почти непрестанно болею я сердцем, страшась потерять Его милосердие за множество моих преткновений. Не без спора с Ним, не без многочисленных попыток уклониться от Креста Его, я все же лобызаю Его, Крест Христов, и как-то несущий посланный мне, мой крест (ср. Мф. 16, 24).

И ныне я благословляю Бога моего, соблаговолившего дать мне возрождение в покаянии горячем.

О духовном плаче

«Блаженны плачущие, ибо они утешатся» (Мф. 5, 4). Вот, вижу сердце мое в борьбе: как буду говорить о святом плаче моим современникам? Знаю, что они сочтут стыдом для взрослых плакать о чем бы то ни было. Да, действительно стыдно плакать, но это только тогда, когда речь идет о вещах преходящих: о карьере, об имуществе, о привилегиях, или социальном положении, или о здоровье и подобном сему. Но плач, о котором предстоит нам слово, касается наших отношений с Вечным Богом: он, плач сей, принадлежит иному плану бытия. Он вызывается прикосновением к нам Духа Божия. Он посетил... сердце исполнил нетленной любовью, ум же поразило новым видением... Он дух наш восхитил в сферы нетварного бытия. Огонь Гефсиманской молитвы – сострадания всему страждущему тварному миру – приблизился к нашему хрупкому существу, и сие последнее целиком отдалось власти посетившей его Любви. Таким плачем плакали Апостолы и наши Отцы, воспринявшие небесное благословение. Огонь сей брошен на землю наших сердец Самим Христом (ср. Лк. 12, 49; 22, 44).

Весьма редко изливается на нас исходящая от Бога святая сила Его Любви в такой мере: невыносимо для нашего естества в его данном состоянии сие пламя. Обычно начинается наше возрождение явлением нам нетварного Света, открывающего нам видение тайны нашей разлуки с Богом, и сердце кроме плача – не имеет иной формы для выражения своего умиления, печальной любви пред

Видеть Бога как Он есть. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org Богом.

Наивен тот, кто думает, что путь вслед Христу возможно пройти без слез. Возьми сухой орех, положи его под тяжелый пресс и увидишь, как потечет из него масло. Нечто подобное происходит с нашим сердцем, когда невидимый огонь слова Божия опалает его со всех сторон. Окаменело сердце наше в своем животном эгоизме, и, что хуже, в своей гордой спазме. Но воистину есть такой Огонь (Лк. 12, 49), который способен расплавить даже крепчайшие металлы и камни.

Кто ни разу в течение своей жизни не испытывал приближения к себе вплотную сего Огня, тот не поймет, о чем идет речь здесь. Первое слово евангельской проповеди: «покайтесь, ибо приблизилось Царство небесное» (Мф. 4, 17), – зовет нас к радикальному изменению всей нашей жизни. Это изменение осуществимо не иначе, как чрез слияние нашего огненного желания с воздействием небесного Огня, который смягчит наше сердце, и уже смягченное, оно перековывается ударами мощного молота.

Духовный плач по природе своей совсем иной, чем плач душевный. Он связан с непрерывной мыслью о Боге в болезненной печали разлуки с Ним. Страстный, душевный плач – убивает тело, угашает его жизненность, тогда как духовный очищает человека от смертоносных страстей и тем оживотворяет всего его. Горячим плачем очищается наш ум от страстных образов. Чрез него в душу нашу нисходит духовное мужество, и человек представляется превыше тревог и страхов. Чем глубже наш покаянный плач, тем основательнее освобождаемся мы от целого ряда кажущихся естественными нужд, от таких разрушительных страстей, как гордость и гнев.

Думать, что предписанное Евангелием преобразование нашего естества возможно и без плача – может лишь тот, кто не восчувствовал убийственной власти над нами греха. От горького в первичном покаянии, плач затем становится слезами восторгающей Божественной Любви. И это есть знак, что молитва наша услышана и что ее действием мы вводимся в новую, уже нетленную жизнь.

Духовный плач – явление небесного порядка. Стараюсь, и не могу припомнить – плакал ли я когда-нибудь в зрелом возрасте? А ведь жизнь моя совпала с грозными событиями нашего века. Много раз бывал я не только в трудных положениях, но и действительно смертельно опасных. Когда же чрез явленный мне Свет я узрел глубину моего падения, тогда стал приходиться плач, которого я не мог остановить: он бывал сильнее меня в постигшем меня отчаянии. Сначала я плакал за самого себя в ужасе от моего падения. Позднее – за людей, не знающих Бога, охваченный состраданием к ним в их бедственном состоянии неведения Бога. На фоне же, и особенно в пустыни во время войны (Второй), я горько рыдал за мир в целом.

Долгое время в моем уме было: «страшно впасть в руки Бога Живого» (Евр. 10, 31). И жуткая вещь – богопокинутость. Вне Бога Любви – все бессмысленно: душа видит себя брошенной во мрак смерти (ср. 1 Кор. 13, 1–3). Страх от этой тьмы мучителен тем, что она не только вне меня, но присуща и внутри меня. Когда же Свет нетварный освобождает меня от моего внутреннего ада, тогда от меня отходит всякая страсть, и я понимаю, что Господь Вседержитель может и меня сделать господином, по образу Его Господства: свободным от всякой чуждой власти, неуязвимым от какой бы то ни было злобы.

С переменой в моем внутреннем состоянии связываются перемены и в характере плача. По временам и сердце, и ум живут чудный покой, и слезы становятся «сладкими» от любви. Когда же Дух Господень отступает от меня, и дыхание бессмертной жизни угасает во мне, тогда некая тоска и даже испуг приходят в сердце. Молитва принимала форму томительного отчаяния, и я часами, бывало, лежал лицом к земле. Изнемогая я переходил на жесткое ложе; слезы продолжали течь, а ум молчал в изнеможении.

Я хотел бы говорить о сих явлениях совсем просто, но тогда от читателя скрылась бы могучая сила сих «явлений», бесспорно превышающих меру человека, ибо суть дар Свыше.

«Бог есть дух, и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине» (Ин. 4, 24). Слова Христа: «в духе и истине» допустимо понимать в двояком смысле: в Духе Истины, исходящем от Отца (ср. Ин. 15, 26), и в духе и истине, свойственных кающемуся человеку (ср. 1 Ин. 1, 8–10). Дух Святой нисходит на человека, и сей последний, как образ Бога, под действием

Видеть Бога как Он есть. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org
Божественной Истины и сам становится истинным.

Бытийное соединение наше с Богом Любви предполагает слияние двух волей: Бога и человека. Само соединение совершается в состоянии любви. Бог – Личный Дух, и человек – личность (персона) соединяются во-едино в вечном Акте Божественной жизни. Так познается нами Бог.

Стяжать сию Любовь есть конечная цель христианского подвига. Достижение сей цели связано с долгим и трудным путем. Но испытывать посещение Божие в великой силе возможно по дару Свыше в какие-то моменты, когда душа, в порыве раскаяния в грехах, становится восприимчивою к сходящему на нее от Бога Свету. Однако эти первые посещения еще не суть на веки стяженное состояние спасенных. Это только еще «неправедное богатство», которое еще может быть отнято за неверность. Сохранить же сию благодать, пребыть верным всему, чему она нас научила, невозможно без глубокого плача годами (ср. Лк. 16, 9–12). Кто думает иначе, с теми Отцы наши не согласились бы. И мы стараемся пребыть в унаследованном от них предании святой жизни.

Путь Господень таков: Он являет Себя человеку, нелестно кающемуся, и человек воспринимает Его Любовь во Свете нетварном вневременным образом. Мы повторяем все то же слово – Любовь, но в нем онтологически совокуплены и мудрость надмирная, и величие беспредельное с свойственным ему безмерным смирением, и красота всепобеждающая, и мир глубокий. Посещая человека, Бог тем самым делает его причастником Своего Бытия, неопишимо земным словом. Нас объемлет одно желание: познанный Божественную любовь стяжать так, чтобы она стала нашей натурой, неотъемлемой в вечности.

Когда Бог видит, что уже ничто во всем мире не сможет снова оторвать душу от Его Любви (ср. Рим. 8, 35–39), тогда наступает период испытаний, правда тяжких, но без которых остались бы недоведомыми глубины тварного и нетварного образов Бытия. «Жестоко» сие испытание: невидимый меч отрезает тебя от возлюбленного Бога, от Его невечернего Света. Человек бывает поражен во всех планах своего существа. Ему совсем непонятно: где причина того, что казавшийся в молитве, подобной Гефсиманской, уже окончательным «союз любви» сменился адом богооставленности. Ответ на сие недоумение находим в 12-й главе послания к Евреям, особенно в стихах 26–29. Но прежде и после всего мы имеем «пример» в Самом Христе: на Голгофе, пригвожденный ко кресту, Он вопрошал Отца: «для чего Ты Меня оставил?», и вслед за сим: «совершилось! И, преклонив главу, предал дух» (Мф. 27, 46; Ин. 19, 30).

Итак для нас открылась Тайна Любви Божией: полнота истощания предваряет полноту совершенства.

Любовь, пламя которой брошено Христом в Душу человека, имеет удивительное свойство: она поведет его по никому другому недоступным безднам и высотам; даст ему перебороть всякое страдание и даже смерть; бросит его множество раз в неопишимо беспредельность, – где он будет «один», томясь снова увидеть Свет возлюбленного Бога.

Таков процесс очищения нашей природы, зараженной люциферическим ядом. Путь Христа ведет от относительного, вечно колеблющегося рода бывания к безотносительному, непоколебимому Царству. Духу человека свойственно быть беспокойным в условиях отрезанности от совершенной любви Отчей – последствия падения. Образ Бога – человек – ищет святого, непреложного, абсолютного Блага. И кто сможет описать любовь к Нему? Где обретаются слова, могущие показать хотя бы тень того горя, которое испытывает душа от разлуки с Богом?

И ничто иное, как только святая любовь источает слезы из сердца христианина. Писание говорит, что Иисус, «возлюбив Своих, сущих в мире, до конца возлюбил их» (Ин. 13, 1). И лишь этим «до конца» объясняется Его кровавый пот в молитве Гефсиманской. Там, где нет любви, – нет слез, хотя бы аскетический подвиг принимал крайние формы: интенсивные медитации, длительные посты, суровые условия жизни в удалении от прочего мира. Примеров тому немало и на Западе христианском, и на нехристианском Востоке.

Когда смиренный дух владеет нами, тогда льются слезы из глубины сердца. Об этом плаче говорит Христос: «Блаженны плачущие, ибо они утешатся» (Мф. 5, 3–4). Каким утешением? В данном случае – утешением, исходящим от Духа Святого, Которого Христос именовал Утешителем; утешением не психологического или физиологического порядка, но онтологического,

Видеть Бога как Он есть. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org
относящегося к Божественной вечности.

Если сейчас я уклонюсь от общих богословских и аскетических положений к некоторым «деталям» многовекового опыта христианских аскетов, то сделаю сие возможно кратко. Духовный плач меняет свой характер в зависимости от того состояния, в котором он – аскет – пребывает: бывают сладостные слезы от близости Бога Любви, объемлющего всего человека. Чаще же средний плач, в котором смешаны радость и печаль. В начале покаяния преобладают горестные слезы, порождаемые или сознанием своего рабства греху, или умалением ощутимой благодати, или горечью богооставленности. Возможен плач сострадания человечеству и даже всей твари. Во всех этих видах духовный плач омывает человека от всяких скверн, облепивших его в ходе повседневной жизни, обновляет в нем силу стремления к Божественному Миру. Плач любви к Богу приобщает его всего к Возлюбленному Владыке: ум, душа и даже тело – все сливается во-едино, в крепко слитом движении к несозданному Свету. Такой плач разрывает тесное кольцо земного бвования, изводя дух человека в сферы небесные освобожденным от насилия греховных страстей; сообщает нам опыт бесстрастия, освящения всего нашего состава.

Отсутствие плача, по учению Отцов наших, есть показатель, что молитва наша еще не достигла своей первой ступени восхождения к Богу. Впрочем, после того, как истощаются физические слезы, может быть дана иная молитва, без слов, как тихое ощущение благодати Духа Святого внутри нас, когда мир превыше всякого ума (ср. Флп. 4, 7), наполняет сердце. Подобное тонкое созерцание объемлет человека обычно после молитвы, в которой он принес жертву любви Богу до конца.

Духовный плач – избыток жизни, бурно возрастающей от силы любви, тогда как «душевный» плач убивает земнородных. Промысл привел меня жить в стране, где люди воспитываются с детства не плакать; где плач презирается, как нечто недостойное цивилизованного человека. Нельзя не уважать сей культуры, но не следует забывать, что это относится к тому положению, когда ноги наши крепко приклеены к земной коре. И отцы-аскеты не плачут о лишении временных ценностей, и вместе они же настаивают на необходимости духовного плача, без которого не смягчится окаменелое в страстях сердце, неспособное любить евангельской любовью. Ум плачущего христианина всецело направлен в сферу Божественной вечности. Ибо только о сей последней говорится в заповедях Христа. Множество положений, несносных для живущих банальной жизнью мира сего, для плачущего согласно с заповедью Бога проходят незамеченными: его не устрашает бедность, его не низлагают ни оскорбления или уничтожения со стороны сынов века сего, ни иные удары временной судьбы; ибо не только ум, но и ноги его высоко подняты над землей. Он сострадает людям, печалится о них пред Богом, но не разделяет их интересов, будучи вдохновлен в своем стремлении к непреложной Истине.

Плач истинно духовный, есть следствие воздействия Духа Святого. Совместно с Ним нисходит на нас Несозданный Свет. Сердце, а затем и ум обретают в себе силу включить в себя всю вселенную, любить всю тварь. Духовный плач не беспредметен: он направлен к Богу, и в Боге пребывая, человек в молитве о всем человечестве со слезами сострадает всему миру. Отцы советуют беречь сей дар хранением заповедей, чтобы не оскорбить Духа Святого каким-либо грехом, но его нельзя «культивировать», ибо он не заключен в пределах нашей тварной природы: он есть благодать, а благодать Божия не в нашей власти.

Бывает – слезы любви даются в избытке и текут ручьем. Но в периоды богооставленности внутри нас все иссыхает и едва набирается в глазу некая капля, похожая на капли горячей крови из раненого сердца. Кто не испытывал на себе действие Огня Свыше (Лк. 12, 49), тот не поймет сказанного.

Снова дерзаю напомнить, что аскеты стоят на суде Божиим со страхом: дело идет не о скоро преходящих вещах, но о вечности или во Свете Лица Всевышнего, или во «тьме кромешной» (Мф. 25, 30). В силу этого они становятся бесчувственными к своему земному положению: их ум в Боге, и когда приходит «утешение» от Отца светов, тогда плачущий легко прощает все неправды против него, потому что дух его вознесен от земли на небо, и в Духе Святом он становится способным любить даже врагов.

Один старец на Афоне в своих беседах о молитве говорил о разновидностях плача, судя по действию каждого из них на человека. Он насчитывал их до двенадцати. И я, как и все другие, познал разные виды плача за многие годы моего отчаянного покаяния, но никогда мне не пришла мысль подсчитывать их.

«Но и ныне еще говорит Господь: обратитесь ко Мне всем сердцем своим в посте, плаче и рыдании» (Иоиль 2, 12). «Блаженны плачущие, ибо они утешатся», – сказал Господь на все века. Да и Сам «Он во дни плоти Своей с сильным воплем и со слезами принес молитвы и моления могущему спасти Его от смерти; и услышан был за Свое благоговение» (Евр. 5, 7). И для всех и каждого, стремящегося к Божественной вечности, предлежит именно сей путь: «с сильным воплем и со слезами», чтобы спастись от содержащей нас смерти – греха.

Колебания в поисках непоколебимого

Христос – Живая Истина: «Аз есмь... истина и жизнь» (Ин. 14, 6). Жизнь безначальная, никем и ничем не ограниченная, ни обусловленная, совечная Отцу, от Отца неразлучная, неотделимая. Его любовь и Его Свет – прикасались ко мне на ранней заре моей жизни. Однако и сей дар благодати не предохранил меня от скольжения в бездну мрака небытийного. На переломе созревающей молодости я совершил великий грех: в безумном движении невежественной гордости я «оставил» Его ради иного, воображаемого Сверх-личного Абсолюта. Преодолев добрый навык молиться моему детскому Богу, я в часы медитации стремился к абсолютному Бытию. Я совлекался, как мне казалось, всего относительного, что связано с различными формами: видимыми или невидимыми, чувственными или мысленными. Я упорно уходил во мрак неведения, чтобы чрез совлечение всего преходящего достичь Того, что или Кто трансцендирует грани всего изменяемого, колеблемого. Случалось, я испытывал некий «покой» и не чувственно-плотски услаждался этим состоянием. При более полном порыве к неименованному, всетрансцендирующему Бытию-небытию я видел мой ум как свет. Я не гнался ни за чем на этой Земле, кроме как к вечному. Параллельно с этим я напряженно искал выражения в картине красоты, свойственной едва ли не всякому природному явлению. Тот период моей жизни кто-либо мог бы счесть полным вдохновения, но я вспоминаю его далеко не с любовью: я понял, что я предавался своеобразному «упокоению», которое было по существу своему – самоубийством в метафизическом смысле.

Из этого ложного положения я никогда бы не вышел своими силами, но Господь пожалел меня и настиг, б.м., в последний момент. Сотворил Он сие чудо милосердия, посетив мое сердце, которым немалое время я пытался пренебрегать. Не вижу путей рассказать последовательно о духовных событиях того времени. Как бы вдруг – мне стало ясным до очевидности, что мое искусственное погружение в отвлеченную умную сферу не приведет меня к достоверному познанию о Перво-Начале всех начал. Чрез мои аскетические совлечения всего относительного – я не достигал реального единения с Искомым мною. Мои мистические опыты носили негативный характер. Не «чистое Бытие» представало предо мною, но смерть для всего меня, включая мое персональное начало.

Заповедь: люби Бога всем существом твоим и ближнего твоего, как самого себя (ср. Лк. 10, 27) – неожиданным для меня образом встала пред моим умом в ее евангельском контексте: бытийное слияние с Богом совершается чрез любовь. И так, то, что прежде отвело меня от Евангелия: «любить» мне показалось тогда, в тот странный час на московской улице недостойным психологизмом, – теперь проникло в сердце мое и ум как свет истинного познания: бытийное единение происходит в акте любви. Евангельское понятие любви идет несравненно дальше нашего психического или плотского понимания. Бог моего детства возвратился ко мне во свете разума.

Христианская жизнь слагается из сочетания двух волей: Божественной – вечно единой, и человеческой – подверженной колебаниям. Бог открывает Себя человеку многообразными путями. Он не насилует воли людской. Если мы с любовью воспринимаем Его к нам приближение, то Он часто посещает душу с кротостью и смирением Своим. Может случиться, как о том свидетельствует история христианской веры, что Он явит Себя человеку в великом Свете. Душа, узрев Христа во Свете Его любви, влечется к Нему; она не может, да и не хочет противиться сему влечению. Но Он есть Огоньжигающий нас. Всякое приближение к Нему связывается с болезненным напряжением. Естественно падшему естеству нашему уклоняться от боли; и мы колеблемся в нашем решении следовать за Ним. Пребывать же вне Его Света тоже становится отвратительным. И так, дух мой стоял пред двумя положениями: ложно смирившись, смешаться с окружающей нас действительностью и осудить себя на растление, или принять страшный призыв Христа. Когда я избрал второе решение, тогда возродился я к жизни в Боге живом.

Господь знает, с каким страхом написаны многие из страниц этой исповеди моей. В конце жизни моей я решаюсь сказать, что слова 33-го псалма оправдывались и на мне не раз: «Сей нищий воззвал, – и Господь услышал и спас его... Бойтесь Господа... ибо нет лишения боящимся Его». Далеко не радостно увидеть себя «нищим», осознать свою слепоту. До великой боли страшно услышать смертный приговор себе за то, что я такой – как я есмь. Однако в глазах моего Создателя – я блажен именно за сие познание своего ничтожества (ср. Мф. 5, 3). Сие духовное видение связано с открывшимся нам «небесным царством». Я должен увидеть Христа «как Он есть», чтобы сопоставить себя с Ним, и из сего сравнения ощутить свое «без-образие». Я не могу знать самого себя, если предо мною нет Его Святого Образа. Сильным было и еще остается мое отвращение от самого себя. Но из этого ужаса родилась во мне молитва особого отчаяния, погружавшая меня в море слез. Я тогда никак не видел путей к моему исцелению; мне казалось, что мое уродство не может преложиться в подобие Его красоте.

И эта безумная молитва, потрясавшая все мое существо, привлекла ко мне сострадание Бога Вышнего, и Его Свет воссиял во мраке моего небытия. В глубоком молчании мне дано было созерцать Его благодать, Его премудрость, Его святость.

Чрез ад моей безнадежности пришло небесное избавление. Внутри меня раскрывались новые силы, иное зрение, иной слух. Неопишное благолепие становилось доступным моему восприятию. Однако, сие не было «моим»: колебания в моем бытии еще не кончились – я выпадал из надмирного сияния; я возвращался к моей нищете. И все же я достоверно узнал, что оно – Святое Царство Христа есть вечная реальность. Ее, сию реальность, должно стяжать в долгом подвиге молитвы: «Царство Небесное силою берется» (Мф. 11, 12).

Благословлять надо Бога, когда открывается нам, с одной стороны, действительная гибель, не временная только, но и вечная; с другой – неисповедимый Свет Божества. Писание говорит нам о «вечной муке». Но в чем она? По настоящему мы еще не знаем всех различных форм мучения, возможных по исходе нашем из мира сего. Но опять то же Писание говорит: «... извержены будут во тьму внешнюю; там будет плач и скрежет зубов» (ср. Мф. 8, 12). Так и мне представляется, что «вечные муки» не в том, что во аде нас будут жарить на сковородах некие мрачные и гнусные существа, но в том, что мы окажемся недостойными войти в Святое Царство Любви Божией.

«Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное» – таково начало проповеди Христа Иисуса (Мф. 4, 17). Чрез покаяние возрождается в нас сила жизни – обновляется утерянное в падении Адамовом достоинство человека; в покаянном плаче восстанавливается наша способность, убитая грехом, воспринимать исходящий от Бога – Святой Троицы – Нетварный Свет. Но что показал мне мой собственный опыт? Вот что: десятилетия моих рыданий над моим внутренним мертвецом – не сделали меня непоколебимым в жизни по Богу: грех в той или иной форме побеждает меня. Каждое скольжение в грех глубоко опечаливает душу. Помимо сего – у нас, т.е. у меня, очень часто нет уверенности – насколько праведен я в моих действиях, или насколько я далек от истинно святой жизни. Особенно это при конфликтах с людьми. Нас преследует постоянное сознание нашей недостаточности, и мы говорим Господу: «прости меня, недостойного раба Твоего» (ср. Лк. 17, 10). Конечно, как монах я научен осуждать себя за все, – «держат ум свой во аде». Но сие дело требует великого терпения. И только таким путем успеваем мы уменьшить число томительных для сердца и ума колебаний. Совершенная же непоколебимость – явится заключительным на вечность даром Бога, Спасителя нашего.

Единственно Христос дает нам разумение вещей земных и небесных. Вот, Он сказал: «Держайте, я победил мир», по-гречески «космос» (Ин. 16, 33). Победил не как Бог, Творец всего сущего, но как человек. К тому же Он и нас зовет. Победитель космоса «человек-Христос Иисус» (1 Тим. 2, 5), стал сверхкосмическим. К победе этого рода приводит жизнь по заповедям Евангелия; и мы, люди, можем победить и стать тоже сверхкосмическими, т.е. богами, – но не иначе, как в Нем и Его силою. Нет во всем Бытии никого, кто бы раскрыл нам тайны Бытия в его беспредельности, как Господь Иисус. Нет никого, кто охватил бы в едином вечном Акте и Небо, и Землю, и Преисподнюю, как Собезначальный Отцу Единородный Сын. Если мы следуем за Ним в решимости пребыть в духе Его учения, то и нам даются мгновения, когда осиянные Светом и мы в молитве обнимаем и Землю, и Преисподнюю, и даже Небо, и целуем Вечность. «Иисус Христос вчера и сегодня и во веки тот же» (Евр. 13, 8).

Насладившись вожделенным Светом Неба, мы затем поставляемся в страшные положения: Дух Святой оставляет дом наш пустым, покинув нас. Нам уже казалось, что мы достигли Искомого, что мы созерцаем сокровенные от века тайны в недрах Божества... и вдруг, мы снова подобны обнаженным нищим. Блаженны мы, когда от тьмы неведения и смерти переносимся в чудный Свет; но когда выпадаем из Света в нашу прежнюю тьму, тогда живем ее, эту тьму, с умноженным страданием. Пройдет немало времени прежде, чем мы начнем понимать пути нашего Бога. В Своей безграничной любви к нам, Он жаждет причастить нас к Божественной Полноте, – но нам не приходится мечтать о достижении сей Полноты в пределах Земли. Здесь мы всегда как бы разорваны: тянемся всей силой к Вечности, но убеждаемся в неспособности нашего настоящего тела воспринять и нести с постоянством полноту. На какой-то час духу нашему Свет показывает беспредельность, но затем непременно удаляется. Правда, где-то в глубине нашего ипостасного бытия тускло, «как в зеркале», отпечатлевается явленное в миг, но вечное по существу. Господь воскрес, и воскресшее тело Его приобрело свойства духа. Значит, доколе мы облачены не-преображенным телом, доколе мы не избежим болезненных колебаний в следовании за Христом.

Человеку моего возраста нормальнее готовиться к смерти, а не писать. И кто я, чтобы говорить о том, как проходила моя жизнь в плане духа? В моем прошлом я никогда не имел подобной идеи. Больше того: я не располагался раскрывать мой внутренний процесс: я считал его следствием моего падения, которое затем предстало мне и в своей inferнальной природе. Постигшие меня внутренние конфликты многим могли бы показаться не далеким от сумасшествия явлением, но я как-то интуитивно знал, что мой случай вне компетенции банальной психиатрии. Обратиться к профессиональным врачам было бы воистину непростительной профанацией.

Дни мои в общем объеме жизни моей проходили, скорее, вне широких контактов. В силу этого я не скоро прихожу к тем или иным выводам. Теперь, однако, я не боюсь серьезно ошибиться, предполагая, что в наше время миллионы людей самых различных пластов и национальностей живут в трагическом круге противоречий, в той или иной мере аналогичных моим.

Ознакомиться с одним конкретным случаем, как мой, для некоторых из них может оказаться даже полезным.

В жизни каждого христианина духовный рост принимает специфический, свойственный только данному лицу ритм или последовательность. Но в основе всего лежит тот же самый дух (ср. 1 Кор. 12, 4–11), следовательно, та же самая конечная цель, выраженная в заповедях Христа, из которых заключительная: «будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный» (Мф. 5, 48). Отсюда случающееся на пути одного лица может совпадать с опытами других лиц той же веры, подвизающихся в разные эпохи, в различных не только внутренних, но и внешних условиях. Та же самая заповедь о совершенстве дана на все века, всем людям независимо от места, культуры, национальности и чего бы то ни было – условного, относительного. Иными словами: заповедям Бога свойственна абсолютность.

Духовная жизнь христианина носит исключительно динамический характер. Она никогда не статична: неисчислимо изобильна в своих манифестациях. С одной стороны – это является ее богатством, с другой – показателем еще не достигнутого нами совершенства: в жизни Самого Божества Святой Троицы – моменты динамический и статический сливаются в непостижимое для нас единство. И в этом «единстве» заключена истинная непоколебимость, обетованная всем, принесшим подлинное покаяние.

Бытие нашего мира приближается к моменту, когда все «мы изменимся... в мгновение ока»; когда «воспламененные небеса разрушатся и разгоревшиеся стихии растают», когда колеблемое преложится в непоколебимое (ср. 1 Кор. 15, 51–52; 2 Пет. 3, 12; Евр. 12, 26–28; Откр. 21, 1). Человеку будет дано пребывание в Божественной непоколебимости, вечно предельно динамичной. И это есть воистину «вечный покой».

Благословение знать путь

В начале моей жизни на Афоне, помню, я просил одного пустычника говорить мне о молитве. Усмотрев в моей просьбе желание услышать о великой молитве, он ответил: «Будем говорить о том, что в пределах нашей меры; беседа о том,

Видеть Бога как Он есть. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org что выше нас, может вмениться в празднословие». Устыдился я от его слова, но все же осмелился спросить: «действительно я желаю узнать о более совершенном; о том, что превосходит мою меру. Но это не потому, что я притязая на высшее меня; но потому, что мне представляется необходимым как-то узреть путеводящую звезду, чтобы проверять себя, на верном ли я пути. В древности мореплаватели ориентировались по невероятно далекой звезде; так я хотел бы иметь в духе видение истинного критерия, пусть чрезвычайно высокого, чтобы не успокоился на том малом, что до сего часа познал». Святой муж согласился со мною, что так мыслить не только допустимо, но и должно.

Я всегда терзался сознанием великой нужды разуметь:

Зачем я рожден в этот мир?.. Куда все мы, люди, идем?.. Что нам достижимо?.. Где наш «конец»? Не знать всего этого – нестерпимый кошмар, нескончаемая мука. Предмет искания – велик. Но при одной мысли о полной недостигаемости Искомое я терял всякое вдохновение, и отчаяние охватывало душу мою: лучше бы мне не родиться. Спокойный внешне, я метался внутренне. Я не избежал хождения по чуждым христианину путям. Но все было – мрак. Возросши, я встретился со Христом, который сказал: «Дерзайте, Я победил мир» (Ин. 16, 33). И еще: «Царство небесное силою берется, и употребляющие усилие, восхищают его» (Мф. 11, 12). И Он влил в сердце мое непокидающее вдохновение. Трудности не слишком пугали меня, но я понимал безумство последовать за Ним: победить мир. Победу Христа сделать моей победой, к чему и призван каждый из нас? Если Он о себе сказал, что «Он есть путь», то не исключено, что пред нами в какой-то момент встанет задание – единоборства со всем миром. Не был ли Он оставлен всеми (Ин. 16, 32), даже и Отцом? (Мф. 27, 46).

Скоро открылась необычность Христова учения. С одной стороны, я до боли сознаю мое ничтожество; с другой – стремлюсь к Безначальному. Молитва к Нему неуклонно держит дух пред Лицом Абсолюта, не отвлеченного философского порядка, как это было раньше для меня, а живого и Личного. Открывается Христос, сошедший в глубины ада и затем восшедший на небеса, сидящий «одесную Отца», носящий в себе всю полноту Бытия. И Он – наш Путь.

«Блаженны мы, Израиль, что мы знаем, что благоугодно Богу. Дерзай народ мой...» (Варух 4, 4–5). А мы, христиане, одаряемся Богом в безмерно большей степени, чем все пророки и праведники до пришествия Иисуса на Землю. Когда осознаем сие, то в благодарности восклицаем: «Блаженны мы, Новый Израиль, освященный род христиан, ибо Сам Господь благоволил соединиться с нами настолько, что и Он, и мы – становимся „едино“» (ср. Ин. 17, 21–23).

Именно так свидетельствует и сам Господь: «Блаженны очи ваши, что видят, и уши ваши, что слышат. Истинно говорю вам: многие пророки и праведники вожелели видеть, что вы видите, и не видели, и слышать, что вы слышите, и не слышали» (ср. Мф. 13, 16–17). Апостол Петр писал: «пророкам было открыто, что не им самим, а нам служило то, что ныне проповедано вам благовествовавшими Духом Святым, посланным с небес, во что желают проникнуть Ангелы» (1 Пет. 1, 12). Павел же утверждает, что Апостолам дано Духом Святым познание тайны Христовой, которая «не была возвещена прежним поколениям сынов человеческих»; что ему была дана благодать возвещать народам «неисследимое богатство Христово», всех просвещать благовествованием Тайны, от вечности сокровенной в Боге. Как и Ап. Петр, он указывает на столь великую глубину этой тайны, что даже начальствам и властям небесных бесплотных умов должна была быть возвещена чрез Церковь «многообразная премудрость Божия, по предвечному определению, которое Он исполнил во Христе Иисусе, Господе нашем, в котором мы имеем дерзновение и надежный доступ чрез веру в него» (ср. Еф. гл. 3; ср. Евр. 11, 39–40; 12, 22–24).

Естественно нам влечение к Высшему благу, но шествие к нему начинается нашим нисхождением в преисподнюю. Покаявшийся Апостол Павел говорит о Христе: «восшел – что означает, как не то, что Он и нисходил прежде в преисподние места земли? Нисшедший, Он же есть и восшедший превыше всех небес, дабы наполнить все» (Еф. 4, 9–10). И именно сие является нашим путем после падения.

В нашем сознании мы нисходим во ад, потому что с того момента, как нам открывается образ предвечного человека, мы острее переживаем глубину нашего омрачения. Великая скорбь поражает все наше существо. Вневременные

Видеть Бога как Он есть. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org страдания духа превосходят всякую физическую болезнь. В молитве последнего напряжения ищется помощь Свыше. Рабы страстей, оторванные от Бога, взываем из глубины: «Прииди и исцели меня от одержавшей меня смерти... Прииди и изгони из меня всякую злобу... Прииди и Сам ты совершай во мне благоугодное Тебе: ибо я бессилен сделать что бы то ни было доброе: я пленник ненавистной мне тьмы».

Гордость есть и злоба, и тьма. В ней корень всех грехов. Господь начал Свою проповедь на Земле призывом к покаянию. Греческое слово: ?????????? значит – радикальное изменение нашего умного подхода ко всей жизни, переход от старого мировидения к видению в «обратной» иконографической перспективе: чрез смирение восход к Всевышнему; ибо чрез гордость мы ниспали во тьму кромешную. Так начинается наше покаяние, которому нет конца на Земле: конец – в совершенном уподоблении Христу-Богу, вознесемуся ко Отцу; в совершенном богоподобном смирении – завершение нашего обожения.

Когда Бог влечет нас, тогда молитва горестного покаяния становится всепоглощающей. В уме и сердце нет ничего, кроме жгучей жажды обрести Святого святых Господа. И неожиданно совершается чудо: приходит то, о чем не думал, о чем не слышал, что и на сердце не приходило: в бездну нашей тьмы проникает луч несозданного Солнца (ср. 1 Кор. 2, 9). Возможно ли говорить о Свете сего Солнца? Он, Свет, утешает душу свойственным ему образом; он умиряет взволнованное сердце; он просвещает ум новым созерцанием. Дотоле умиравшая душа воспринимает нетленную жизнь.

Дух жадно тянется к любви Отчей. Наш психосоматический состав включается в эту молитву, но может последовать за ней только до известного, доступного ему предела. Когда жажда приблизиться к Богу пожигает наше сердце, тогда молитва очищается от всего постороннего и сосредоточенно устремляется к искомому Господу. При этом мы можем утратить ощущение нашего тела и окружающего нас мира вещей. Не могу сказать, как это происходит, но знаю, что не всем было дано перешагнуть этот порог. Многие, достигнув сию грань, приходят в страх и отступают. Некоторые же, увлеченные ходом молитвы, не замечают ничего, и неведомым им образом бывают «восхищены» в иную сферу бытия, забыв Землю. Рука Божия совершает это с такой осторожностью, что человек вовсе не улавливает самого момента, подобно тому как это бывает при нормальном засыпании. Лишь по возвращении в обычное мироощущение догадывается он, что дух его исходил из обычной формы нашего существования и соединялся с Богом. После сего события все вещи Земли воспринимаются в их преходящей хрупкости. Душа же осознает смысл своего бытия в том, чтобы быть с Богом, в Нем, в Его вечности.

Читал я об одном несчастном случае на авиационном заводе. Один инженер испытывал работу одного реактивного мотора. Двигаясь кругом пущенной машины, он, по неосторожности, попал в поток воздуха, который захватил его и, оторвав от земли, понес в направлении мощного двигателя. Ассистент инженера, увидев эту сцену, немедленно остановил мотор. Подбежав к упавшему на пол коллеге, он нашел его мертвым.

Ищущий молитву тоже может быть захвачен ее стремлением и оказаться вырванным из этого мира. Возвратившись, он также бывает «мертв» для страстных интересов и материальных стяжаний: он не будет искать никакой карьеры; он не слишком печалится, будучи отвергаем, и не гордится хвалимым; он забывает о прошлом, не прилепляется к настоящему, не заботится о земном будущем. Новая жизнь, исполненная Света, открылась ему и в нем; детские развлечения, занимающие огромное число людей, перестают интересовать его. И если мы о качестве жизни будем судить не по количеству приятных психофизических ощущений, но по объему наших познаний о космических реальностях и прежде всего – о Первой и Последней Истине, то поймем, что скрыто за словами Христа: «Мой мир Я даю вам», сказанными Апостолом всего лишь за несколько часов пред Его смертью на кресте. Сущность Христова мира – в совершенном знании Отца. Так же и с нами: если мы знаем Вечную Истину, лежащую в основе всего бытия, то все наши тревоги будут затрагивать только периферию нашей жизни, внутри же нас будет царствовать мир Христов. Никакое временное благополучие не может дать нам подлинного мира, если мы пребываем в неведении о Начале всех начал.

Редкие души обладают достаточным мужеством, чтобы сойти с утоптанной тропы широких масс и жить по заповедям Христа в этом падшем мире. Из несомненной веры в Божество Иисуса естественно рождается духовное мужество. Следование Господу некоторых довело до края неожиданно разверзшейся пред ними бездны

Видеть Бога как Он есть. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org без возможности отступления. Однако всем нам необходимо перейти, перенестись чрез нее (бездну), чтобы достигнуть божественную вечность. Но что, в сущности, имею я в своем уме? Глубокую яму неведения, – тугу безнадежности осужденных на смерть, – власть над ними тьмы века сего (ср. 1 Тим. 1, 13–14; Быт. 2, 17; Лк. 22, 53). Для полета над этой бездной нужна энергия благословенного отчаяния; действие благодати в нас принимает форму «решимости». Свет видится вдали. Влекомые к нему неведомою силою, мы решаемся броситься в неизвестность, призвав Святое Имя Иисуса Христа, Бога Спасителя. И что же? Вместо того, чтобы разбиться головой о скрытые во мраке скалы, является некая невидимая рука, бережливо держащая нас над пропастью. Без этой дружественной руки Живого Бога ни один человек не может устоять в условиях тех бурь и превратностей, которые в подобные периоды обступают душу. Мы, из земли взятые, представляем собой некую малейшую часть массивного тела человечества, из которого совсем не просто вырваться, особенно в наше время, когда едва ли не вся вселенная держится под контролем властей. Нельзя обратиться за помощью к князьям мира сего: за каждую их снисходительную услугу мы рискуем потерять нашу свободу (ср. Ин. 14, 30). Наилучший «риск» – по-детски довериться Промыслу Божию в поисках жизни, где первое место отдано Христу.

«Вы слышали что сказано древним: не убей (Исх. 20, 13)... А я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду... Вы слышали, что сказано древним: не прелюбодействуй (Исх. 20, 14). А я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем... А я говорю вам: не клянись вовсе... А я говорю вам: не противься злому... Вы слышали, что сказано: люби ближнего своего и ненавидь врага своего (Лев. 19, 17–18). А я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас, и молитесь за обижающих вас и гонящих вас» (Мф. 5, 21–44); «кто нарушит одну из заповедей сих малейших и научит так людей, тот малейшим наречется в Царстве Небесном... ибо говорю вам, если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то вы не войдете в Царство Небесное» (Мф. 5, 19–20).

Был на мне страх нарушить заповеди Господни и таким образом погибнуть. В те годы, тяжкие, но благословенные, «жить» по заповедям евангельским во мне принимало образ хождения по канату, натянутому через бездну, связующему два конца ее. Скоро это преложило в видение распятых рук Христа, собирающих во-едино расходящиеся горизонталы мира: разделенные враждою народы. Все безмерно превосходило меня, и я бывал «распят» учением Христа. В ответ на отчаянную молитву мне предстало висящее на кресте тело Господа подобным чудному мосту между Небом и Землею. Путь христианина – распятие: «если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя; возьми крест свой и следуй за Мною» (Лк. 9, 23). Так сливаются в душе и тонкая радость «узнать путь», и немалый страх от безмерности задания.

Невозможно рассказать словами о страшной привилегии шествия по таинственному канату. Подобно тому, как те, что ушли от нас в иной мир, не пытаются своими явлениями поведать пребывающим во плоти о том величии, что раскрывается пред ними в новом плане.

Соединив в Себе и Бога, и человека, Господь зовет нас следовать за Ним. На этом высоком пути дух наш, преодолев влекущие долу страсти, созерцает дотоле неведомые, невообразимые реальности Божественной сферы Бытия. Подобно тому, как тяжелое тело, выброшенное из пределов земного притяжения, попадает в условия «небесной механики» и движется с невозможной на Земле быстротой, так и дух наш вступает в бесконечность «умного» пространства, пронизанного Светом, свидетельствующим о безначальной Истине, и о нашем бессмертии. Уму тогда даются созерцания исключительные по глубине и объему.

Прикосновение любви Божией к сердцу – первый шаг на берегу небесного конца бездны и новое, Свыше рождение в вечности. Эта любовь воспринимается как Истина, как Свет, как Царство. Мысль о смерти, о врагах, о земном выпадает из сознания, и в свободе от сих дух живет иную форму бытия.

По возврате в обычное мироощущение, душа бывает в печали об утерянном: она предпочла бы не возвращаться, хотя и не совсем отошло чувство любви Божией.

Христос даровал нам все: Он открыл нам величайшую тайну Святой Троицы, Он «показал нам Отца» (Ин. 14, 8–9); чрез Него мы получили и в опыте нашем познали Духа Святого, и мы можем непогрешимо судить о том, когда действует

Видеть Бога как Он есть. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org в нас именно Он, исходящий от Отца, Третья Ипостась, а не какой-либо иной дух, могущий еще неопытным показаться владычественным. Чрез Христа и в Нем нам показан с чрезвычайной конкретностью и Человек в его первообразе и богоподобии. И уже нет у нас ничего и никого другого, кроме Него, кто явился бы основой нашего бытия, взятого и в пределах земной относительности и в Божественной Абсолютности. И слова Христа: «Все, сколько их ни приходило предо мной, суть воров и разбойники» (Ин. 10, 8) – звучат для нас в данном нам ясном понимании их правды. Но их надо разуть в той же перспективе, как мы живем и другое положение: «враги человеку домашние его» (Мф. 10, 36). Они – «домашние» – любят нас, и мы любим их; но нам нельзя последовать за ними, когда они препятствуют нам отдаться Богу. Постольку, поскольку они отклоняют нас от единого истинного пути, они становятся нашими «врагами», они «суть воров и разбойники».

Чрез жизнь по заповедям Евангелия мы постепенно, правда – в болезненном процессе, но получаем разрешение многих извечных проблем человечества. Не удивляйтесь, это действительно так: в Нем спасение каждой отдельной личности, – в Нем спасение объединенных о Имени Его групп, и также целых народов и всего мира (Ин. 4, 42; Мф. 12, 21). Нет, и не может быть, такого положения, когда Он бессилён спасти. Говоря так, мы вовсе не мыслим, что Он непременно вылечит ту или иную болезнь, избавит от какой-либо беды, физической, моральной или материальной, от насильников и вообще от чего бы то ни было, что обычно почитается вредом или гибелью. Хотя и это все в Его руках. Подлинное спасение в том, чтобы во всех обстоятельствах устоять в Его любви, как Он Сам соблюдает заповеди Отца Своего, и пребывает в Его, Отца, любви (ср. Ин. 15, 10). Все мы знаем, чрез какие испытания проходил Господь, особенно в последние дни пребывания с нами. И, однако, перед самой смертью Он говорил Своим ученикам: «Сие сказал я вам, да радость Моя в вас пребудет, и радость ваша будет совершенна» (Ин. 15, 11). И еще: «Истинно говорю тебе: ныне же будешь со мною в раю» (Лк. 23, 43).

Всякая любовь проходит чрез испытания, и истинная дружба познается в беде. Когда любовь – крепче смерти, тогда она совершенна. После такой «пробы», необходимой для всех нас без исключения, любовь чрез смерть в земном плане побеждает смерть в вечности и делает человека способным к «царству непоколебимому» (Евр. 12, 28).

Подвиг христианина в начале сосредотачивается внутри самого себя; но в своем завершении он становится молитвою за весь мир, за всего Адама. Первое движение любви идет к Богу; второе – к ближнему. Как к Богу Отцу любовь воплощенного Сына достигла своей абсолютности, так и к человеку Его любовь идет «до конца» (ср. Ин. 15, 10–15; 13, 1). И именно сие заповедано нам.

Заповеди Христа по существу своему суть самооткровение Бога. Выраженные в земных словах, они кажутся нам релятивными, но того, кто соблюдает их должным образом, они поставляют на грань между относительным и безусловным, конечным и беспредельным, детерминированным и самовластным. Следование сим не-насилиственным повелениям далеко превосходит наши тварные силы. Необходимо, чтобы Сам Он, открывшийся нам Вседержитель, Своим действенным вселением внутрь нас возносил нас в свойственную Ему сферу безотносительного, никем и ничем не обусловленного Бытия: «Я есмь лоза, а вы ветви; кто пребывает во Мне, и Я в нем, тот приносит много плода; ибо без Меня не можете делать ничего» (ср. Ин. 15, 5). Так говорит безраздельный Властитель всего сущего (Мф. 28, 18).

Божественное происхождение евангельских предписаний обнаруживается еще и из того, что хранящие их, не независимо от уровня их внешней культуры, воспринимают Безначального в сердца свои: «славлю Тебя, Отче, Господи неба и земли, что Ты... открыл [сие] младенцам» (Лк. 10, 21). Апостолам, младенцам в человеческой науке, Христос дал реальное знание Предвечной Истины (ср. Ин. 17, 3).

кто познал Отца, который на небесах, в том уже пребывает вечная жизнь: «радуйтесь тому, что имена ваши написаны на небесах» (Лк. 10, 20).

Жить по-христиански невозможно; по-христиански можно только умирать, но смертью в земной форме нашего существования. Однако и это умирание не-легко, не-просто: оно есть те «тесные врата», тот «узкий путь», которые ведут в жизнь, но которые лишь немногие находят (ср. Мф. 7, 13–14).

Благовестие Христа невероятно превосходит все, что знает Земля. Как

Видеть Бога как Он есть. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org исцелить ту страшную болезнь, которую заразил Враг Человека на заре его явления в мир (Быт. 3, 1-6)? Каким путем возможно дать людям познать, что тот, до крайности необычный человек, – Евангельский Иисус Христос – есть подлинно Безначальный Бог, Творец всего сущего, открывшийся Моисею с Именем «Аз Есмь»? Кто из «здравомыслящих» может прийти до такого безумия, чтобы признать Богом – человека, умирающего на кресте посреди преступников?.. Но что сказать? Те, которые не могут поверить в Божество Христа, никаким другим способом не достигнут их собственного обожения. Веровать способны – или дети, чистые сердцем, или те, кто носит в себе, при всем сознании своего падения и ничтожества, интуицию о своем родстве с Богом. Веруют во Христа те, что верят в свое обожение. От возвышенного или приниженого понятия о Человеке зависит вера и неверие. Для верующего крестная смерть Иисуса, т.е., как и за что Он был распят, есть сильнейшее свидетельство в Его, Христа, пользу. Смотрите, как воспринял сие Павел, прежде гонитель. «Христос послал меня... благовествовать, не в премудрости слова, чтобы не упразднить креста Христова. Ибо слово о кресте для погибающих есть безумие, а для... спасаемых – сила Божия... написано: погублю мудрость мудрецов, и разум разумных отвергну... Не обратил ли Бог мудрость мира сего в безумие? Ибо когда мир свою мудрость не познал Бога в премудрости Божией (явленной в творении), то благоугодно было Богу юродством проповеди спасти верующих. Ибо и Иудеи требуют чудес, и Эллина ищут мудрости; а мы проповедуем Христа распятого, для Иудеев соблазн, а для Эллинов безумие, для самих же призванных... Христа, Божию силу и Божию премудрость. Потому что немудрое Божие премудрее человеков, и немощное Божие сильнее человеков... Мудрость мы проповедуем между совершенными, но мудрость не века сего... но проповедуем премудрость Божию, тайную, сокровенную, которую предназначил Бог прежде веков к славе нашей, которой никто из властей века сего не познал... Нам Бог открыл сие Духом Своим... мы приняли... Духа от Бога, дабы знать дарованное нам от Бога» (1 Кор. 1, 17-25; 2, 6-12).

Мы малодушествуем, но Христос говорит нам: «дерзайте: я победил мир» (Ин. 16, 33). Если Он победил «мир» (по-гречески «космос»), то это значит, что Он и как человек стал превыше твари, надмирным. И всякий верующий в Него, побеждающий в подвиге покаяния действующий в нас «закон греха» (ср. Рим. 7, 23), становится, подобно Христу, надмирным (сверхкосмическим).

«Отче... слова, которые Ты дал Мне... и славу, которую Ты дал Мне, я дал им... Отче, которых Ты дал Мне, хочу, чтобы там, где Я, и они были со Мною, да видят славу Мою, которую Ты дал Мне, потому что возлюбил Меня прежде основания мира» (Ин. 17, 8, 24).

Чтобы созерцать эту славу, необходимо и самому быть в этой славе. Чтобы понимать хотя бы отчасти: «кто есть Сей?» (Мф. 21, 10), непременно нужно уподобиться Ему чрез пребывание в духе заповедей Его. Кто не последовал Ему с полной верой, кто не возлюбил Его всем сердцем и всем умом, и потому не соблюдал слово Его, тот да не дерзает в своем малоумии судить Его, ни о Нем (ср. 1 Кор. 2, 14). Пусть молчание его будет честным, ибо нет у него никаких данных для суждения о Сыне Божиим и Слове Отчем. Если в области науки или искусства, чтобы достойно оценить гений артиста или ученого, нужно быть не слишком далеко от него; то же самое и в сфере Духа. Но кто построил жизнь свою на камне учения Его, как на скале (ср. Мф. 7, 24-29), тот постепенно придет к уразумению: «кто есть Сей».

Христос сказал: «никто не знает Сына, кроме Отца; и Отца никто не знает, кроме Сына, и кому Сын хочет открыть» (Мф. 11, 27). Значит обретаются такие, которым Он открывает: «никто не может прийти ко мне, если не привлечет его Отец». Стало быть – привлекает; «никто не приходит к Отцу, как только чрез Меня» (Ин. 6, 44; 14, 6). Из сего видно, что «приходят» к Отцу чрез Него.

Человек воистину великая тайна. Создаваемый из ничтожества, он возводится к полноте нетварного Бытия. Бог так возлюбил человека, что отдается ему без меры, без границ. Как Бог превосходит все, что есть в космической реальности, так и человек, обоженный чрез вселение в него Духа Святого, драгоценнее всех галактик. Именно это сознание свойственно христианину, и вне сего он не может поступать «достойно звания, в котором призван» (Еф. 4, 1).

Не есть ли подобное дерзание неумеренная гордость? Конечно, нет, если мы будем следовать примеру Христа: «Я дал вам пример, чтобы и вы делали то же, что я сделал вам» (Ин. 13, 15). Если будем подражать Апостолам и Отцам

Видеть Бога как Он есть. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org
нашим: «Будьте подражателями мне, как я Христу» (1 Кор. 11, 1).

В 16-й главе Евангелия от Матфея находим целостное учение об этом.

«...Иисус спрашивал учеников Своих: за кого люди почитают Меня, Сына Человеческого? Они сказали: одни за Иоанна Крестителя, другие за Илию, а иные за Иеремию или одного из пророков. Он говорит им: а вы за кого почитаете Меня? Симон же Петр, отвечая, сказал: Ты – Христос, сын Бога Живого. Тогда Иисус сказал ему в ответ: блажен ты, Симон, сын Ионин; потому что не плоть и кровь открыли тебе это, но Отец Мой, сущий на небесах. И Я говорю тебе: ты – Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее. И дам тебе ключи Царства Небесного; и что свяжешь на земле, то будет связано на небесах; и что разрешишь на земле, то будет разрешено на небесах, тогда (Иисус) запретил ученикам Своим, чтобы никому не сказывали, что Он есть Иисус Христос. С того времени Иисус начал открывать ученикам Своим, что Ему должно идти в Иерусалим и много пострадать от старейшин и первосвященников и книжников, и быть убиту, и в третий день воскреснуть. И, отозвав Его, Петр [еще не познавший тайны путей спасения нашего] начал прекословить Ему: будь милостив к Себе, Господи! да не будет этого с Тобой! Он же, обратившись, сказал Петру: отойди от Меня, сатана; ты Мне соблазн, потому что думаешь не о том, что Божие, но что человеческое. Тогда Иисус сказал ученикам Своим: если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною; ибо кто хочет душу свою спасти (сберечь), тот потеряет (погубит) ее; а кто погубит душу свою ради Меня, тот обретет ее. Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит? Или какой выкуп даст человек за душу свою? Ибо придет Сын Человеческий во славе Отца Своего с Ангелами Своими, и тогда воздаст каждому по делам его. Истинно говорю вам: есть некоторые из стоящих здесь, которые не вкусят смерти, как уже увидят Сына Человеческого, грядущего в Царствии Своем» (Мф. 16, 13–28).

В этом евангельском отрезке нам даны самые существенные моменты откровения о «тесных вратах и узком пути, ведущих в жизнь». Когда многие из народа стали почитать Христа великим пророком, а Апостолы и «Сыном Бога Живого», тогда Он «начал открывать ученикам» о предстоящих Ему страданиях и смерти. На «человеческое» чувство Петра Господь дал решительный ответ: «отойди от Меня», и продолжил учение о необходимости креста для всех последователей Его; доходит при этом до крайних идей: чтобы спасти душу для вечности в Царстве, нужно погубить ее в плане земных интересов. Достоинство души настолько велико, если ценою приобретения всего мира, будет причинен ей вред в плане Божиим, то и все блага Земли не покроют понесенного духовного «ущерба». Свою Церковь, необоримую адом, Он строит на исповедании Его Божества. Если отнять от Него полноту Божественности, то и ни Церковь, и никто вообще не может победить ни мира, ни преисподнего ада.

И опять мы слышим слова о Его безначальном величии и власти, которые будут явлены некоторым из стоявших в тот час там. Последнее совершилось на фаворе, где Христос молился о Своем «исходе» на суд и смерть (ср. Лк. 9, 31); где нетварный Свет Духа Святого осиял Апостолов, и они увидели Моисея и Илию, как слугителей Господа, и услышали непостижимый голос Отца, свидетельствовавшего о предвечном Сыновстве Иисуса.

За короткий срок и Слава беспредельная, и схождение во ад. И это есть путь для христиан: они себя осуждают на муки, а в ответ воспринимают дар милосердия Отчего, для которого нет адекватных эпитетов. Так в богатстве своем избыток принесенной нам жизни Христом (ср. Ин. 10, 10): она, Христова жизнь, объемлет и ад, и Царство; она совмещает в себе и предельное страдание, и высочайшее блаженство. Она творит маленького человека великим, универсальным, богоподобным во всем... К сожалению, «немногие находят его» (Мф. 7, 14).

Дары Отца превосходят нашу меру понести их. Когда неисчетная сила исходит на человека, тогда, возможно, приступит к нему тот, кто пал в пароксизме своей гордости. Как избежать нам падения сего? Опять и в этом учит нас пример Христа, искушаемого в пустыни. Мы же вспоминаем еще и слова Его: «И ты, Капернаум, до неба вознесшийся, до ада низвергнешься» (Мф. 11, 23).

Чтобы яснее нарисовать картину нашего христианского пути, подобно Отцам прибегнем к методу аналогий. Когда мы смотрим на вековое дерево, высоко к облакам возносящее свою крону, то мы знаем, что сила корней его, идущих в глубину, должна соответствовать массиву дерева. Если бы корни не проникали

Видеть Бога как Он есть. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org бы в темные недра земли, б.м., настолько же глубоко, насколько возвышена крона; если бы масса корней и крепость их не были соответственными объему и весу видимой части дерева, то не могли бы они ни кормить дерево, ни удержать его стоящим: и малый ветер повалил бы его. Так и в духовной жизни человека. Если мы сознаем величие призвания нашего во Христе, т.е. нашего избрания в предвечном Совете Божиим для усыновления, и это прежде создания мира, то отсюда мы не возносимся в гордости, но действительно смиряемся. Движение вниз, во тьму кромешную, необходимо всем нам, чтобы устоять в подлинно христианском духе. Выражается оно в постоянной памяти о нашем изначальном ничтожестве, чрез самое жестокое осуждение себя за все. И чем глубже нисходит человек в своем самоосуждении, тем более возносит его Бог. «Глаголю вам... всяк возносяся – смирится, смиряя же себе – вознесется» (Лк. 18, 14).

Весьма многие, не познавшие опытом благотворных действий молитвы, не знают, что чрез нее (молитву) духу человека раскрывается мир неопишимо величия: и мрачные глубины ада, и светоносные сферы небес. Без веры в воскресение едва ли не всякое страдание становится тупым: лишенным смысла; оно способно укрощать строптивую душу, но не излечивает ее от скрытой на дне души гордости; оно обогащает опыт жизненный, но без молитвы не возносит душу к бесстрастию; постепенно убивает и тело, и сердце, и ум, без того, чтобы они усовершенствовались в познании Бога. Когда же прикоснется к душе Свет высшего мира, тогда все изменяется: замирают земные страсти, и дух восходит к созерцанию Вечного. Одаренный сим благословением, человек всякое земное положение (социальное, материальное и даже научное) воспринимает как «временный аксессуар», и вовсе не заботится о своей земной карьере. И если удерживается в смиренном о себе познании, то будет дано ему еще большее познание о тайнах будущего века.

Соединясь чрез молитву со Христом, человек внутренно, в сердце и уме, получает извещение, что в вечности все содержание богочеловеческого бытия дастся ему в неотъемлемое достояние. В силу сего всякое доброе дело, осуществленное кем бы то ни было, уже отсюда начинает радовать его радостью об общем спасении (ср. Лк. 15, 31–32). Слава брата будет и его славой. Видеть лица, прославленные Божественным Светом, – сладостно; и чем обильнее их осияние, тем прекраснее видение. Грядущее Царство святых состоит в преизбытке любви, предвкушение которой дается Богом еще отсюда. Любовь Божия – объемлет и ад. И мы знаем теперь, что наше схождение во ад в течение сей жизни – есть верный путь к совершенству.

Победа над адом имеет два периода: первый – преодоление его тьмы внутри нас самих; второй – есть свойственная Божеству сострадательная любовь ко всей твари. Да, сия любовь наполняет весь тварный мир, и Духом Святым она сообщается спасенным людям. Вечность – не имеет «протяжения», но содержит в себе все протяженности веков; вечность беспространственно включает в себя все просторы мироздания.

Наш земной опыт не достигает абсолютной полноты. Но это не умаляет его достоверности. Ап. Павел так говорит о сем святом событии: «Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится; когда же настанет совершенное, тогда то, что отчасти, прекратится... Теперь мы видим как бы сквозь (тусклое) стекло, гадательно, тогда же лицом к лицу; теперь знаю я отчасти, а тогда познаю (совершенно), подобно тому, как я познан (Богом). А теперь пребывают сии три: вера – как начало любви; надежда – как ее созрение; любовь – в ее совершенстве. И любовь из них больше» (ср. 1 Кор. 13, 8–13).

Знание пути сохраняет нас живыми даже во аде, но это не делает наши страдания «воображаемыми»: мы мучительно живем убийственным мраком страстей, свойственный всем наследникам Адама падшего; но не становимся жертвами адского пламени: «Держи ум свой во аде – и не отчаивайся». Не должно чрезмерно пугаться этого погружения во тьму, так как вне сего, после падения, недостижима полнота познания.

Как бы не преуспевал человек в той или иной научной области, он никогда не должен забывать «элементарных», т.е. основных положений своей науки; так и мы, пока в сем теле, твердо держимся того метода, которому научены и Отцами нашими, и действием в нас Духа Божия: несвободные от следов действующего в нас закона греховного, мы с гневом, с ненавистью к самим себе осуждаем себя на сгорание во тьме кромешной; ибо нет иного огня, который угасил бы в нас действие страстей. И что же? Когда горестная молитва обжигает наше нутро, и

Видеть Бога как Он есть. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org сердце изнемогает в своем терпении, тогда неожиданно приходит прохлада небесного утешения. Когда ощущение нашей тленности погружает дух наш в безнадежность, тогда вдруг нисходит на нас новая сила Свыше и облекает нас в нетление (ср. 1 Кор. 15, 54). Когда сгустившаяся тьма подавляет ужасом нашу душу, тогда необъяснимым образом предивный Свет глубокую ночь превращает в ясный день, возносит нас на высоту и как сынов вводит в Дом Отца.

Как объяснить сии контрасты? Почему наше гневное самоосуждение оправдывает нас пред Богом? Не потому ли, что в этом сознании всеподавляющей силы одержавшего нас греха есть подлинная бытийная правда? Такое покаяние, идущее к истокам всемирной трагедии, (ср. Быт. гл. 3) открывает внутри нас «место» для пришествия в нас Духа Святого, Духа Истины, который вводит нас обновленными в светоносное Царство.

Как удивительны пути Божии! Сам человек не может их изобрести, но Дух, исходящий от Бога, Своим явлением освещает пред нами сей чудный доступ к вечному спасению.

«Когда же придет Утешитель, которого я пошлю вам от Отца, Дух Истины, который от Отца исходит; Он будет свидетельствовать о Мне... Он... наставит вас на всякую истину» (Ин. 15, 26; 16, 13).

Невозможно не петь гимна Богу, когда выйдешь из пламени покаяния, которое незримо перепланило нас для нового образа бытия, попалив все, что тяготило нас, как нудное бремя. Как и кто будет описывать стояние в этом пламени? Как и кому можно предложить сей опыт? Пожелать всем и каждому восход к Божественному Бытию – естественно; но кто стерпит адские муки, избежав последнего отчаяния? Обращение на меня самого, осужденного на жизнь в страшном для истории Земли веке, склоняет мой ум к убеждению, что для очень многих современников, и нет иного пути.

Я уже не раз дерзал высказать мой опыт: молитва тотального покаяния пред Творцом нашим проходит чрез все духовные испытания, возможные для тварных «по образу Бога» существ. «Образ и подобие» человека Господу – ясно говорит, что каждый из нас может стать «господином» не иначе, как если победит, конечно не своей силой, но верой во Христа (1 Ин. 5, 4–5), все, что населяет сей видимый и умопостигаемый космос (Ин. 16, 33). В книге Иова (Септуагинта, 1, 7) читаем: «И рече Господь диаволу; откуда пришел еси? и отвечал диавол Господеви, рече: обшед землю, и прошед поднебесную, се есмь». В Священном Писании часто под небом разумеется Божественная сфера, а поднебесная – (Еф. 6, 12) есть тварный мир... нет такого места на Земле, ни во всем космосе, где бы возможно было избежать встречи с диаволом. И если сей последний контролирует не только нашу вселенную, но и весь прочий мир, как «князь мира сего», то где бы мы ни оказались «местно» или духовно, он придет нас испытывать. Блаженный Старец Силуан при беседе о сем предмете сказал: «Ум с умом борется... наш ум – с умом врага...». Даже ко Христу, бывшему в пустыне, он приступил, искушая Его (Мф. 4, 1–11; Лк. 4, 4–14). Но перед молитвой Своей в Гефсимании Господь сказал Своим ученикам: «... идет князь мира сего, и во Мне не имеет ничего» (Ин. 14, 30). Что же собственно я пытаюсь сказать? Да то, что на всех уровнях нашего восхождения к Богу враг будет преследовать нас и искушать. И когда мы сильно боеем во всех планах нашего существа или предадимся гордой о себе мысли, он пытается нас отратить от Бога.

Если не перечислять всех форм выпадающих на долю подвижника Христова мучений, что впрочем и невозможно, а только привести некоторые из борений с «умом врага», то не без страха остановлюсь на немногих из них. В десятой главе книги о Старце Силуане я написал следующее:

«Человеку с Богом не всегда легко. В период отнятия благодати, который обычно весьма продолжителен, Бог иногда может представляться душе беспощадным мучителем. Не достигая милости Божией, несмотря на предельно доступный для него подвиг и труд, человек страдает настолько тяжело, что если бы было возможно, отказался бы вообще от всякого бытия...

В чем же его страдания? Ответить на этот вопрос – задача нелегкая.

Испытав Бога, познав жизнь во свете Лица Его, душа уже ни в чем в мире не находит себе ни покоя, ни удовлетворения, и не на чем не может остановиться; и вместе, все, кроме Бога, окружает ее. Все, что познала она

Видеть Бога как Он есть. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org как зло, как тьму, всякое демоническое действие обуревают ее; и мучительство страстей временами доходит до последнего напряжения; а Бог словно отвратился от человека и не внимает никаким призывам его. Как самое беспомощное существо повисает он над страшною бездною, и кричит к Богу о помощи, но все крики остаются не услышанными. Богу как бы безразлично до всех его страданий... Душа осознает правду суда Божия, но страдания ее от этого не умягчаются. Не воображением, но действительно погружаясь в сень смертную и не обретая с собою Бога, которого зовет день и ночь, душа страдает невыносимо. (Такие дни богооставленности особенно избирает враг). Встает вопрос: зачем же все это?..

Во время самого испытания душа не может воспринять его как проявление милосердия Божия; как доверие Бога к ней, как желание Бога приобщить человека святости и полноте бытия в Себе. Душа знает только одно: Бог оставил ее после того, как явил ей Свой Свет, и тем безмерно умножил ее страдания. И когда обессиленная вконец, она не видит Бога, склоняющегося к ней Своим милосердием, тогда приходят такие мысли и чувства, о которых хранится молчание».

Вот, предо мною труд: довериться ли зрелости наших современников и говорить с ними, как с жаждущими подлинного слова о совершенстве, или пощадить их младенческую немощь? Прошу всякого читателя этих страниц молиться за меня, чтобы не принести вместо пользы вред каким-либо душам.

Враг в подобных случаях возбуждает душу до бунта против Бога. Он, враг, имеет со времени падения власть проникать в самую глубину нашу, и там начинает обвинять Бога во всех терзаниях мира, ибо Он создал его, сей мир. Непонимание становится подобным тюремным оковам; и сердце, и ум возмущаются. Искуситель пытается толкнуть человека на крайности: делать все противное Богу.

Остановлюсь на этом. Некоторые из вражеских действий можно уподобить едким жидкостям на слизистую оболочку; другие – пронизывающему холодному или жгучему ветру; по временам, однако, мы бываем как бы защищены от всех ветров, и из нашего убежища видим лишь гонимые тучи, качающиеся ветви деревьев, и это дает нам возможность заключить, что ветры проходят, что они сильны, но все же не достигают нас. Мы тогда как свободные наблюдатели следим за мыслями, которые носятся в атмосфере, нас окружающей; но они не имеют власти над нами. И так бывает только с теми, которые познали действие благодати; внутри которых заброшено божественное семя. А не-опытные похожи на профанов, которые пришли в выставочный зал или музей и не знают, какое произведение носит на себе печать высшего гения и какое посредственно и недостойно внимания. Часто их предпочтение на стороне последних ничтожеств.

«Наша брань против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов зобы поднебесной» (ср. Еф. 6, 12). Все сии духи «злобы поднебесной» стремительно атакуют смягченное покаянием сердце и пробужденный стоянием пред Богом ум. Они, сии духи, нагло проникают внутрь нас и действуют там таким образом, что у нас создается впечатление, что принесенные нам врагами мысли и чувства свойственны нам самим. Действительно, после падения мы носим в себе некоторые созвучия демоническим внушениям. В силу сего порыв покаяния достигает такой силы, что дух наш исходит из форм мира сего в умную беспредельность, и «там» единый пред Единым предстоит в своей нагоде, без слов получая познание о характере падения нашего и о вечности Божией.

Павел, бывший гонитель Церкви и убийца верующих, имел в чем каяться. Полагаю, не безответственно, что исход или экстаз его совершился в броске отчаянного покаяния. Сам он так пишет о сем событии: «Знаю человека во Христе, который... в теле ли, не знаю, вне ли тела, не знаю, Бог знает, восхищен был до третьего неба... в рай, и слышал неизреченные слова, которых человеку нельзя пересказать» (2 Кор. 12, 2, 4). Он же к Римлянам писал так: «Кто отлучит нас от любви Божией: скорбь, или теснота, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч? как написано: за Тебя умерщвляют нас каждый день; считают нас за овец, обреченных на заклание. Но все сие преодолеваем силою Возлюбившего нас. Ибо я уверен, что ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем» (Рим. 8, 35–39).

Нетрудно понять, что Павел бывал в огне таких испытаний, которые вылились в

Видеть Бога как Он есть. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org приведенных словах его. В книге о Старце Силуане я, на основании опыта современных аскетов, приложил некоторые пояснения к словам великого Апостола. Я написал:

«От любви Божией отрывают подвижника протесты рассудка... не могущего вместить или принять закон Христова Духа, который рассудку представляется безумием (ср. 1 Кор. 2, 14). В минуты богооставленности эти протесты могут приобретать чрезвычайную силу...

От любви Божией будут отрывать подвижника: иногда желание жизни, иногда страх смерти; иногда позывы к услаждениям, иногда болезни или голод, или гонения и другие страдания; иногда высота или свет каких-то иных откровений; иногда глубина и великолепие иных постижений; иногда величие каких-то иных обладаний, или широта каких-то иных возможностей; иногда видение ангелов и других небесных существ, иногда насилия страшных темных сил.

С большим основанием можно утверждать, что на пути к стяжанию Божией вечности христианин встретит весь ряд возможных искушений и испытаний, так что... все пути человеческие ведомы будут христианину, в то время, как его пути скрыты от чуждых взоров» (ср. 1 Кор. 2, 15–16).

Я знаю, что я ничто. Но при всем моем ничтожестве моя боль, мое страдание не кажутся мне недостойными внимания. И Господь, давший нам заповедь: «Смотрите, не презирайте ни одного из малых сих» (Мф. 18, 10), не презрел моего взывания, «и услышал и спас меня от всех бед» (Пс. 33, 7). В моих безумных молитвах я бывал несдержанным, даже дерзким, но Он отвечал тихо и кротко, не унижая моего невежества. Я, молясь, ждал ответа и вместе с тем не смел надеяться на него. Сверх моих ожиданий – Он пришел. Особенно неожиданным был образ Его явления. Враги отступили. Он победил их, и меня. Странно: впервые я познал неизречаемую радость оттого, что я побежден.

Бог непостижимо велик. Мы слышим и читаем слова о Его величии, но совсем иное жить его, это величие. Никто и ничто не может как бы то ни было умалить Его безначального Господства, но Сам Он умаляет Себя также в непостижимой нами мере: в нашей хрупкой плоти он достиг абсолютности. Теперь я знаю по опыту моей жизни: Он жаждет нашего совершенства. Попуская нам тяжкую брань с врагом и с нами самими в нашем падении, Он хочет увидеть нас победителями. Если мы не отступим от него даже в наиболее полном уничтожении нашем от врагов, то Он непременно приходит. Побеждает – Он, а не мы. Но победа будет приписана нам, потому что мы страдали.

Нет в природе абсолютно идентичных повторений. Тем более нет их и в бытии разумных существ. Каждый человек имеет сердце, созданное Богом «наедине» (Пс. 32, 15). Оно есть сердце данного лица-ипостаси, и как таковое – неповторимо. В своем конечном завершении каждая личность получит и конечное на все века имя, ведомое только Богу и самому человеку, носителю сего имени (ср. Откр. 2, 17). Таким образом хотя и будет жизнь всех спасенных – единая, как Едино Царство Святой Троицы (ср. Ин. 17, 11, 21–22), но персональное начало пребудет несводимым ни на кого другого.

Если эти данные Откровения верны, то явится понятным и то положение, что нет и не может быть единой для всех системы, программы или последовательности возрастания. Но это не значит, что нигде нет и общих основ. Так наблюдается одно почти неизменно повторяющееся явление в порядке духовной жизни нашей; не в деталях, но в принципе, а именно: при своем обращении к Богу человек получает благодать, которая сопутствует ему, просвещает его, научая многим тайнам сокровенной в Боге жизни. Затем неизбежно благодать отойдет от него, во всяком случае в своей «ощутимой» силе, и Бог будет ждать ответа на излитый Им дар. Это испытание верности имеет двойной смысл: один – необходимый для нас – проявить нашу свободу и наш разум; воспитать и довести, если возможно, до совершенства дар свободы для самоопределения нашего в сфере вечности. Другой – дать Отцу нашему Небесному возможность все, что Он имеет (ср. Лк. 15, 31), передать нам в вечное пользование, потому что всякий дар свыше осваивается нами непременно в страдании. После того, как проявлена нами непоколебимая верность, снова приходит Бог и вселяется навсегда в человека, ставшего способным вмещать Огонь любви Отчей (ср. Ин. 14, 23; Лк. 16, 10–12).

Итак, хотя и нет общих рецептов для жизни в Боге, но есть некоторые основные положения, которые мы должны иметь в нашем сознании, чтобы путь

Видеть Бога как Он есть. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org
наш мы совершали с разумом, – чтобы не стали мы жертвою неведения путей спасения.

«Боже, Спасителю наш, не скрой от меня тайны путей спасения Твоего».

Для христианина, как мы его понимаем, путь к Отцу лежит только чрез Сына. «Все, что имеет Отец, есть Мое» (Ин. 16, 15). В предвечном рождении Сына, Отец излил в Него всю полноту своего Бытия. Посему Сын во всем равен Отцу: Он исчерпывающая полнота выявления Отца; Он Его (Отца) жизнь, сила, могущество, власть, царство, сила, мудрость, всеведение, творчество, любовь... «Видевший Сына – видел Отца» (Ин. 14, 9). «Ненавидящий Сына и Отца ненавидит» (ср. Ин. 15, 23). «Верующий в Сына имеет жизнь вечную; а неверующий в Сына не увидит жизни, но гнев Божий пребывает на нем» (Ин. 3, 36).

Духом Святым, от Отца исходящим и в Сыне почивающим, познается Сын в Его (Сына) Божестве и в воспринятом им человечестве. В том же Духе – живем мы Отца.

Каждое слово Христа есть не подлежащая людскому суждению истина. Повсюду мы имеем свидетельство об Его, Сына и Слова Отчего, единственности. И Сам Он подчеркивает сие категорическим образом: «Все, сколько их ни приходило предо Мною, суть воры и разбойники» (Ин. 10, 8). И относительно имевших и имеющих еще появиться после пришествия Христа – Он сказал: «Берегитесь, чтобы кто не прельстил вас. Ибо многие придут под именем Моим, и будут говорить, я Христос; [2] и многих прельстят... тогда, если кто скажет вам: вот, здесь Христос, или там; не верьте. Ибо восстанут лжехристы и лжепророки, и дадут знамения и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранных. Вот, Я наперед сказал вам. Итак, если скажут вам: вот, Он в пустыне, не выходите; вот, Он в потаенных комнатах, не верьте. Ибо как молния исходит от востока и видна бывает даже и до запада, так будет пришествие Сына Человеческого» (Мф. 24, 4–5; 23–27). Не может быть сомнений, что Господь отстраняется от всех иных, мнимых «учителей человечества»: «один у вас Учитель, Христос; все же вы братья» (Мф. 23, 8).

История знает о многих попытках поставить Христа в один ряд с другими учителями, пророками и основателями религий; таковые попытки умножились в наши дни; приходится ожидать и в будущем. Все они сходятся в одном: отказе принять изначальное Божество Христа и следовательно признать Его абсолютный авторитет, как это сделал Первый Вселенский Собор (325).

Свет безначальный сообщен нам чрез воплощение Отчего Логоса. Там, где отвергнута «великая благочестия тайна» (1 Тим. 3, 16) сия, там не приходится ждать познания Истины. В христианстве соединяются и предельная конкретность, и конечная непостижимость Бога. Мы едим Тело воплотившегося Бога и пьем Кровь Его: мы становимся членами Тела Его (Еф. 5, 30). В общении слова Его – наш тварный ум сливается с предвечным Божественным Умом. И вместе с тем: «Бога никто никогда не видел» (1 Ин. 4, 12). «Царь царствующих и Господь господствующих... обитает в неприступном свете, Которого никто из человеков не видел, и видеть не может» (1 Тим. 6, 15–16).

Бога, который в существе Своем превышает всякого понятия, всякого имени или образа, Церковь Христова знает в своем вековом опыте. И Отцы наши, чрез опыт крайней для человека возможности, сделали причастниками сего познания, оставленного ими нам в наследие драгоценное, неотъемлемое (Лк. 10, 42). Смиранный Бог наш не презирает нашего ничтожества и не отказал в блаженстве знать Его в меру благоволения Его к человеку (ср. Мф. 11, 27).

Наш путь к познанию Бога лежит не через книгу, но через веру слову Христа; вера сия низводит ум наш в сердце, объятые пламенем любви ко Христу. Мы нисходим в бездонность сего океана, которым является сердце человека. Мы знаем труд сего погружения: оно обусловлено тяжестью страданий. Там на дне рука Божия нежно обнимает нас и возносит на небо. Впрочем, и на небо подъем возможен, если на то имеется энергия боли любви.

В этой книге я часто говорю о «боли», и часто приходит мне боязнь, что не все корректно поймут этот аскетический термин. Та боль о которой я пишу, есть лейтмотив моей в Боге жизни. Я не могу о ней забыть. Она вовсе не похожа на физические или психические боли, хотя нередко захватывает и сей нижний план. Это есть боль любви Божией, которая вырывает молящегося из мира сего, возводя его в иной мир. Чем сильнее эта духовная боль, тем

Видеть Бога как Он есть. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org мощнее тяга к Богу; чем динамичнее наше погружение в глубины безбрежного океана страданий, тем вернее восход нашего духа на небо. Когда же он, дух, возведен в светоносную сферу небес, тогда боль прелается в также невыносимую радость торжествующей любви. Опять то же по существу положение: крайнее страдание сливается воедино с предельной радостью. Именно это растяжение характерно кающемуся. Духом Святым он поставляется на непредвиденные рубежи, где ему сообщается некий зачаток Божественной универсальности. Присмотритесь ко Христу: как Он жил в условиях Земли после падения Адама. В Нем сочеталось Божественное могущество с немощной плотью. С нами происходит нечто подобное: «Все могу в укрепляющем меня Иисусе Христе» (Флп. 4, 13). Что Господь есть по существу Божеству, то человеки имеют по благодати. И тот, кто подобен Христу в своих земных проявлениях, тот естественно подобен Ему и в плане Божественном.

Духовные страдания – реальность невесомая и большинству незримая. Любовь Божия порождает внутри нас целую гамму различных мучений духа, о которых следует говорить как о вышеестественных, метафизических. Внешне такие страдальцы могут находиться в условиях не худших, чем таковые у других людей, но душа их не удовлетворяется никаким богатством, никакой роскошью, никакими привилегиями и властью, ни даже славой в мире сем. В своем влечении к Богу безначальному из тесноты настоящей данности страдает душа, ощутившая дыхание Духа Святого. Скорбь ее (души) острее, чем у матерей, плачущих над умершими детьми.

Первое слово Господа, по выходе Его из пустыни, было: «покайтесь; ибо приблизилось Царство Небесное» (Мф. 4, 17). Он Сам и есть сие Царство. И вот, мы, люди, видим Его: Он встал пред нами так близко, что можно было не только видеть, но и «руками осязать» (1 Ин. 1, 1). И когда «осязаемый» образ предвечного Бога в величии Своей любви уязвит нашу душу, то последняя никогда не может забыть о сем чуде. «Подобно Царство Небесное купцу, ищущему хороших жемчужин, который, нашедше одну драгоценную жемчужину, пошел и продал все, что имел, и купил ее» (Мф. 13, 45–46). В этих притчах Господь говорит о том, что я сейчас имею в виду. Узрев духом Красоту Бога, человек уже все, что и имеет в пределах Земли, оставляет, чтобы стяжать то «сокровище», ту «жемчужину».

Когда Дух Святой являет духу нашему во Свете несозданном Божию действительность, тогда душа нуждается найти мужество поверить данному видению: оно безмерно превосходит все, что мы знаем в обыденной жизни. Переживший сие состояние может как-то понять колебания Святой Девы Марии при благовестии Архангела Гавриила. И только тогда Ей были открыты и те страдания, с которыми связано Ее служение миру, – «Мария сказала: се, Раба Господня; да будет Мне по слову твоему. И отошел от Нее Ангел. Вставши же Мария во дни сии, с поспешностью пошла в нагорную страну, в город Иудин. И вошла в дом Захарии, и приветствовала Елисавету. Когда Елисавета услышала приветствие Марии, взыграл младенец во чреве ее, и Елисавета исполнилась Святого Духа, и воскликнула... „благословенна Ты между женами, и благословен плод чрева твоего! И откуда мне сие, что пришла Матерь Господа моего ко мне?... Блаженна Уверовавшая, потому что совершится сказанное Ей от Господа“. Получив такое подтверждение истинности данного Ей откровения, Мария сказала: „Величит душа Моя Господа; и возрадовался дух Мой о Боге, Спасителе Моем“ (Лк. 1, 38–47). „...увидев Его, Апостолы поклонились Ему; а иные усомнились“, ибо происходившее превосходило меру человека» (Мф. 28, 17; см. также: Лк. 2, 35; Мф. 20, 22; Деян. 9, 15–16).

Свет нетварный сначала открывает нам наше состояние, которое ужасно; и мы сходим в нашем сознании в преисподнюю нашего ада и видим себя в нашем унижении, как мы есть. Но когда Свет приходит уже иным образом, во славе, тогда смирившаяся душа нуждается, чтобы Сам Бог взял ее в руки Свои и дал ей силу понести несказанный дар.

Грех начинается услаждением, а кончается трагической гибелью. Спасение от власти греха над нами начинается болезненным покаянием, но конец его – благое торжество. Не раз я слышал от людей нашего времени: «готов принять религию, если она дает мне радость». Но они думают о радости с самого начала их веры, что не всегда возможно. И те же самые люди действительно понесут огромный труд, чтобы создать для себя базу в борьбе за насущный хлеб или за некоторые привилегии. Еще больший подвиг необходим для артистов, чтобы усовершенствоваться в избранном ими роде искусства. Нередко даже всю свою жизнь поэты и живописцы, писатели и музыканты легко идут на всякие лишения из-за любви к искусству. Так и еще более с радостью терпят все те,

Видеть Бога как Он есть. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org
кому дано было преимущественно прикоснуться к небесному пламени.

Возьмем учение Христа: «Блаженны нищие духом; ибо их есть Царство Небесное». Уже теперь блаженны они, или только в грядущем Царстве? «Блаженны алчущие и жаждущие правды... блаженны милостивые... чистые сердцем... миротворцы... блаженны изгнанные за правду... блаженны вы, когда поносят вас... злословят за Меня. Радуйтесь и веселитесь; ибо велика ваша награда на небесах...» (Мф. 5, 3–12). Возможно ли сие осуществить без великой брани со своими страстями, без сокрушительного плача, без множества скорбей, без жгучей печали? Конечно, нет. Но как это ни странно, лучи светоносного Царства Небесного уже с самого начала веры во Христа-Бога начинают нас достигать. «... истинно говорю вам: нет никого, кто оставил бы дом, или родителей, или братьев, или сестер, или жену, или детей для Царствия Божия, и не получил бы гораздо более в сие время, и в век будущий жизни вечной» (ср. Мк. 10, 30; Лк. 18, 29–30).

Все, о чем говорит Господь, стяжается многими страданиями ищущей Бога души, влекущейся к Нему силою любви. Сия любовь устремляет дух человека к Богу с такой властью, что в нем прекращают действовать многие, усвоенные ранее рефлексы и реакции. Дух человека предстоит как ум – Уму Первому, в совлечении всего видимого, преходящего. Это состояние у аскетов называется «чистой молитвой». Человек при этом бывает вне земных категорий: он ни старый, ни молодой; ни эллин, ни иудей, ни скиф, ни варвар; ни царь и ни раб; ни богат, ни беден; ни ученый, ни неуч. Даже больше того: ни муж, ни жена. Он тогда «новая тварь» во Христе Иисусе (ср. 2 Кор. 5, 17; Гал. 6, 15; Гал. 3, 26–28).

Когда покаяние христианина достигает наибольшего напряжения, тогда он вступает в битву с «князем мира сего» (Ин. 12, 31; 14, 30; 16, 11). Ум Врага – космических измерений. С ним у нас идет невидимая брань. С большим основанием можно сказать, что все, что есть в пределах духовного мира, встретит дух христианина, кающегося до дна. Так должно быть потому что покаяние приближает человека к подобию Христу – Господину мира. Чтобы сообщилась человеку полнота богоподобия и в Господстве, он, человек, подвергается испытаниям на всех уровнях. Ему предстанет множество видений, возможных и в не-христианских мистических опытах. Но встречается он со всем сим в иной перспективе, как бы обратной: то, чего ищут адепты иных учений, к чему они стремятся, что они принимают за истину, христианин переживает как выпад из подлинной жизни. Явившийся ему Свет Божий дает видеть бездны ада; но так, что он распознает призраки истины, влекущие к себе неопытного подвижника. «Берегитесь, чтобы кто не прельстил вас» (Мф. 24, 4). На чужих же путях состояния христианского духа – неведомы. Прежде всего в этом порядке стоит Свыше сходящая любовь, объемлющая состраданием всю тварь.

Боль любви к Богу на краткие мгновения бывает похожа на боль сердца, пронзенного раскаленным железом. Но, – опять «но», сия боль срастворена с невыразимо сладостной и воистину всеобъемлющей любовью. Получается, что и боль, взятая только как таковая, и радость без боли – были бы смертельны для нашего психосоматического организма.

В моем конечном анализе, после десятков лет покаянной молитвы, я убедился, что было бы непоправимой ошибкой смешать описанную мною боль любви Христовой с явлениями патологического порядка. Страдания кающегося – не суть ни нервное расстройство, ни следствие неудовлетворенных страстей похоти, ни психологический конфликт, ни потеря разумного контроля; нет в них и какой-либо иной патологии. Совсем нет. Они, эти страдания, по природе своей принадлежат иному плану бытия. В некоторые начальные периоды они отражаются на всем человеке, т.е. и на душе его и теле, так что весь человек страдает; но духовные страдания по Богу не убивают человека, а оживотворяют. Этим путем человек преобладает последствия падения, – освобождается от живущего в нем «закона греховного» (ср. Рим. 7, 23).

Труден путь нашего возрождения возврата в первоначальное состояние. Но никак не оправдано никакое уклонение от сего подвига. Возьму для примера нашу эпоху с ее революционными движениями. Опыт, более чем полувековой, убедительно показал всему миру, насколько трудно и болезненно перейти от одного социального строя, несправедливого, созданного в условиях страшного падения человечества, к другому, тоже еще далекому от Божией Правды, кажущемуся все же менее жестоким. В этой страстной борьбе миллионы людей идут на всякий риск, вплоть до смерти. И все их «понимают». Возьмем этот пример, чтобы оправдать «риск» христианского аскета. Да, не просто, не

Видеть Бога как Он есть. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org
легко преобразуется наша жизнь из тления в нетление, из временности в бессмертие.

Неизбежно одно из двух: или в погоне за психофизическими наслаждениями и комфортом, удалаться от Бога, а следовательно умирать духовно; или в стремлении к сверх-природному образу бытия – умирать для мира сего. В этом «умирании» крест наш, наше распятие. Многие в усилиях добиться реализации представляющегося им идеала – гибнут, хотя речь идет лишь о временном торжестве. Христианин же, в обретенной им в Боге свободе своего бессмертного духа, готов страдать за осуществление высшей истины. В этом его, христианина, достоинство, подобного которому не встречается в природном мире.

«И произошла на небе война: Михаил и Ангелы его воевали против дракона, и дракон и ангелы его воевали против них, но не устояли, и не нашлось уже для них места на небе. И низвержен был великий дракон, древний змий, называемый диаволом и сатаной, обольщающий всю вселенную... И услышал я громкий голос, говорящий на небе: ныне настало спасение и сила и царство Бога нашего и власть Христа Его... Они победили его кровью Агнца и словом свидетельства своего, и не возлюбили души своей даже до смерти. Итак веселитесь, небеса и обитающие на них...» (Откр. 12, 7–12).

Любить Бога до ненависти к себе – есть совершенство любви. «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15, 13). Это есть любовь «до конца» (Ин. 13, 1). Кто приближается к сему великому порогу, тот достиг двери, ведущей в «непоколебимое царство» (Евр. 12, 28).

Чтобы стяжать сие царство, каждый должен помнить, что для всякого тварного «по образу Божию» духа предстоит перешагнуть «порог» страдания; страдания вольного ради святой любви. Без сего испытания нашей свободы мы сами не сможем осознать себя воистину свободными персонами. С другой стороны, чтобы пребыть вечно с Богом и в Боге, мы должны научиться свойственной Ему, Богу, любви. Открыл нам сию тайну – Христос, воплотившийся Логос Отца. Без Его примера никто и никогда не познал бы сего таинства. «Перешагнуть порог» – значит переродиться радикально, стать «новой тварью», получить дар Божественной вечности так, чтобы Божественная жизнь стала нашим неотъемлемым владением. Благодать изначальная так соединяется с нашей тварной природой, что сии два – становятся едино: и это есть обожение.

Благословение знать путь включает сказанное выше. Христианин, помнящий сие, перенесет «огненное искушение» (ср. 1 Пет. 4, 12), и даже, б. м., с радостью, как это видим у святых мучеников. Не знать сего – опасно, потому что душа может поколебаться в любви Божией, в доверии к Нему в дни подобных испытаний и отказаться следовать за Христом, восходящим на Голгофу.

Резюмируя все вышесказанное, пытаюсь предложить сию воистину великую науку духа в немногих словах: побеждай всякое земное страдание погружаясь в большее страдание; «держи ум твой во аде» – осуди себя самого на ад, как недостойного Бога, но «не отчаивайся».

Сей подвиг приведет тебя к победе над миром (ср. Ин. 16, 33). Он возведет тебя в царство непоколебимое (ср. Евр. 12, 28).

Какой предел сей науки на Земле? Он указан нам Христом, который «смертию смерть поправ».

Да будет имя Господне благословенно от ныне и до века.

Суммарное изложение жизни нашего духа

Подлинно христианская жизнь протекает «в духе и истине» (Ин. 4, 23). В силу этого она возможна во всяком месте, во всякое время, в любую историческую эпоху. Божественным заповедям Христа свойствен абсолютный характер. Нет и не может быть во всем мире таких условий, когда соблюдение их (заповедей) стало бы совершенно невозможным. Как Божественный Дух и Истина, эта жизнь, конечно, в своем вечном существе стоит выше всякой внешней формы. Но поскольку человек является в сей мир как «табула раза», постольку ему предстоит «возрастать, укрепляться духом, научиться премудрости» (ср. Лк. 2, 40), постольку создается необходимость в этих или иных организационных формах, в той или иной дисциплине ради координации совместной жизни и воспитания еще далеко несовершенных людей. Отцы наши, Апостолы, да и Сам

Видеть Бога как Он есть. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org Христос, благодаря которым мы научились чтить Истинного Бога, прекрасно знали, что, с одной стороны, жизнь Божественного Духа превосходит все земные институции, с другой – знали они и то, что сам Дух сей созидает Себе некое обиталище, имеющее в пределах Земли те или иные очертания, которые являются выражением Духа, сосудом для хранения Его даров. Сие чудное жилище Духа Святого есть Церковь, которая принесла чрез полное всяческих тревог века драгоценное сокровище Богооткровенной Истины. Оставим тех, которые, будучи недостаточно умудренными, становятся неумеренными приверженцами именно «форм», отвлекаясь вследствие этого от заключенной в них духовной сущности. «Господь и есть Дух, а где Дух Господень, там свобода... будем взирать на славу Господню, преображаясь в тот же образ от славы в славу» (2 Кор. 3, 6, 17–18). Назначение Церкви – ввести своих чад в сферу Божественного Бытия, Она – духовный центр нашего мира, глобально объёмлющего всю историю от сотворения первого человека до последнего, имеющего родиться от жены. Она – Церковь – союз любви Христовой в силу неразрывного единства с Ним. Выросшие в недрах Ее чрез долгий подвиг пребывания в заповедях евангельских до сознания свободы сынов Божиих, ни географическим местом, ни внешними традициями уже не связаны; общие обычаи и установления их не ограничивают, им не вредят. Пример Самого Христа: Он соблюл заповедь Отца, не нарушая неудобноносимого бремени (ср. Лк. 11, 46) предписаний Закона Моисеева.

Много раз я прерывал работу, недовольный тем, что написал. Пытался выяснить причину этого явления и теперь, кажется, немного понимаю. Я поставил перед собой невыполнимую задачу: представить в книге то, что мне дано было пережить в течение десятилетий моего «ада покаяния». Ведомо, я не писатель. Вспоминая наиболее ясно уцелевшие в памяти события моей духовной жизни, я нередко бывал остановлен самой природой моего опыта. Думаю, что это не только моего опыта, но и всех других аскетов-писателей, древних и менее древних. Повторение в течение иногда длительного периода одного и того же, по существу, явления, едва ли не каждый раз оно слагалось в различных последованиях или из перемен в составе и содержании деталей: вступали новые элементы в мои состояния или выпадали другие, ранее бывшие. Создавалось разнообразие, предложить которое в книге, где требуется систематическая организация всего материала, невозможно. Перечитывая мои первые заметки для более обширной книги, я то и дело замечал, что на одной и той же странице дан сгусток из многих тем. Некоторые могли бы быть отнесены к нескольким главам, например: о Покаянии, о Молитве, о Созерцании, о Свете или о Персоне и подобное. Иногда получается так, что если бы я написал каждую из мыслей на отдельном листе бумаги, то после было бы почти возможно оперировать с ними, как с картами в игре: смешивать в различных сочетаниях: одна и та же мысль могла бы войти в десяток смежных проблем. Пусть это не покажется карикатурой. Духовная жизнь подобна живой воде: иногда это малый ручей; иногда река или слияние рек; в других случаях – это широкое море. То это музыка ручья, текущего между камней; то непрестанно вибрирующее, но все же спокойное течение могучей реки; то круговороты водные при слиянии двух стремительных горных потоков; то зеркальная поверхность вод, отражающих солнце и синее небо; подчас же, на великих пространствах глубоких морей тяжкие бури, после которых наступает величественная тишина в молчании лунной ночи. И при всем этом – воды одни и те же.

Дух человека при обращении к Богу всегда может воспринять от Него новые излияния иного бытия, иного познания; достигает границ времени, переходит в иные измерения, охватывает воздействием Духа Божия земной мир, космическое бытие, века времен; прикасается и самой безначальности в молитвенном порыве к Безначальному.

Я не знаю такого опыта, который являлся бы как бы суммой, показательной для всех других, особенно, когда речь идет о начальных и средних состояниях. Если и приближается моментами дух наш к более совершенному видению во Свете, то и сие совершенство все же относительное, и в нашем земном движении оно не бывает непоколебимым, словом, чрезвычайное богатство Свыше не может быть представлено в хронологически и логически последовательной организации, и я оставляю эту работу.

Метод Старца Силуана – ставить человека пред общим принципом, чтобы затем он сам мог себя контролировать и распознавать свои состояния. Вот некоторые примеры: «Кушать надо столько, чтобы после принятия пищи не прерывалась молитва и чувство Божьего присутствия» (ср. Лк. 21, 34); «Всякое начинание, на которое душа не решается испрашивать благословение Божие, лучше отложить; как и всякое дело пред которым не идет несмущенная молитва –

Видеть Бога как Он есть. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org лучше не делать»; «Если при молитве приходит в сознание посторонняя ей мысль, то такая молитва не есть „чистая“»; «Если в сердце живет неприязнь к кому-либо, злопамятство, то мы еще в объятиях смерти и не познали Бога, как должно Его знать». И подобное.

Я решаюсь продолжить мое писание с меньшими требованиями к самому себе, предлагая мой более чем полувековой опыт в частичных проявлениях, в его связи с воспринятыми мною основными положениями нашей веры: Бог Любви – есть Троица Единосущная и Нераздельная; Абсолютное Бытие – Персонально, и наши отношения с Персональным Богом – прежде всего персональные. Грех всегда есть преступление или уклонение от любви Отчей. Восстановление непорочности и непреложности в веках союза любви с Богом достигается чрез покаяние. Полнота видения греха вне Христа и Света Духа Святого никогда и никем не достигается, не уразумевается. Путь к Отцу всего сущего – Христос, и усыновление наше возможно только и исключительно чрез Него и в Нем, как Единородном Сыне, Собезначальном Отцу и Духу. Плач всего нашего существа – нормальное состояние истинного покаяния. Чем разрушительнее страх вечного разлучения с Богом, чем разительнее ужас от видения нашего безобразия, тем целостнее устремление духа нашего к молитве.

Чрезвычайность задания, стоящего пред нами, никак не должна уклонить нас от его выполнения. Если мы веруем, что Христос, творец нашего естества, знает совершенным образом конечные потенции сего естества, то мы вдохновимся на подвиг. Согласно Откровению – мы избранны во Христе «прежде создания мира». Апостолы и Отцы наши осознали это; почему бы нам малодушествовать пред таким дивным званием, пред которым все иные смыслы и цели бледнеют? Больше того: вне этой идеи все опустошается, и жизнь становится бессмысленной суетой. Христос явил нам Собою, как человек, достижимость святой вечности в недрах Отчих; невозможно нам отказаться от следования зову Его (ср. Ин. 16, 22 и 33). Конечно, мы не сильнее Апостолов, которые «ужасались и были в страхе» следуя за Господом, восходящим в Иерусалим для предстоящего над ним суда и предания позорной смерти (ср. Мк. 10, 32–33). И мы знаем, что мы на войне. Но наша единственная война, которую мы избрали, есть святая брань с врагом, общим для всех людей, всего человечества – смертью (1 Кор. 15, 26). В сущности нет у человека другого врага. Мы боремся за воскресение; наше собственное и каждого иного со-человека. Господь «послал нас, как овец среди волков» (Мф. 10, 16).

В шкале духовных состояний христианина, и б.м., прежде всего монаха, на нижней ступени лежит «тьма кромешная» (Мф. 8, 12), а на высшей – «Царство Божие, пришедшее в силу» (Мк. 9, 1). Самодовольная ограниченность весьма многих, к сожалению, не только не способна воспринять подлинное христианство, но даже и отвращается от него. Однако возможно и в наше время встретить подвижников благочестия, опыт которых приближается к всеобъемлющему. Они прошли чрез болезненность душевных колебаний, – чрез терзание совести от сознания своей порочности и неправды пред Богом, – чрез губительные сомнения и страдальческую борьбу со страстями. Они познали состояние адских мучений, тяжкий мрак отчаяния, неподдающуюся описанию тоску и горестность богооставленности. Взыскавшему истинного покаяния дается также познать многие градации духовной радости и мира, вдохновенной веры, целительной надежды; к сердцу и уму молящегося прикасается огонь Любви Божией, и с ним видение немеркнувшего Света «грядущего града» (Евр. 13, 14). Утонченное постом и молитвою сердце легко становится прозорливым по благодати, когда ему открываются глубины душ и пути к исцелению покаянием. Иным видам прозорливости не уделяется внимание. В начале, обычно, нисходит благодать смертной памяти: это есть особое состояние, когда вечность стучится в сердце человека, пребывающего во тьме греха. При этом Дух Божий, еще не опознанный, еще неведомый и скрывающийся, сообщает духу человека трудно объяснимое видение окружающего мира: сей мир, все космическое бытие, где с момента зарождения на всем ложится печать истления, представляется бессмысленным, погруженным во мрак смерти.

Сознанию испытанного христианина становится доступным Евангельское слово. То, что прежде казалось противоречивым, раскрывается как Божественная универсальность, как от века утаенная от нечистого ока святая Тайна. Слишком велик контраст нового разумения с предшествующим омрачением, чтобы выразить сие словом. Дух человека достигает двух пределов: ада и царства, меж которых движется вся духовная жизнь разумных личных существ.

Соберется ли дух во внутрь от мучительного томления или от нашедшей на него небесной славы – молитва его становится подобною молнии, в миг

Видеть Бога как Он есть. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org прорезывающей вселенную от края до края. Освобожденный от власти над ним всего преходящего, дух легко восторгается в мир непреложный. Казавшееся смертельным страдание сплетается с нестерпимым блаженством.

Естество человека не выносит долгое время предельных состояний. Некоторые из них даются лишь немногим, лишь однажды. Но в данном опыте в кратчайший временной момент открываются такие сферы Бытия, о которых обычно люди и не подозревают: их сердце закрыто для восприятия святой жизни Бога.

Начало победной борьбы с грехом состоит в удалении от мест, от лиц и обстоятельств, с которыми были связаны наши падения. Уход из мира, бегство в пустыню в этом смысле явятся положительным этапом, потому что там, в пустыне, мы материально, физически не можем исполнить делом многих грехов, например: насилие, обман, клевета, любостязание, распутство, невоздержание и подобное. Конечно, этого далеко недостаточно. Внимательный христианин и само наличие в нем еще не преодоленных страстей, побеждающих его хотя бы только в начальных стадиях мысли (помысла), переживает как рабство греху и смерти. Помимо сего есть много грехов, которые независимо от их осуществления в видимой форме, губят нас, – например: гордость, тщеславие, самовозношение, злопамятство и другие. Борьба с ними может быть весьма тяжкою даже в пустыне, в полном одиночестве. Победа над всем – в смирении, уподобляющем нас Господу, бесстрастному и смиренному.

Бесстрастен Бог, и спасенные в Нем – бесстрастны. Смысл христианского бесстрастия в том, что человек освобождается от власти над ним «закона греха» (ср. Рим. 8, 2). Состояние бесстрастия характеризуется неотступным присутствием благодати Духа Святого внутри человека, который свидетельствует духу нашему, что мы перешли от смерти в жизнь нетленную. Действие Духа Божьего познается в любви, ибо Бог есть любовь, и пребывающий в любви, пребывает в Боге и Бог в нем (1 Ин. 4, 16). Эта любовь бессмертна по роду своему. Она не умалется от страданий, но ей свойственно сострадание. Поставляя человека вне смерти, она, сия любовь, естественно полна сострадательной жалости даже ко врагам. Она не убивает убивающих тело: она их жалеет, как лишенных Света истинной жизни (ср. Мф. 10, 28). Так научены мы разумевать вещи Святыми Отцами нашими, и сами живем сие разумение как истинное.

Рожденные в этом мире, мы связаны с ним крепкими узами родства. Мы любим его; в пределах его мы строим нашу вечность; но мы страдаем в нем: он тесен для заповеданной нам любви. Мы не можем не любить мира сего, но это не значит, что мы пойдем его, падшего мира, путями. Мы не можем не любить мира, но когда влечение к нему препобеждает нашу любовь к Богу, тогда мы должны найти в себе силы поступить подобно Аврааму: взять в руки огонь и нож, и принести в жертву все дорогое нам ради торжества любви Божией в нас (Быт. 22, 6).

Благословение Творца пребывает в мире сем – там, где его благодарно принимают. Но даже и в своей благословенной части – мир – никак не является нашей последней целью. Мы томимся здесь святым томлением: нас влечет зов Отца над-мирного. Мы сознаем, что та сторона нашего существа, которая стремится к Нему, и сама в себе становится надмирною. Мы знаем, что Бог призвал нас к соучастию с Ним в Акте творения им бессмертных богов. Мы сами тварь, но Господь Иисус Христос Своим явлением на Земле, учением Своим, примером Своим, творит нас подобными Ему. Завершается в нас подобие Единородному Сыну вселением в нас Духа Святого. Таким образом становимся мы также сынами Вышнего (ср. Лк. 1, 35). И все, что говорит Христос о Себе в Своем воплощении, может быть отнесено и к нам: «Сын ничего не может творить Сам от Себя, если не увидит Отца творящего: ибо что творит Он, то и Сын творит также. Ибо Отец любит Сына и показывает Ему все, что творит Сам» (Ин. 5, 19-20).

Двойственен человек: он и в мире сем, он же и превосходит сей природный мир. В низших формах своего земного существа он является «вещью» сего мира, и как таковая – он детерминирован. Как ипостась, образ Ипостасного Бога, он идет дальше всякого определения. Отсюда у нас двойственное сознание о самих себе: мы – ничтожество, из «ничто» взятое, мы же величие в благодати спасения. В нас сожительствовают зависимость и свобода, – тленность и бессмертие, – рабство и царственность. В своем падении люди стали жертвой пагубной аберрации: почитают величием то, что в очах Бога есть «мерзость» (Лк. 15, 16); чуждаются и презирают то, что драгоценно пред Ним (1 Пет. 3, 4; Лк. 1, 52).

Чтобы быть христианином, человеку нужно дерзновение, пред которым блекнут все иные дерзания. «Человек Христос Иисус» победил мир и нас зовет к общению в Его вечной победе (1 Тим. 2, 5; Ин. 16, 33). По вознесении Своим Он уже как Человек воссел «одесную Бога» (Мк. 16, 19). Всем нам необходима великая сила апостольской веры или простота младенца, чтобы воспринять без колебаний сие призвание. «Побеждающему дам сесть со Мною на престоле Моем, как и Я победил, и сел со Отцом Моим на престоле Его. Имеющий ухо да слышит...» (Откр. 3, 21–22). «Всякий, рожденный от Бога, побеждает мир; и сия есть победа, победившая мир, вера ваша...» (1 Ин. 5, 4).

Кто пытается следовать за Христом, «куда бы Он ни пошел» (Откр. 14, 4), тот неизбежно будет потрясен многожды: при каждом восхождении своем от меньшего к большему познанию, – от меньшей меры любви к большей. Не вмещаем мы Его всемогущества сердцем нашим; не постигаем мы Его беспредельности умом нашим. «Мои мысли – не ваши мысли, не ваши пути – пути Мои, говорит Господь» (Ис. 55, 8).

Как часто останавливаемся мы в изнеможении уразуметь Его волю, Его первую и последнюю мысль о нас. Не легко покидаем мы «наши пути» и с великим трудом обретаем «Его пути». Едва придет момент, когда нам кажется, что вот начинаю немного видеть, а Он уже показывает, что Он далек неизмеримо. Напрягается душа до предела своих сил; изнывает дух мой; ужас охватывает меня пред открывающимися безднами богопознания; ищу подкрепления в слове Божиим, и что же? Падаю на: «еще раз поколеблю не только землю, но и небо»... Зачем? Ради «изменения колеблемого, как сотворенного, чтобы пребыло непоколебимое» (Евр. 12, 6–27).

«Господи, я немощен. Ты знаешь сие. Со страхом ищю я путей к Тебе. Не презирай меня; не удаляйся от меня в падении моем; приблизься и ко мне, ничтожному, но жаждущему. Вселись в меня и Сам Ты совершай во мне все, что Ты заповедал нам; сотвори меня Твоим на веки вечные в любви непоколебимой».

Божественная жизнь для нас недомыслима. В силу этого мы обычно говорим о тайнах Божиих. Это, однако, не значит, что Господь нарочито скрывает от нас некоторые стороны Своего вечного Бытия. Конечно, нет. Нам, как творимым из «ничто», следовательно, как лишь «потенциям», предстоит известный процесс созревания и становления в Истине, чрез постепенное сознание Тайн. Путь такой: все дары Творца суть чистые дары, ибо мы ничего не имели до нашего явления в сей мир, да и самое бытие мы получили из Его рук, но усвоение дарований связывается с болезненным напряжением всего нашего существа. Только при этом условии дается возможность Богу приписать нам самое стяжание их – даровать нам исходящую от Него жизнь в полное наше обладание на всю вечность: Его жизнь становится нашей жизнью.

Безначальный Абсолют – Бог, открылся нам как Персональное Бытие. И мы создаемся как потенциальные персоны. Познание нами, тварными персонами, Бога – есть двусторонний акт: Дающего и воспринимающего. Оно, сие познание, всегда носит персональный, не объективный, характер. Мы – образ Божий, носим в себе непреодолимое стремление к разгадке открывающегося нам Самосущного – Божественного Бытия.

По сотворении человека Господь уже не действует Один, но всегда с согласия сотворенного. Процесс нашего завершения слагается из встречи двух волей: Творца и творения; двух персон: Бога и человека. Познание о Боге Живом сообщается нам в акте соединения нашего с Ним в самом Бытии Его. Подобный акт «соединения» есть следствие взаимной любви, открывающей сердце наше, все существо наше в полноте его. Если же мы отдаем Ему лишь часть нашей жизни, то не должно ожидать, что Он, Безначальный, откроется нам во всей Своей Полноте, и притом навеки неотъемлемым образом. Господь неисповедимо щедр, но Он считается с мерой нашей самоотдачи Ему; иными словами: Он отдается нам настолько, насколько мы готовы в нашей свободе Его принять.

Бог так сливается с человеком, что последний живет Его как свою жизнь, и вовсе не как «объект» познания. Научный, объективирующий метод познания ни в каком случае к Нему не применим. В единении Бога с нами – и Он, и мы – неизменно пребываем персонами, сознающими себя связанными любовью. Он говорит о Себе: «живу Я»; именует Себя «Аз есмь» – и нам сообщает именно сию жизнь; так что и мы можем сказать с чувством про себя: «аз есмь». Он – Самосущный, мы же имеем наше бытие от Него. Поскольку мы в Нем, постольку мы вне смерти, т. е. вечны.

Имя Ему – «Альфа и Омега», «начало и конец» (Откр. 1, 8); «первый и последний» (Откр. 1, 10). Он первичный принцип и Самого Себя, и для всего существующего. До того, как Он прикоснется к нам Своим перстом; до того, как энергия Его предвечной жизни пройдет чрез наше сердце, наш ум и даже тело – мы терзаемся в догадках о Нем. Тварные, мы не постигаем, как возможно вообще Бытие. Мы констатируем сей факт, но идти дальше не в силах. Он открывается сначала на Синае Моисею с Именем «Аз есмь», но еще и несравненно сильнее чрез Свое явление в сем мире, в нашей плоти. И дал нам благословение знать Его как персону, и самих себя видеть возносимыми к этому образу Бытия чрез веру в Него, чрез встречу с Ним в самом бытийном соединении, чрез пришествие Духа Святого в наши сердца.

Явлением Света дается человеку бытийное познание Бога; душа, ум и даже тело участвуют в этом познании. Но мы не вмещаем всей полноты Его; и этот факт вызывает в нас любовную жажду умножать наше общение с ним, глубже проникать всеми сторонами нашего существа. В этом томлении по Богу есть увлекающая сила, дающая радость и вместе связанная с болезнью. Скорбит дух наш, видя себя еще так неизъяснимо далеками от вожделенного Отца, и молитва принимает характер стремительного потока; опыт в ней весьма многогранен; дни и ночи становятся полными заботы и творческого искания путей к Нему.

Та святая любовь, дыхание которой может посетить нас при этом, внутренне-субъективно представляется нам не подлежащей сомнению о ее божественном происхождении. Но не смотря на всеобъемлющий порыв этой чудной любви, явленной во Свете, было бы не только неправильным, но и опасным довериться самому себе. Из Писания мы знаем, что Пречистая Дева Мария спешит к праведной Елисавете, чтобы услышать от нее – истинно ли данное Ей откровение о рождении от Нее Сына, который «будет велик и наречется Сыном Всевышнего... и Царству которого не будет конца» (Лк. 1, 32–33). Другой пример – Павел. Он «был восхищен в рай и слышал неизреченные слова, которых человеку нельзя пересказать» (ср. 2 Кор. 12, 4). «Бог... благоволил открыть во мне Сына Своего» (Гал. 1, 15–16). И все же он дважды был в Иерусалиме, чтобы предложить на суд Петра и других, «особо знаменитейших», проповедуемое им благовестие, чтобы получить от них подтверждение, что не напрасно он подвизается (ср. Гал. 2, 1–2). И нет конца подобным примерам в истории Церкви нашей, установившей как обязательное правило – проверять себя судом других, опытнейших, старейших, признанных верными. И мы держимся этой традиции.

В основе нашего существа лежит печать тварности из «ничто», лишаящей нас возможности какого-либо индивидуального суждения о Само-Бытии Абсолютного Существа. Помимо сего – мы несем в себе последствия «падения Адама», выражающегося в тенденции к самообожению. Опыт свободы нашего самоопределения, конечно, свидетельствует о нашей абсолютности, и мы легко можем потерять сознание, что мы сотворены, но сотворены «по образу Абсолютного Бога», и что наша «абсолютность» есть не более, чем отражение Перво-Абсолюта. Аберрация в этом пункте возможна для нас и интеллектуально, и психологически. Мы можем стать жертвой нашего «воображения» и выпасть из подлинно сущей реальности, которая не индивидуальна, но «соборна». Мы призваны вместить в себе всю полноту бытия человеческого и даже Божественного, но мы должны сознавать, что мы еще далеко не «там». И так – пребывает совершенно необходимым для каждого из нас, каким бы пророческим даром не обладал кто-либо, удостовериться, что мы включены в Соборное, по образу Троичного Бога Бытие, чрез свидетельство других персон. Мы, естественно, ищем таких свидетелей, которых можно найти не иначе как в Церкви, вековой опыт которой несравненно превосходит всякий индивидуальный опыт. В далеком прошлом таковыми компетентными наставниками были Апостолы, оставившие нам в письменной форме непосредственное от Бога полученное ими познание. После них – сонмы Отцов (учителей и аскетов), которые передавали из поколения в поколение прежде всего «дух самой жизни», скрепив его нередко так же своими писаниями. Мы верим, что в каждый данный исторический момент в Церкви наличествуют живые свидетели; что до конца дней мира сего не потеряется человечеством подлинное боговедение.

Лишь по обретении авторитетного подтверждения нашему индивидуальному опыту можем мы довериться своему, и опять-таки не сверх меры. Дух наш не должен остановиться в своем движении к Богу; и на каждом новом шагу нам необходимо помнить, что самоуверенная изоляция нашей личности чревата возможностью погрешить против Истины.

Видеть Бога как Он есть. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org
«Царю Небесный, Утешителю, Душе Истины от Отца исходяй и в Сыне почиваяй
прииди и вселися в ны, настави ны на всякую истину и спаси, Всеблагий, души
наша». (ср. Ин. гл. 14, 15, 16)

«Когда же приидет Он, Дух Истины, то наставит вас на всякую истину» –
обетовал нам Господь пред исходом Своим на крестную смерть.

Сознавать себя удаленным от Бога, Бога сокровенного, но все же
возлюбленного – мучительно тяжело. Теперь, когда я думаю о том, что же в
действительности происходило со мною в те благословенные годы, мысль идет
по трем направлениям. 1) Жажда Бога, пожирившая меня, казалась единственно
естественною, единственною «на потребу» (Лк. 10, 42) в моем бедственном
состоянии. 2) Я немощен, во всем неустойчивый... откуда же пришла ко мне
молитва, превышавшая силы моего естества? 3) Не Сам ли Господь влек меня
Своею силою?.. Не соединялись ли две воли: Божия и моя, поскольку Отец и
Творец наш не совершает с нами чего-либо без нашего согласия и содействия.

Томление души моей было непрестанным – днем и ночью. Эта мука выливалась в
такую же непрерывную молитву даже во сне, или когда я бывал на людях. При
свидетелях, однако, некая сила удерживала меня от проявлений, но как только
возвращался я к себе, так прежде, чем я успею закрыть дверь моей комнаты,
как плач овладевал мною. Моментами боль души от разлуки с Богом бросала
меня на пол, и в ночной тишине я часами не отрывался от рыданий о
невыразимо великой потере моей. Весь я: мой ум, мое сердце и даже тело мое
– все соединялось во-едино, тесно, туго, подобно крепко стянутому узлу. И
когда плач переходил некую грань, тогда земля, весь видимый мир выпадали из
моего сознания, и бывал я один пред Богом. Неосызаемый Свет, исходящий от
Безначального, давал мне видеть себя не в моем внешнем явлении, не в
условиях моей повседневности, но странным образом, которого я не могу
описывать: я стоял пред моим Творцом до конца обнаженный в самой природе
моей; и не было во мне ничего скрытого от Его глаза.

Одним из важнейших событий моей жизни, по благому обо мне Промыслу, была
встреча со Старцем Силуаном. Этому смиренному мужу было Свыше дано молиться
за весь мир, как за самого себя. Преобладала, однако, в нем печаль об уже
ушедших отсюда. Душа его была прикована к видению ада, который за пределами
Земли. Созерцал он сей ад в силу данного ему опыта реальности сего
духовного состояния человеческого духа. Вообще ему было свойственно не
ограничиваться в своей молитве ни временем, ни пространством, ибо дух его
всегда был обращен к вечности. Мною же всегда владело видение ада здесь, в
Истории. Живя в пустыне я не только освободился от этого состояния, но даже
и наоборот: мука моя возросла вследствие вообще событий нашего времени и
больше всего во время Второй мировой войны. Пустыня давала мне возможность
отдаваться молитве за человечество, особенно в ночные часы. Я бывал как бы
одержим ощущением страданий вселенной. Этому помогал мой опыт Первой
Мировой войны и последовавшей затем Революции в России. Я жил годами в
удушливой атмосфере братоубийственной ненависти; сначала международной,
затем междоусобной войны. С тех пор я предпочитаю слышать о гибели подчас
многих тысяч людей во время стихийных бедствий, как землетрясения,
наводнения, эпидемии и подобное. Этого рода катастрофы нормально вызывают
сострадание со всех сторон. Тогда как войны едва ли не всех втягивают в
моральное соучастие в убийствах. Нет большего греха, чем войны. В те годы я
жил Литургию, помня Гефсиманскую ночь Христа и страшный Голгофский день. Я
был в отчаянии: мне раскрылись размеры Падения человека. Как я остался
живым – не понимаю.

«Иисус вкусил уксуса, сказал: совершилось. И преклонив главу, предал дух»
(Ин. 19, 30). Что было в сознании Христа, когда Он произнес сие слово –
совершилось? Раскрыть в полноте ту вечность, в которой всегда пребывал наш
Господь, никто не в силах. Но не будет ошибкой предположить, что в Его
глобальное видение входило не только крайнее «истощание» вплоть до
схождения во ад, но и узрение Его победы над смертью: Он узрел множество
спасенных Им во Свете Царства Отца. То, что было замыслом Всевышнего о
Человеке в творческом уме Бога «прежде сложения мира», ныне станет
возможным и осуществленным: «Дело», которое поручил Христу Отец, – Он
исполнил (Ин. 17, 4).

Мы в страхе, мы в ужасе, когда раскрываются пред нами крайние степени
страданий. Но особенность христианского пути именно в том, что в параллель
схождению в страну мучений становится возможным восход человеческого духа в
сферы нетварного Света. Когда на нас выпадают неносимые, как нам кажется,

Видеть Бога как Он есть. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org терзания, тогда неожиданно открывается доступ к действительно безмерному избытку жизни; тогда мы начинаем глубже познавать Христа и в Его Человечестве, и в Его Божестве. И дух наш торжествует, и удивляется чуду, которое сотворил с нами БОГ. Подобно тому, как Гефсиманская молитва пребывает вечно в своей реальной силе; подобно тому, как Голгофская смерть Христа выжжена на-веки в теле сотворенного мира; подобно тому, как неизгладимы из истории нашего рода все деяния и слова Господа, – так и в нас самих будут на всю вечность выгравированы все наши труды в следовании нашем за Христом, но преображенные силою любви Божией.

Верующему даются состояния, уподобляющие его Воплощенному Богу; мы не говорим о полном тождестве их, но не отрицаем их аналогии. Безумием было бы первое; нечестием и неблагодарностью – второе. И если бы никогда, никому не давалось переживать в молитве хотя бы малое подобие состояний Бого-человека, то как вообще было бы доступно людям распознавать в Нем Бога? «Сия есть вечная жизнь, да знают Тебя, единого истинного Бога, и посланного Тобою Иисуса Христа» (Ин. 17, 3). Весь наш нелегкий подвиг – знать Единого Истинного Бога. Дух наш направлен не на временные явления, а на непреходящее Бытие. Стремление нашего ума к Тому, Кто есть, Кто в основе всего существующего, Кто есть Первый и Последний. И как могли бы мы приписать «историческому» Христу подобные атрибуты, если бы следование Его заповедям не приносило тех плодов, о которых с таким благоговением и восторгом говорят Отцы наши из рода в род? Если бы Он был такой же ограниченный индивидуум, каким кажемся все мы? Но... «Сын Божий... дал нам разум, да познаем истинного Бога и да будем в истинном Сыне Его Иисусе Христе...» (1 Ин. 5, 20). И Апостол Павел говорит, что в нас «должны быть те же чувствования, какие и во Христе Иисусе» (Флп. 2, 5). И опять, Павел преклоняет «колена пред Отцом Господа нашего Иисуса Христа», чтобы нам было дано «Духом Его утвердиться во внутреннем человеке, верою вселиться Христу в сердца наши, чтобы мы... могли постигнуть со всеми святыми, что широта и глубота, и глубина, и высота, и уразуметь превосходящую разумение любовь Христову, дабы нам исполниться всею полнотою Божиею» (ср. Еф. 3, 14–19).

Итак, если в начале христианства Дух, который влагал в уста и сердце Павла эти слова, то Тот же Дух и до сего дня не перестал двигать сердца верующих на подобную молитву о всем мире, чтобы всякий человек познал всем существом, что Господь призывает всех и каждого «в Свой чудный Свет» (1 Пет. 2, 9).

Мы не охватываем нашим умом, что значит спасение мира; или как понимать воскресение из мертвых (ср. Мк. 9, 10); но в молитве и нам дается иногда состояние, приоткрывающее тайны будущего века. Верим, что придет такой момент, который именуется «исполнением времен» (Еф. 1, 10), как завершение всего, что мыслил Творец о нас.

Вечность не имеет длительности, хотя и объемлет все протяженности веков и пространства. О ней можно говорить как о «вечном мгновении», не поддающемся никаким определениям или измерениям: ни временным, ни пространственным, ни логическим. В нем, в этом неизъяснимом мгновении, и мы, по дару Духа Святого, в едином непротяженном бессмертном акте всего нашего существа любовно обнимем все сущее от века, и БОГ будет всяческая во всех (ср. 1 Кор. 15, 28).

Бытие разумной твари должно стать совершенным: по образу Троицы Божества. В этом смысл, и цель, и задание Церкви Христовой: «да будут все едино: как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в нас едино...» (Ин. 17, 21). Ясно, что каждый член Церкви должен достигнуть полноту подобия Христу, даже до тождества, иначе не осуществится единство Церкви по подобию единству Святой Троицы.

О духовной свободе

«Стойте в свободе, которую даровал нам Христос, и не подвергайтесь опять игу рабства» (Гал. 5, 1).

Начало нашей жизни в теле, от земли взятом (Быт. 2, 7), дает нам опыт зависимости от природных сил и вообще космических энергий, с которыми связана необходимость и детерминизм. Лишь чрез Христа познаем мы Царство свободы духа Божьего (ср. 2 Кор. 3, 17), а затем и духа человеческого (ср. Ин. 8, 31–32). Последний, дух человеческий, как образ Первого, непостижимым путем творимый Богом, зарождается как бы в материи тела нашего, но по

Видеть Бога как Он есть. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org природе своей он, дух человека, стоит выше космической материи. От встречи со Христом вырастает он в своем ипостасном сознании до той зрелости, когда перестает зависеть от естественных законов земли и начинает действительно воспринимать дыхание Божественной вечности.

Свобода человека, уверовавшего в Божество Иисуса Христа и пребывающего в сфере слова Его, принадлежит плану иных измерений: она, сия свобода, ничем не детерминирована извне. Такой человек – приближающийся к мере полного возраста Христова (ср. Еф. 4, 13) – хотя и является тварью Бога, однако Творец обращается с ним не как со Своей «энергией», но как с определенным фактом даже для Него: Бог ничего не навязывает ему насилем, даже любви к Нему, как к Отцу. Он открывается человеку, «как Он есть», оставляя человека реагировать в свободе его. Так Церковь отклоняет даже Божественный, т.е. «оригенистический» детерминизм: якобы благодать Божия найдет пути, не нарушая принципа свободы, спасти всех и все.

Свобода сия, опыт которой дается человеку-христианину, принадлежит персональному началу в человеке. Эти два – Персона и свобода – соединены неразрывно: где нет свободы, там нет и Персоны; и наоборот: где нет Персоны, там нет и свободы. Этот род вечного Бытия, свойственен исключительно Персоне, и никак не индивиду (ср. 1 Кор. 15, 47–50).

Созданы мы Богом «по образу Его» для жизни «по подобию Ему», т.е. ради конечного обожения нас: сообщения нам Божественной жизни во всей ее полноте. Отношения между Богом и человеком – основаны на началах свободы: в наших заключительных самоопределениях пред Богом – мы самовластные персоны. Когда в свободе нашей мы склоняемся к греху, тогда мы разрываем с Ним союз любви и удаляемся от него. Возможность отрицательного самоопределения нашего по отношению к Отцу Небесному доставляет трагический аспект свободы. Но сие роковое самовластие все же является необходимым условием для тварной персоны при восхождении для восприятия Божественной жизни.

Да, мы свободны, но не в той абсолютной мере, в какой свободен Сам Бог: Он во всем определяет Свое Бытие. Мы же, тварные из «ничто», в самих себе бытия не имеем: мы не можем созидать какое бы то ни было бытие, которого хотели бы мы по разуму нашему или безумию. Пред нами факт Первого Самобытия Бога, кроме которого ничто самобытное не существует. Нам предстоит выбор: или наше усыновление Богом и Отцом нашим, или отход от Него во мрак небытийный, – среднего нет.

Христианин признан к дерзанию поверить, что мы можем быть введены в обладание Божественным Бытием. Оно не принадлежит нам, потому что мы тварь; мы не располагаем силами создать сие бытие; оно может быть дано нам как чистый дар любви Отчей.

О чем говорю я сейчас? Я пытаюсь найти некоторую параллель из нашей обыденной жизни, которая объяснила бы, что происходит с нами, когда Господь вселяется в нас... Человек рождается слепым, беспомощным младенцем. Его орудие борьбы за свое существование – плач, которым он выражает свое недовольство или страдание, каким бы путем сие ни пришло. Родители, и прежде всего мать, по любви к плоду чрева своего, спешат ему на помощь. В начале жизни младенец прилепляется к матери: руками охватывает ее шею; жмет к ее лицу, плечу, груди, ногам, когда он стоит на полу, и подобное. Постепенно научается он различать вещи, произносить некоторые слова, усваивает некоторые понятия, становится более сильным, способным стоять, ходить и бегать, наконец достигает своей зрелости – физической, моральной, умственной; сам может быть отцом или матерью; вступает в самостоятельную жизнь. Все, что испытал он в младенчестве, выпадает из его памяти; он знает, кто его отец и мать, но не имеет более ощущения своей зависимости от них; живет, как бы ни от кого не исшедший; свободный в своих движениях и решениях; видит себя как некую полноту, как целостную индивидуальность; словом – «я живу». Как это случилось, не знаю, но факт этот до конца убедителен для меня самого... Только разум мой знает, что та жизнь, которую имели мои родители, сообщена мне, потекла в моих жилах, стала моею, нашла свой путь.

Так у нас обстоит с Богом: «... как Отец имеет жизнь в самом Себе: так и Сыну дал иметь жизнь в Самом Себе» (Ин. 5, 26)... «Как послал Меня живой Отец, и Я живу Отцом: так и ядущий Меня жить будет Мною» (Ин. 6, 57–58). «Я живу и вы жить будете» (Ин. 14, 19). Когда сия жизнь сообщается нам бытийно, то мы ощущаем ее как нашу собственную жизнь. Мы знаем из

Видеть Бога как Он есть. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org предшествующего опыта, что эта жизнь нам дана Богом; она не наша по существу своему; но данная в неотъемлемое достояние спасенным, она становится действительно нашей жизнью. О ней можно говорить словами Апостола Павла: «И уже не я живу, но живет во мне Христос» (Гал. 2, 20). Опять повторю: я знаю, что он живет во мне, но Его жизнь стала ядром, самым внутренним, всего моего существа, так что я могу говорить о ней, как о моей жизни: живет Господь, живу и я.

«Кто имеет заповеди Мои и соблюдает их, тот любит Меня; а кто любит Меня, тот возлюблен будет Отцом Моим; и Я возлюблю его, и явлюсь ему Сам... и Мы придем к нему, и обитель у него сотворим» (Ин. 14, 21–23). Сотворят, конечно, не на время, а на вечность.

Вхождение наше в обладание сей бессмертной жизнью обусловлено хранением заповедей Господних.

«Если пребудете в слове Моем, то вы истинно Мои ученики. И познаете истину, и истина сделает вас свободными» (Ин. 8, 31–32).

Подобие природы нашей Богу естественно порождает в нас жажду познать Истину, стремиться к Божественному совершенству. Оно, сие совершенство, не в нас самих, а во Отце, Источнике всего существующего. Следование Ему во всем никак не имеет характера подчинения диктату внешней для нас власти: это есть влечение любви нашей к Нему; мы непрестанно томимся по Его совершенству. И Христос дал нам заповедь: «будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный» (Мф. 5, 48).

Святая воля Отца, от века сушая в Нем, не чужда нам, Его «образу». Она родственна нашему духу, хотя и превосходит наше тварное естество. Превосходство Отца объясняет необходимость борьбы за полное освоение Его нами; мы свободно идем на сей подвиг, одновременно мучительный и вдохновляющий. Чрез молитву нисходит на нас сила Вышнего. Святой дух совершает в нас искомое и чаемое, а не наши потуги. Мы скорбим до великой боли, потому что не вмещаем полноты Его в себе самих. И болеем, и страдаем, но и блаженствуем в самом сем страдании; и почитаем Его, и поклоняемся Ему в любви нашей. В своей наиболее чистой форме молитва наша есть ни что иное, как восторг нашего духа пред ним.

«Господи! научи нас молиться... Он сказал им, когда молитесь, говорите: Отче наш...» (Лк. 11, 1–2). «Молитесь же так: (Мф. 6, 9–13).

„Отче наш, иже еси на небесех, да святится имя Твое“: Ты дал духу моему обонять благоухание Святыни Твоея, и ныне душа моя жаждет быть святою в Тебе.

„Да приидет Царствие Твое“: молю Тебя, да Твоя Царственная жизнь преисполнит меня, нищего и убогого, и да будет моей жизнью во веки веков.

„Да будет воля Твоя, яко на небеси, и на земли“ моего тварного существа... да включусь и я, смертный, в великий поток Света сего, как он есть в Тебе Самом от начала.

„Хлеб наш насущный даждь нам днесь“, и прежде всего, и после всего „истинный хлеб, сходящий с небес и дающий жизнь миру“ (Ин. 6, 32–33).

„И остави нам долги наша, яко же и мы оставляем должником нашим“... Молю Тебя, ниспосли на меня, растленного, благодать Духа Святого, дарующего силу простить всем и все так, чтобы не оставалось во мне препятствия воспринять прощение от Тебя безмерности моих грехов.

„И не введи нас во искушение“... Ты, сердцеведец, знаешь мое развращение и склонность ко греху... молю Тебя: пошли Ангела Твоего с огненным мечем, чтобы преградил путь к падениям (ср. Числа 22, 23 и далее).

„Но избави нас от лукавого“... Отче Святой, Вседержителю Благий, свободи меня от власти врага нашего и Твоего противника... самому мне бороться с ним не в мочь».

Первое движение нашей молитвы – прошение о нас самих. Когда же Дух Святой умножит наше познание и расширит наше сознание, тогда молитва принимает космические измерения, и мы, призывая Отца нашего, под словом «наш» –

Видеть Бога как Он есть. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org
мыслим все человечество и на всех людей испрашиваем благодать с таким же сердцем, как и для нас самих:

«Да святится Имя Твое» среди всех народов; «Да придет Царствие Твое» в души всех людей, так чтобы Свет исходящей от Тебя жизни – стал жизнью всего мира нашего; «Да будет воля Твоя», единственно святая, соединяющая всех в любви Твоей на Земле, обитаемой нами, подобно тому, как она царит среди святых на небесах. «Избави нас от лукавого» «человекоубийцы» (Ин. 8, 44), повсюду сеющего злое семя вражды и смерти (ср. Мф 13, 27–28).

По христианскому пониманию – зло, как и добро, наличествует только там, где есть персональная форма бытия. Вне этого рода жизни – нет зла, но лишь детерминированные естественные процессы.

В связи с проблемой зла вообще, и главное в мире людском, стоит вопрос об участии Бога в исторических судьбах народов. Весьма многие отвергли веру в Бога, потому что им кажется, что если бы Бог существовал, то не мог бы иметь место такой дикий разгул зла, такое множество неоправданных страданий, такое отсутствие порядка и смысла во всем. Они забывают или вовсе не знают, что Создатель бережет человеческую свободу, как основной принцип в творении богообразных существ. Вмешательство всякий раз, когда воля людей увлекает их на пути злодеяний, было бы равносильным лишить их возможности самоопределения; приводило бы к сведению всего к космическим безличным законам.

Бог, конечно, спасает и отдельных страдальцев, и целые народы, если сами они направляют свои стопы по Его путям и взывают к Нему о помощи.

Не у всех одинаковое представление о смысле слова – спасение. Для христиан, ведущих непримиримую брань с грехом, оно состоит в том, что Сам Бог отдает Себя человеку в необъятности Своей вечности. Такому подвижнику видимые бедствия могут сопутствовать всю его жизнь, но он внутренне предстоит Невидимому (ср. 2 Тим. 4, 7; Флп. 1, 29; Деян. 9, 16; 1 Кор. 15, 30; 2 Кор. 6, 4). Напрасно будет попытка описывать его состояние: он предается в волю Божию, и в этом самоумалении уподобляется Христу (ср. Лк. 22, 42). Сей акт в существе своем есть свободное выявление кенотической любви, уподобляющей человека Богу: «... пришел час; вот, предается Сын Человеческий в руки грешников» (Мк. 14, 41). Нет любви большей, чем сия: мы отдаем себя в святые руки Создавшего нас, чрез сие входим в полноту Божественной жизни.

Достоинство молитвы превосходит ценность всякой иной деятельности, будь то в сфере социальной или политической, научной или искусства. Познавший сие на опыте легко жертвует своим материальным благосостоянием ради досуга для беседы с Богом. Великая привилегия останавливать свой ум на непреходящем; на том, что выше и дальше всех самых выдающихся достижений науки, философии или общественного служения. В начале борьба за духовную свободу может показаться чрезмерно тяжелой и рискованной; но все преодолевается, когда молитва всецело захватит душу.

Молитва глубокого покаяния может привести человека в такое состояние, когда он получает опыт свободы в Духе Истины: «и истина сделает вас свободными» (Ин. 8, 32). Сия святая свобода, к сожалению, не известна большинству людей. Первый симптом освобождения – нежелание властвовать над кем бы то ни было; последующая ступень – внутреннее раскрепощение от власти других над тобою; и это не по презрению к установленным от Бога властям и управителям внешней жизни народов, но в силу страха Божия, не допускающего преступить заповедь о любви к ближнему.

Безначальный Бог открылся нам в Своем неизъяснимом смирении. Он, Творец всего существующего, не властвует над нами. Правда, и над Ним никто не властен. Человек – образ сего смиренного и свободного Бога; нормально бы нам стремиться уподобиться Ему в образе Бытия: отстраняться от господствования над другими и самим «стоять в свободе, которую даровал нам Христос» (ср. Гал. 5, 1; 1 Кор. 15, 23–28).

Свет Божий своим пришествием в душу молящегося изымает ее из рабства страстям и возводит в светоносную сферу богоподобной свободы, полной любви, исключаяющей всякую склонность к рабовладению, которое противоположно любви. Там, где нет свободы и любви, все бессмысленно. Даже такие дары, как пророчества, ведения всех тайн и силы чудотворения, без любви – теряют ценность (ср. 1 Кор. 13, 1–3).

Велик и дивен мир святой свободы. Вне ее невозможно спасение как обожение человека. Необходимо, чтобы он сам (человек) свободно определился на вечность. Вся тварь стремится к освобождению от рабства тлению в свободу богосыновства (ср. Рим. 8, 21–23).

Повсюду ныне происходит борьба за свободу и независимость, но едва ли найдешь человека, которому открылась тайна богоподобной свободы детей Отца Небесного. Неописуемо в словах достоинство сего состояния: познается оно не иначе, как по дару Свыше. И опять, не могу не вспомнить Апостола Павла, несомненно знавшего божественно-царственную свободу: «Тварь с надеждою ожидает откровения сынов Божиих, потому что покорилась суете недобровольно...» (Рим. 8, 19–20).

«Стойте в свободе, которую даровал нам Христос, и не подвергайтесь опять игу рабства» (Гал. 5, 1). Легко понять, что страсть преобладания над братом – немедленным последствием имеет потерю своей независимости, притом, что страшно, отступление от Бога любви, лишение благодати Духа Святого. В душе поработителя создается провал в бытийную пустоту. Подобие Господу господствующих исключает рабовладение, в котором нет вечной жизни, ни даже временной. Доминанция обычно достигается насилиями и убийствами. К таковым, как к не оказавшим милости, на последнем Суде будет применен принцип: «Какую мерю мерите, такую и вам будут мерить»; и еще: «Суд без милости не оказавшему милости» (Мф. 7, 2; Иак. 2, 13).

«Где Дух Господень, там свобода» (2 Кор. 3, 17). Свобода в своей абсолютной форме свойственна только Богу. Человеку же дается благословение познавать ее отчасти в молитве, соединенной с жизнью по заповедям. Молитва – бесценный дар Неба – требует от нас «досуга». Ради встречи с Живым Христом не трудно отказаться от влекущих человека услаждений и всему предпочесть беседу с ним. Мне была дана сия бесценная привилегия, – скажу смело – блаженство, наибольшей силы достигшее в пустыне. Аскетическое понятие пустыни связывается не с географией, а образом жизни: такая удаленность от людей, когда тебя никто не видит и не слышит, – когда над тобой нет человеческой власти и ты не властвуешь ни над кем. Эта свобода необходима для полного погружения духа, да и всего состава нашего, в Божественной сфере. Тогда может быть нам сообщено Божественное бесстрашие, стоящее выше всех ценностей Земли. Не мыслит такой человек ни преобладания над братом; не ищет чести или прославления, ни тем более вещественных богатств. О, положительное определение свободы истинной не поддается выражению в словах. Не понимаю, почему в пустыне на меня снизошло благословение жить в свободе «детей Божиих» (Рим. 8, 21). Не говорю, что я воспринял сей дар до его высших степеней, т.е. когда человек воистину превзошел власть над ним греха и смерти. Но я бывал моментами на той грани, откуда уразумел, что полнота освобождения приходит, когда преодолена смерть.

Кто не боится смерти, тот стоит на пути к свободе. В рабстве удерживается человек, если в нем доминирует привязанность к земному. «Вот, я и дети, которых дал Мне Бог. Поскольку дети причастны плоти и крови, то и Он также воспринял оные, дабы смертью лишить силы имеющего державу смерти, т.е. дьявола, и избавить тех, которые от страха смерти чрез всю жизнь были подвержены рабству» (Евр. 2, 13–15).

Лишь отчасти испытал я восторг духовной свободы. С тех пор, как я был поставлен духовником, живу вне ее, будучи связан любовью к тем, кого Господь посылал ко мне. Любовь нередко поработает меня тем, кому я служу, которые нуждаются во мне ради Бога. Однако где-то в глубине души остается след пережитого мною опыта. Впервые, в еще далеко неясной форме, опыт сей был мне дан во Франции, когда я ощутил крепкую нужду удалиться из мира. Я благодарил Промысл Господа обо мне, увидев себя свободным совершить сей шаг удаления из мира, так как не было никого во всей вселенной, чья жизнь зависела бы от меня. В моей жажде Бога я мог идти на всякий риск; я не дорожил ничем; я свободно предал себя на все трудности. Это было начальным опытом царственной свободы моей души. Христос в свободе Своей любви предал себя на смерть, открыв тем нам дорогу к высшему познанию, к Божественному бессмертию.

О вдохновении

При всем сознании моего крайнего ничтожества, б.м., даже в силу этого томления (ср. Мф. 5, 3), я молился десятилетиями, чтобы и мне дал Господь

Видеть Бога как Он есть. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org вдохновение на следование за ним, «куда бы Он ни пошел» (ср. Откр. 14, 4): в пустыню ли, на испытание верности моей любви к Отцу (ср. Лк. 4, 1 и далее); на исполненную миллиона терзаний проповедь Царствия любви Отчей; на фавор ли, где три избранных услышали голос Отца: «Сей есть Сын мой Возлюбленный» (Мф. 17, 5); но прежде и больше всего в Гефсиманию и на Голгофу. Под вдохновением я разумею присутствие силы Духа Святого внутри нас (ср. Ин. 4, 13-15; 7, 37-39). Этого рода вдохновение принадлежит иному плану бытия, по отношению к тому, что я принимал за художественное или философское таковое. И сие последнее, свойственное падшему естеству нашему, может быть понято как дар от Бога, но еще не дающий ни единения с Богом личным, ни даже интеллектуального ведения о Нем.

Подлинно святое вдохновение, Свыше от Отца исходящее, не навязывается силою никому: оно стяжается, как и всякий иной дар от Бога, напряженным подвигом в молитве (ср. Лк. 11, 9-13). Не в том дело, что якобы Бог дает за труды некую «плату»; но в том, что стяженное разумно в страдании становится неотъемлемым обладанием человека на вечность. Всем нам необходимо претерпеть полное перерождение действием благодати; восстановление в нас способности воспринять обожение. Но все сие возможно не иначе, как чрез исполненный муки возврат наш к Нему. Бог действительно отдает нам Свою жизнь в полном смысле в наше личное обладание. Его предвечная слава вселяется в Им искупленных, и притом не как нечто придаточное, несвойственное нашей природе; не как присутствие в нас чего-то не-своего, «чужого», «неправедного» (ср. Лк. 16, 11-12). Нет. Истинное обожение состоит в том, что разумной твари действительно и во веки неотъемлемо сообщается безначальная жизнь Самого Бога. Иными словами: Жизнь Бога «ипостазируется» человеком подобно тому, как Бог, воплотившись, ипостазировал – воспринял в Свою Ипостась – Им же сотворенную форму нашего бытия. В грядущем веке единство Бога с человеком станет полным во всем содержании Его Бытия, кроме, разумеется, тождества по Сущности. Сия последняя не подлежит сообщению тварям и всегда пребудет непостижимой для всех сотворенных существ: Ангелов и человеков.

Царство Отца – есть онтологическое единство всех спасенных, и как таковое, уже никем и ничем не поколебимое (ср. Евр. 12, 27-28). Вдохновение Свыше в значительной мере зависит от нас: откроем ли мы дверь сердца нашего, чтобы ненасильственно вошел внутрь нас Господь – Дух Святой, Который стоит у двери (сердца нашего) и стучит. Если кто услышит голос Его и otvorит дверь, войдет к нему, и будет вечерять с ним, и он с Богом (ср. Откр. 3, 20). Господь бережет свободу созданных «по образу» Его. И мы должны знать, что приемлемо для Него. Отсюда создается нужда для всех и каждого из нас: не позволять себе таких деяний, не допускать таких внутренних движений духа нашего, которые оскорбляют Дух Божий. Чрез искреннее пребывание в сфере заповедей Христа излечивается наша греховная смерть, и вся жизнь становится пронизанною Нетварным Светом Божественной Вечности.

Когда душа бытийно прикасается сей Вечности, тогда отпадают от нас низменные страсти, – и мы отстраняемся от братоубийственной войны за обладание земными ценностями, – и на нас снисходит «мир Христов», – и мы получаем силу «любить врагов». «Мир Мой даю вам» (Ин. 14, 27). Мир Христов драгоценнее всех богатств, всех услад и радостей земли. Он состоит в несомненном знании живого Бога – Отца нашего. Довольно нам немного пищи, быть под кровлей дома, иметь тело прикрытое от холода и стыда (ср. 1 Тим. 6, 8). Лишь бы ум – наш дух – был свободен погружаться в созерцание Божественного Бытия, открытого нам Христом. Тоска по горнему миру, любовное устремление к нему – является веселием нашим, делает даже болезненную старость царственно великолепною, полную ожидания милосердных «объятий Отчих» (Лк. 15, 20).

Об истощании и богооставленности

«Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство небесное» (Мф. 5, 3). Блаженны потому, что вместе с сознанием нашей нищеты в духе – к нам приходит сила для восхождения к Богу. Вне сего сознания нет движения к Высшему; самодовольство же есть симптом или паралича духовного, или падения. Чрез постоянное поставление самих себя на суд Божиих заповедей обостряется в нас чувство далекости от Бога, углубляется уразумение, что гордость есть корень всех зол. Гордость есть противница Богу; гордость – антипод любви Божией. Чрез нее человечество стало рабом тления. Чтобы возродиться в Боге, в первоизданной красоте духовной, необходимо нам руководиться Евангельским учением. Только крепкая вера, что Христос есть Вседержитель Бог, поможет

Видеть Бога как Он есть. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org нам удержаться «на недвижимом камне заповедей» Его. При этом условии возникает тяжкое борение со всем тем, что стяжали мы в нашем падении. Вера, что Христос есть единственный Спаситель человека, не допустит нам отпасть от Него, когда начнется непредвиденный и недомысленный процесс нашего очищения от греховного «богатства». Апостолы сообщили нам о том, что услышали и познали от Самого Господа; Отцы же нашей Церкви в непревосходимом подвиге сохранили все заповеданное Богом и передавали нам свой бесценный опыт и знание (ср. Мф. 28, 19–20). Благодаря им, Апостолам и Отцам, мы являемся обладателями познания тайны путей спасения. Эти незримые пути повешены! над безднами. Чтобы никакие бури не снесли нас с них и не сбросили нас в темные пропасти, нет, повторяю, иной силы, иного разума, кроме несокрушимой веры во Христа-Бога. «И сия есть победа, победившая мир, вера наша» (1 Ин. 5, 4).

Перейду к посильному описанию сего таинства. Заповеди ставят нас лицом к Лицу Абсолютного Существа. Все наши попытки соблюсти их, заповеди, неизбежно проваливаются. Мы обнаруживаем нашу полную непригодность для сего шествия.

Мы видим в себе такие извороты духа-ума и такие страсти сердца, которые убивают нас. Страх отпадения от Бога, в Которого мы уверовали, велик. Мы непременно приходим в сердечную тугу от нас самих. Все, чем мы считали себя обогащенными в прошлом, мы отбрасываем и становимся обнаженными от всего: от наших земных привязанностей и знаний, и даже воли: так мы обнищаем, «истощаемся». Конечно, наиболее тяжкое испытание для нас в том, что, несмотря на предельное для нас напряжение пребывать верными Богу, мы терпим периоды богооставленности. Нищета духовная, соединяясь с болью богооставленности, погружает нас в отчаяние. Нам мнится, что над нами тяготеет некая страшная клятва. Мы можем страдать во всех планах нашего существа: духом, умом, сердцем, телом. Именно в подобные минуты духу нашему предстает библейское откровение о падении человека в своем подлинном трагизме, и вера в любовь Христа внушает нам предаться возможно полному покаянию. Чем глубже наше покаяние, тем шире раскрываются пред нами и глубины нашего падения, прежде скрытые от нас же самих. Ясно осознавая безнадежность нашего положения, мы начинаем ненавидеть нас такими, как мы есть.

Сей вид истощания, или смирения, не достигается человеческими усилиями – это есть дар Бога-Спасителя: благодать покаяния к прощению грехов (ср. Лк. 24, 47). Мы не понимаем Его действий в нас, но все же Его силу мы сводимся до нуля; а нам жутко: Его нет с нами. Он, наше единственное искание и любовь, скрылся от нас.

Таким образом совершается наше очищение от «проклятого» (ср. Быт. 3, 14–19) наследства; таким путем постепенно проникает в нас уже новая, несозданная энергия: мы причащаемся Божественного Бытия. Тогда приходит Свет Божий и объемлет нас. Дух Истинный, от Отца исходящий и в Сыне почивающий, нисходит в наше сердце как Утешитель: «Блаженны плачущие, ибо они утешатся» (Мф. 5, 4).

Возвращаясь в ничто, мы становимся «материалом», из которого свойственно творить Богу нашему. Он, и никто другой, раскрыл для нас сие таинство. Отдавшись в Его святые руки, испытывая на себе Его творческий процесс, уразумеваем мы, как все, ниспосланное Им, превосходит нас: не видел того наш ум, не приходило нам сие на сердце (ср. 1 Кор. 2, 9). И нет конца удивлению пред Ним. О, как Он знает человека! Только Создавший нас может иметь такое ведение о возможностях нашей природы. Я ищу слов для выражения утерянной людьми тайны. Я умоляю Бога дать мне нужные слова. Прошу случайного читателя: не думай обо мне, ничтожном, но смотри лишь на сущность предмета. Не я выдумал сие учение, но был научен снисхождением Божиим чрез Его избранника. Я не пытаюсь расшифровать сей парадокс: почему сие выпало на мою голову? Но приведенный к подножию великой Тайны, я был поражен ее великолепием. Совершенство Бога-Христа не может быть воспето должным образом.

«Если кто приходит ко Мне и не возненавидит... и самой жизни (души) своей, тот не может быть Моим учеником» (Лк. 14, 26). Появление внутри нас сей святой «ненависти» знаменует собою приближение к созерцанию сего святого таинства. Кому было дано сие страшное благословение, тот начинает познавать «единого истинного Бога, и посланного Им Иисуса Христа» (ср. Ин. 17, 3), и поставляется он на пороге входа в царство непоколебимое. Прекрасное

Видеть Бога как Он есть. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org
описание пути спасения нашего имеем в 12-ой главе послания Апостола Павла к Евреям.

«Что ты имеешь, чего бы не получил? А если получил, то не хвались как бы не получивший» (ср. 1 кор. 4, 7). Господь, дававший мне в мои младенческие годы видеть Его Свет с простотою детского возраста, попустил мне пережить подобное Адамову падению. Но Он не покинул меня до конца: Он дал мне понять, куда я удалялся от Него (ср. Лк. 15, 13–24). Параллельно с тем, Он излил на меня в потоках слез моих благодать сокрушения о содеянном мною. В начальный период я был полным невеждой в учении Святых Отцов-аскетов. Происходившее со мной во всем превышало меня, и я, невежда, рыдал в раскаянии моем, зная, что недостойн прощения. Тоска по Отце была всепоглощающею. Настолько, что когда пожигавшее меня пламя прелагалось в Свет, то я не мог внимать сему дару, и самоосуждение на «тьму кромешную» не покидало меня. Пламя невыносимого стыда испепеляло меня: «я оставил Его за ненужностью для меня: я превзошел Его в моем разумении Первого Бытия». Я молился лежа ниц: я не смел взглянуть на Него. Я ненавидел самого себя.

Человек, взятый в своей отдельности, не располагает возможностью идти в одиночку за Христом: слишком грандиозна картина, раскрывающаяся пред ним. Здравый ум отстранится от самодовольства и взыщет надежных свидетелей: «не напрасно ли он подвизается» (ср. Гал. 2, 2). Свидетели же, естественно, должны избираться среди тех, которые в древности последовали Христу, а также и среди современников своих той же веры. Не пойду я спрашивать буддиста или магометанина: верно ли я разумею заповеди Господни? Так я обратился к чтению преимущественно Нового Завета, к священнослужителям Церкви, к профессорам богословия; к чтению писаний апостольских мужей, великих аскетов, не игнорируя и трудов недавнего прошлого и современников моих. В то время труды последних мало помогали мне непосредственно. Зато знакомство с творениями аскетов действительно соответствовало моим нуждам. В них я находил не только вдохновенное руководство на избранном мною пути, но и многие чудные растолкования внутренних духовных событий, которые были мне уже известны. С одной стороны, я утверждался в познании духовного мира, с другой – входил в сложную брань с моим тщеславием. Обнаруживая в их писаниях сходство с моим опытом, я, бывало, испытывал наплыв удивления, которое подобно болотной тине окутывало сердце мое. Тогда терялось видение Света Небесного – иногда надолго. Я впадал в великую печаль в связи с этим явлением. Положение мое казалось безвыходным: я не могу быть самодовлеющим, но когда я начинал понимать ниспосланное мне десницей Божией, так «шуйца» моя губила все (ср. Мф. 6, 3). «Несчастный я человек! Кто избавит меня от сей смерти?» (ср. Рим. 7, 24). Не раз случалось – молюсь, утопая в слезах сокрушения, и едва где-то рядом, в воздухе еще, появится тщеславный помысл, как я встаю с земли окраденный: нет слез, душа опустошена, тело здорово, жизнь духовная ушла. После многих повторений подобного бедствия, я приходил в страх при малейшем приближении сего врага и удваивал плач покаяния: «Господи, пришли убийцы, спаси меня!» Тогда я понял, почему Отцы не любили похвал: даже совершенные не выходили без некоторого ущерба в любви Божией.

«Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное» (Мф. 5, 3). Эти слова Христа лежат в основе пожизненного подвига, ведущего ко спасению, понимаемому как обожение.

«Молю Тебя, Христе, собезначальное Отцу и Духу Слово Ипостасное, даруй мне ныне слово, могущее хотя бы отчасти изъяснить, каким сокровенным тайнам Ты научаешь нас чрез промыслительное удаление от нас. Ты бо единый учитель и Наставник наш (Мф. 23, 8, 10); Ты – Свет, Ты – Премудрость; Ты же – единственный путь ко Отцу».

Поставленные вплотную пред невыразимым величием Божественной любви, явленной нам воплощенным Логосом Отца, мы, в стремлении нашем следовать по Его стопам, сначала проходим тяжкий опыт обнаружения нашего ничтожества. Горек, а вместе и дивен сей процесс; глубинный смысл его, однако, открывается нам лишь на конце пути.

Во Христе мы встречаемся с Абсолютным Существом; не иначе, как Его силою мы можем преодолеть все, что неспособно воспринять вечность, что противно Его любви. Печально нам на каждом шагу убеждаться в нашем бессилии; тесен наш ум, чтобы уразуметь Его святые повеления. Но в самом страдальческом стремлении к Нему мы начинаем видеть вдохновляющий призыв, исходящий от безначального Божества. Еще не сладостно, но мы возлюбили Его: Он

Видеть Бога как Он есть. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org благолепен, и любовь сия сильнее смерти. Как бы ни было тяжело хранить Его слово, но мы не можем уклониться от стоящей пред нами цели: стать на веки селением Его Света. Так с болезнью всего состава нашего утопаем мы в море слез всецелого покаяния. Мы знаем из опыта, что нет иного способа выбросить из нас унаследованную в падении гадостную страсть гордости. В состоянии этого покаяния мы становимся открытыми для действия в нас Духа Святого; действия могучего, дающего нам предвкушать вечное единение с Богом.

Переход из унаследованного нами от Адама растления в область Невечернего Света Христова – есть событие более важное, чем все иные факты Земли. Признаком приближения к сему великому таинству служит появление в нас святой ненависти к самому себе (ср. Лк. 14, 26). Сказано: ничто нечистое не войдет в Царство Агнца Божия (ср. Откр. 21, 27). Испытаем сурово самих себя и без сожаления осудим себя во ад, как недостойных Бога. Только так мы преодолеем нашу склонность снисходить к нашим немощам: прощать легко наши преступления, особенно если они совершены лишь в мыслях. Игра наша грандиозна; в ставку идет все наше существо; выигрыш – бессмертие во Свете безначальном. «Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилия восхищают его» (Мф. 11, 12).

Учение Христа исходит от «Отца светов» (Иак. 1, 17); ему присуще Божественное совершенство; оно принадлежит иному плану бытия. Никто из людей не может согласовать свою жизнь с Евангелием своею силою. Сколько бы мы ни напрягались, заповедь в своем совершенстве остается недосыгаемой. Возможно, в какие-то моменты нам будет дано приблизиться к сему Огню (ср. Лк. 12, 49), но устоять в нем надолго мы не можем. То же нужно отметить относительно опыта бесстрастия: он может быть дан подвижнику, но не носит характера постоянства и подвержен колебаниям, в зависимости от окружения, от формы служения людям.

В пределах Земли нет абсолютного совершенства, и опасно нам удовлетвориться уже достигнутым. Не верующие в Бога не знают богооставленности. Сие горе переживают лишь те, кто уже познал благодать Бога и всеми силами стремится пребывать в Нем и с Ним. Чем в большей мере вкусил человек радости единения с Богом, тем глубже страдает он при разлуке с Ним. Последний предел, известный нам из Евангелия, – есть Сам Господь: после молитвы с кровавым потом в Гефсимании, в которой Он отдал все Отцу Своему, на кресте Он «возопил громким голосом... Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты меня оставил?... и опять возопив... испустил дух» (ср. Мф. 27, 46-50). При таком полном истощании «человека Христа Иисуса» (1 Тим. 2, 5) – истощание сие преобразилось в столь же завершенное обожение воспринятого Им в акте воплощения нашего естества. И Ему, уже как «человеку», дано Имя, превысшее всякого имени, именуемого не только в сем веке, но и в будущем (ср. Флп. 2, 9; Еф. 1, 21).

Христианину как-то следует приблизиться к этому состоянию, чтобы удостоиться принять соответствующее глубине его личного истощания – спасение. Такова любовь Бога: в вечности ей свойственно никогда не умягчаемое предельное напряжение Бытия, при полном отвлечении от себя. Она смиренна, а Божественному смирению естественно быть открытому для всех, приходящих к Нему (Ин. 6, 37-40). В Царстве Бога-Отца никто эгоистически не затворяется внутрь себя. Святая любовь все желание переносит на возлюбленных. Весь мир, Божий и тварный, объемлет она в смирении. Таким путем все Бытие явится ее содержанием. В этом великолепии любви – ее неисчислимое богатство и невыразимое блаженство.

Нищета же и мрак адский – в самовлюбленном погружении в себя. Крайняя степень гордой замкнутости в себе выражается как ненависть к Богу.

Чрез долгий подвиг самоистощания стяжевается любовь Божия. О ней дается откровение в краткие минуты посещений Свыше. Затем неизбежно последуют дни, годы богооставленности. Страх объемлет душу, покинутую Богом. Мы можем не знать – за что? Мы стоим перед опасностью: она, любовь, что явилась нам во Свете, уходит, скрывается подобно заходящему солнцу... спускается мрачная ночь. Таким образом научаемся мы следовать за Христом, сходящим во ад. Следовать за Ним, «куда бы Он ни пошел» (Откр. 14, 4).

Всякому человеку, подлинно взыскавшему спасения, необходимо пройти чрез опыт богопокинутости. Momentами она может достигать такой силы, что и короткие мгновения кажутся вневременными. Такие крайние состояния ниспосылаются подвижнику не часто, но умеренная степень сего испытания

Видеть Бога как Он есть. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org может сопутствовать нам долгие годы во втором этапе духовной жизни христианина, т.е. когда промыслительно он претерпевает ослабление и даже удаление первой благодати. В этом неизбежном ослаблении есть глубокий смысл: дать человеку проявить свою свободу и верность Богу.

Но как возможно не отчаяться, если ни одна молитва не достигает Всевышнего? Как бы ни был человек утверждён все предшествующие годы живым общением с единственно Сущим, положение покинутости Богом, уже возлюбленным, ставит дух наш в тягостное недоумение: что же было со мною тогда? Неужели Бог, такой, каким я познал Его, может так удаляться, что ни один вопль уязвленной души не трогает Его?.. Подобные мысли смущают и колеблют ум. Окончательный ответ все же может не скоро прийти.

Когда и мой личный опыт дал мне увидеть, что заповеди Христа по самой сущности своей суть проекция Божественной жизни в нашем плане, тогда мне стали понятными слова Господа: «Без Меня не можете делать ничего» (Ин. 15, 5). В трудные времена провала всех моих усилий согласовать мои жизненные проявления с евангельским учением, я, бывало, молился так: «Прииди, и Сам Ты твори во Мне волю Твою: повеления Твои не вмещаются в мое узкое сердце, и мой тесный ум не постигает их содержания... Если же Ты не пожелаешь вселиться внутрь меня, то я неизбежно уйду во мрак... Ты, знаю, не действуешь насильем, но молю Тебя: войди в мой дом властно и всего меня перероди – преложи адскую тьму гордости моей в Твою смиренную любовь; Светом преобрази извращенную природу мою, так, чтобы не осталось во мне ни единой страсти, могущей воспрепятствовать приходу Твоего Отца с Тобою (ср. Ин. 14, 21–23); сотвори из меня обиталище той святой жизни, которую Ты же Сам допустил меня отчасти узреть... Ей, Господи, умоляю Тебя, не лиши меня сего знамения благодати Твоей».

Часто на такую молитву уходили долгие часы.

Позднее верная душа уразумеет свое избрание Благим Отцом именно чрез ниспосланные ей мучительные испытания. Вне сих никто бы не проник в глубины Божьего о нас замысла и не познал бы той любви, о которой говорил Христос. В часы богооставленности узреваем мы, что все, сделанное ранее, – далеко недостаточно для спасения, что блага вечность еще не принадлежит нам. Острое неудовлетворение собою, переживаемое как отвращение от себя, есть первый признак приближения к полноте заповеданной нам Богом любви: преодоление страшного порога обращенности на самого себя. В молитве, порожденной ненавистью к себе, внутри нас раскрывается новое, уже надмирное бытие, и мы созерцаем величие Божие.

Христианское совершенство – сверх-человечно: оно Божественно. Господь явил его нам в Своем воплощении. Никто не ушел отсюда в равной Ему мере (ср. Флп. 3, 12). Некое приближение, однако, бывало дано, скорее немногим (ср. Мф. 7, 14), чрез учение и пример которых и мы вдохновляемся на подвиг стяжания смирения Христова и Его любви. Небесный огонь, пронизывающий жизнь Церкви и Таинства ее, удерживает в веках веру в Евангелие, которое «не есть человеческое... и не от человека, но чрез откровение Иисуса Христа» (Гал. 1, 11, 12).

Многие спасутся, насладятся в океане Христовой любви, но немного таких, которые не без страха, но все же восприняли сие пламя еще в земной плоти. Помню, блаженный Старец Силуан по своему снисхождению ко мне, убогому, однажды сказал, что полноту благодати наше земное естество не может выдержать; в силу этого явление Бога в Его предвечной славе возможно лишь на кратчайший момент; и сие не иначе, как при укреплении тела и психики благодатью Святого Духа... Легче пронести в обнаженных руках горящие угли на, скажем, сто метров, чем удержать сию благодать и остаться живым. (Передаю точно смысл, но моими словами.)

Носители такого познания кладут отпечаток на множества верующих; благодаря им удерживается в веках исторической реальности живое предание духа жизни.

«Знают» Христа лишь те, которые имеют внутреннюю жизнь подобную Его земной жизни. По словам Апостола, в нас должны быть те же чувствования, те же разумения, какие видим во Христе Иисусе, который, будучи Богом по существу, унижил себя, восприняв наш рабский образ, и смирил Себя даже до смерти крестной (ср. Флп. 2, 5–8). Он есть «камень», отвергнутый правителями мира сего, но в действительном бытии лежащий в основании всего существующего. Когда брошенный Им на Землю Огонь касается сердца человека, только тогда он

Видеть Бога как Он есть. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org обретает силу следовать за Ним в Гефсиманию и на Голгофу. Следовать, конечно, духом, в глубоком страдании всего нашего существа. Этого рода познание Господа, «шедшего с небес» на Землю и далее во ад, приводит к частичному предвкушению воскресения.

Шествуют христиане по сему неизъяснимому словом пути в раскрывающиеся пред ними бесконечные дали. Дается им и опытное знание мрачных бездн, и радостное созерцание Света Царствия. Присутствует оно, Царствие сие, повсюду, но вхождение в него зависит только от Бога, ибо само оно не есть нечто «объективно» сущее, но Сам Он, имеющий власть принять нас в Себя или, что то же, вселиться в нас вечным веселием. Тогда мы в Нем, и Он – в нас; и Его Жизнь становится нашей неотъемлемой жизнью.

Та богооставленность, которую было дано Старцу Силуану переживать перед тем, как явился ему Господь, в своей духовной реальности есть «истощание» (кеносис) самого Старца. В той богооставленности, которую он выразил словами: «Бога умолить невозможно», очевиден Промысл Божий, давший Силуану погрузиться в темное отчаяние, – испытать ужасающее душу умирание, – быть сведенным до крайнего умаления в силу отступления от него Бога. Но именно сие снисхождение во ад было приготовлением души для восприятия Христа, явившегося ему с великой силой. Свет Божества озарил его, и благодать Духа Святого преисполнила всего его, включая и тело; нетварная жизнь объяла его, и ниспосланное Свыше «отчаяние – истощание» преложилось в «смирение Христово, которое неопишимо». Посмотрим, как пишет Силуан о своем опыте: «Господь научил меня держать ум во аде и не отчаиваться, и так смиряется душа моя. Но это еще не есть настоящее (т.е. Божественное) смирение, которое неопишимо...»

«Смирение Христово в меньших обитает; они рады, что они меньше. Так мне дал разуметь Господь». «Я пишу об этом потому, что душа моя знает Господа. Только смиренным являет Себя Господь Духом Святым».

«Смирение есть Свет, в котором мы можем узреть Свет Бога».

«Кто познал Бога Духом Святым, тот от Него (Христа – Бога) научился смирению и уподобился своему Учителю, Христу, Сыну Божию (ср. Мф. 11, 29), и на Него (Христа) стал похож»

(Старец Силуан. Слова в скобках – вставлены мною ради ясности смысла).

Никто из земнородных не достигает полноты Христа в мире сем. Христос – изумляющее нас чудо: Бог всемогущий, Он умаляет Себя чрез воплощение во всех последующих за сим страданиях – вплоть до смерти на кресте и схождения во ад. Чудо в том, что в нашей рабской (ср. Флп. 2, 7–8) форме бывания Он явил совершенство истощания Божией любви: «совершилось» (Ин. 19, 30; 17, 4). Никто не может сравниться с Ним, но аналогия должна быть дана, хотя бы некоторым, чтобы «познать Бога Духом Святым».

«Я, Павел, сделался узником Иисуса Христа за вас... Вы слышали о домостроительстве благодати Божией, данной мне... Потому что мне чрез откровение возведена тайна... вы, читая, можете усмотреть мое разумение тайны Христовой... посредством благовествования, которого служителем сделался я по дару благодати Божией, данной мне действием силы Его. Мне, наименьшему из всех святых, дана благодать сия...» (ср. Еф. 3, 1–8).

«Всякою молитвою и прошением молитесь... о всех святых и о мне, дабы мне дано было слово... открыто с дерзновением возвещать тайну благовествования» (ср. Еф. 6, 18–19).

Апостол Павел просил Ефесян молиться о нем, чтобы ему дано было слово с дерзновением возвещать открытую ему «тайну благовествования». Насколько более нуждаюсь я в молитвах всех и каждого, чтобы я смог верно представить один из важнейших аспектов христианской жизни. В моем случае речь идет не о каком-либо исключительном откровении, но все же очень важном, как показал мне опыт духовничества, напоминании об утерянном в массах познании о путях ко спасению. Итак, усердно прошу: молитесь обо мне.

Велик гений блаженного Старца Силуана, к ногам которого допустил меня Промысл Божий. Он говорил и писал о данных ему состояниях простыми словами, понятными, однако, только тем, кто и сам жил в той атмосфере, в какой Силуан. Мне привелось беседовать с некоторыми из выдающихся представителей

Видеть Бога как Он есть. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org академического богословия. Было очевидно, что даже те из них, которые знакомы с творениями святых аскетов древнего Египта и Палестины, живым опытом не познали того, о чем свидетельствовали Отцы. Вот почему я решился хотя бы отчасти раскрыть особый характер того мира, в котором пребывал дух Старца; как-то указать на ту реальность, которая заключена в его «простых» словах, например: «Я стал делать так, как научил меня Господь; и мой ум очистился, и Дух свидетельствовал душе спасение». Что же суть «чистый ум» и «свидетельство Духа»?

Дерзновение на сей труд я черпаю из того, что его, Старца, молитвами и я был поставлен в ту же духовную перспективу. Да, я не познал в полноте той меры благословения, которую излил Господь на него; но мне, последнему из человеков, все же дано было жить приближение к тому же опыту. В силу сближения моих состояний, в некоторые моменты моей жизни, с тем, что испытывал Старец, я осмеливаюсь на беседу о сем высоком предмете. При этом неизбежно коснемся мы глубоких догматических проблем.

«Бога умолить невозможно», – подумал Старец. Напал на него дух отчаяния: ему казалось, что Бог отринул его вконец, и что уже нет ему спасения, но ясно виделась в душе вечная гибель (см. Старец Силуан). «Дух этот такой тяжелый и томительный, что страшно о нем и вспоминать. Душа не в силах понести его долго... я пошел в церковь... и, глядя на икону Спасителя, сказал: Господи Иисусе Христе, помилуй мя грешного. С этими словами я увидел на месте иконы живого Господа, и благодать Духа Святого наполнила душу мою и все тело. И так Духом Святым я познал, что Иисус Христос есть Бог. И сладко желал страданий за Христа».

Самый факт явления Господа живого Силуану вскоре после постигшего его испытания говорит о том, что в тот час состояние Старца было не так уж далеко от состояния Христа на Голгофе: «Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?» (Мф. 27, 46). Мы знаем, что созерцающий что-либо Божественное должен и сам быть в состоянии, аналогичном созерцаемому.

Христос после Своего возгласения предал Свой Дух в руки Отца. А что происходило с Силуаном?.. В смертельной печали идет он в храм, и едва произносит молитву: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя», увидел Его живого; и все его существо исполнилось огнем благодати Святого Духа до предела его сил. От видения он пришел в изнеможение, и Господь скрылся. Но Духом Божиим Силуан был возведен на небо, где услышал неизреченные глаголы.

Позднее Старец утверждал, что когда Господь Сам в великом Свете является душе, то душа не может не узнать в Нем своего Творца и Бога: «Господь мой и Бог мой!» – сказал Апостол Фома воскресшему Христу Иисусу (Ин. 20, 28). И Савл-Павел на пути в Дамаск в том же Свете узнал Христа Бога. Странна и исключительно своеобразна жизнь христианина: богооставленность и мрак вечной гибели сплетаются воедино с явлением Бога во Свете нетварном. Подобно тому, как при благодатной смертной памяти вечность сначала предстает под знаком минуса, т.е. как всеобщее угасание бытия, но затем предлагается в восприятие Света воскресения.

Господь Иисус вопрошал Отца: «вскую оставил Мя еси?» Мы ясно сознаем, что в плане Божества онтологически сего не могло произойти, т.е. чтобы Отец отступил от совечного и единосущного Сына Своего, в Которого излил всю полноту Своего извечного Бытия. Как же понять, что собственно совершалось с «человеком Христом Иисусом»? (1 Тим. 2, 5). Из опыта Силуана, как и всех других великих подвижников благочестия в истекших веках, мы отмечаем совпадение состояния тягостной богооставленности с предельным напряжением соблюдать заповеди Божии (Ин. 5, 30; 10, 18; 14, 31; 15, 10; 18, 11). Мы констатируем сие явление, но никак не можем дать объяснения сему, особенно когда речь идет о Боге-человеке Христе. По существу в этих нечастых случаях промыслительной богооставленности нужно увидеть безмерное величие дара Божия. Вне сего опыта трудно понять обетованное обожение павшего человека.

Событие, о котором идет Настоящее слово, есть «истощание» Божией любви. Христос Иисус «во образе Божий сый»: по существу Своему Сушью Бог; или как выразился Апостол Павел: «имеющий образ Божеского Бытия», Сам Себя умалил: смирил Себя в акте послушания Отцу до полного отказа от Своей человеческой воли даже до крестной смерти: «Душа моя скорбит смертельно... и, отошед немного, пал на лице Свое, молился и говорил: „Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия; однако не как я хочу, но как Ты...“ И был пот Его, как капли крови, падающие на землю (ср. Мф. 26, 38–44; Лк. 22, 44)... Еще

Видеть Бога как Он есть. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org отошел в другой раз, молился, говоря: Отче Мой! если не может чаша сия миновать Меня, чтобы Мне не пить ее; да будет воля Твоя... и в третий раз сказал то же слово» (ср. Мф. 26, 38–44). И именно за сие «Бог превознес Его и дал Ему имя выше всякого имени» (ср. Флп. 2, 6–9).

Превознесен Христос-Человек, никем не достигнутый в акте Своего истощания: пойти на позорную казнь, предназначенную для злодеев; висеть на кресте обнаженным пред Своею Матерью, пред женами, служившими Ему; быть покинутым учениками; видеть полный провал Своей проповеди... И кто изочтет все, что нес Он в те дни внутри Себя?

Итак, этого рода богооставленность есть другой полюс Любви Божией. Она, сия любовь заповедана нам Христом в таких страшных словах: «если кто приходит ко Мне и не возненавидит (все, что ему дорого), а при том и самой души своей, тот не может быть Моим учеником» (ср. Лк. 14, 26, 33).

Редко кому за всю историю Церкви давалось переживать промыслительную богооставленность в такой мере, в какой сподобился Силуан, раб Бога Всевышнего. Когда великий Свет осиял его в видении Христа, тогда казавшаяся смертельной болью богопокинутость преложилась в «Христово смирение, которое неопишимо»; которое есть онтологический аспект безначальной любви Бога Троицы. Бог, абсолютный в Своем неисчислимом могуществе, непостижимым образом абсолютен и в Своем «истощании – смирении».

Всякий, горячо возлюбивший Иисуса Христа, Бога – Творца нашего, и Бога Спасителя, непременно живет два состояния, кажущиеся противоположными: схождение во ад и вознесение на небеса. Святой Павел так говорит об этом: «Мне, наименьшему из всех, дано благовествовать... неисследимое благовествование Христово и открыть всем, в чем состоит домостроительство тайны, сокрывавшейся от вечности в Боге, создавшем все Иисусом Христом, дабы ныне соделалась известною чрез Церковь начальствам и властям на небесах многоразличная премудрость Божия, по предвечному определению, которое Он исполнил во Христе Иисусе, Господе нашем, в котором мы имеем дерзновение и надежный доступ чрез веру в Него. Посему прошу вас не унывать при моих ради вас скорбях, которые суть ваша слава. Для сего преклоняю колена мои пред Отцом Господа нашего Иисуса Христа, от которого именуется всякое отечество на небесах и на земле, да даст вам, по богатству славы Своей, крепко утвердиться Духом Его во внутреннем человеке, верою вселиться Христу в сердца ваши; чтобы вы, укорененные и утвержденные в любви, могли постигнуть со всеми святыми, что широта и долготы, и глубина и высота, и уразуметь превосходящую разумение любовь Христову, дабы вам исполниться всею полнотою Божиею» (ср. Еф. 3, 8–19).

Диапазон христианской жизни идет безмерно дальше обычного слуха людского. «Дальше» – и вниз, и вверх. К сожалению, весьма многие не чувствуют чудных волн божественного гимна, идущих к нам из неисследимых глубин Бытия. Для верующего в Божество Христа, и в силу сей веры строящего свою жизнь на камне слова учения Его (ср. Мф. 7, 24–27), открываются сокровенные бездны, неосязаемые для не принявших Христа как Истинного Бога, как всесвятого и абсолютного Авторитета (ср. Мф. 23, 8). Авторитета (не насилия, а) Истины Безначального факта и Совершенной Любви.

Блаженный Старец различал два рода смирения: аскетическое и Божественное. Незадолго до его кончины, на мой вопрос: «Старец, Вы хотите умереть?» – он ответил: «Я еще не смирился». У меня нет сомнений, что он имел в виду неопишемое Христово (Божественное) смирение, которого он никогда не мог забыть. Вспоминая сие, он так писал: «Блаженна душа, которая хранит чистоту душевную и телесную: любит ее Господь и дает ей благодать Святого Духа; и благодать сия связывает душу так любить Бога, что от сладости Духа Святого не может она оторваться от Бога и ненасытно стремится к Нему, ибо в любви Божией нет конца. Хотя я знаю человека (это он сам), которого посетил Милостивый Господь Своею благодатью, и если бы спросил его Господь: „Хочешь ли, Я дам тебе больше благодати?“, то душа, немощная в теле, сказала бы: „Господи, Ты видишь, что если еще больше, то я не вынесу и умру“» (см. Старец Силуан). Пребывающим еще в теле, крайние напряжения даются весьма редким подвижникам – и сие лишь на мгновение, в котором, однако, открывается вечность, не имеющая протяжения.

Беспомощно слово мое. Вижу, что не только «смирение Христово», как совершенство любви Божественной, неопишимо, но для меня и многие другие стороны жизни сей также невыразимы. Нам заповедано именно Божественное

Видеть Бога как Он есть. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org совершенство, которого мы не достигаем, – но самое желание которого дает нам ощущать всем существом, что к нам прикасается Абсолютное Божество. Оно влечет душу к Себе, и душа страдает, что не в силах вместить сей жизни, – и так, распятая, проводит свои годы на земле. И не может сойти с этого нематериального креста, потому что всякий раз, когда хотя бы отчасти «сходит», умалется в ней поток подлинной вечности (ср. Мф. 27, 40).

Христианство, можно сказать, не есть некая философская доктрина, а именно жизнь. Жизнь и любовь «до конца»: до ненависти к себе. Сия есть великая тайна благочестия (1 Тим. 3, 16), «возвещенная нам чрез откровение» (ср. Еф. 3, 3) во Христе, предложенная в слове Его, явленная примером «осязаемого» Христа (1 Ин. 1, 1), и все же пребывающая непроницаемой, неприкосновенной, «неописуемой».

Старец Силуан многообразно выражал все ту же идею: Бог и все небесное познается не иначе, как Духом Святым. И это по дару сего Святого Духа, от Отца исходящего, что мы в Церкви нашей бытийно, живым опытом познаем «истощание» Сына Отчего в акте Воплощения, в Пустыне, в Гефсиманской молитве и на Голгофе. Он, Дух Святой, показывает предстоящее и нам истощание в нашей смерти.

По вере в Господа и Бога нашего Иисуса Христа сие становится доступным нам в какой-то мере, но можем ли мы идти далее сего?.. Мы научены в Церкви жить рождение Сына в Троице Святой, как истощание Отца, отдающего всего Себя, во всей полноте Своего безначального Бытия – Сыну. И так Сын равен Отцу в абсолютной полноте Божеского Бытия. Затем мы видим обратное движение: Сын в такой же совершенной полноте самоистощающейся любви предает Себя Отцу и в Божестве, и в человечестве Своем.

Позволительно ли человеку дерзнуть и, перешагнув меру живого опыта, в своем умном созерцании уразуметь соучастие Отца и Духа Святого в крестной смерти Сына? Сын, которым вся быша (ср. Ин. 1, 3), Творец человека; Он воплощается; Он воспринимает в Свою Божескую Ипостась наш «рабский» (ср. Флп. 2, 7) образ бывания, а следования и страдания человечества после падения. В предвечном Совете Троицы такой путь искупления падшего человека был предreshен. Не есть ли это самоистощание Отца, Который «так возлюбил мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную» (Ин. 3, 16) в недрах Божества? И Дух Святой, от Отца исходящий, живет тою же любовью, которая и во Отце. Итак, вечно соучаствуют Отец и Дух в «деле» (Ин. 19, 30; Евр. 2, 18). Так мы живем в надежде, что в наш смертный час Он будет с нами, если мы были с Ним в подвиге нашем.

О любви до ненависти к себе

Иисус Христос – Бог безначальный, дал нам заповеди, которые обладают свойством раскрыть ум и сердце человека до беспредельности. Вначале, однако, верующий в не-преходящее значение Евангельского слова (Мф. 24, 35) вводится во внутреннюю область души непрерывным поставлением себя на суд Божий: «Отвергающий Меня и не принимающий слов Моих имеет судьбу себе: слово, которое я говорил, оно будет судить его в последний день. Ибо я говорил не от себя (как человек); но пославший Меня Отец, Он дал Мне заповедь, что сказать и что говорить. И я знаю, что заповедь Его есть жизнь вечная» (Ин. 12, 48–50). Естественным следствием благоговейного стремления сохранить заповеди будет ясное осознание себя бессильным. Но чрез трудный подвиг пребыть в духе слова Господня ум человека постигает, что заветы Христа, по своей духовной сущности, суть нетварный Свет Божества. Ни одно наше действие не достигает совершенства, требуемого Всесвятым Богом.

Сшедший с небес Свет Евангельского учения просвещает наше внутреннее зрение и утончает сердечную восприимчивость; в силу чего то, что раньше было неуловимым для нас, уже не может скрыться: каждое движение сердца или мысли быстро улавливается, и мы видим себя – каковы мы. Чем напряженнее трепет наш окажется недостойными Бога, тем «обнаженнее» становится весь наш внутренний мир и для нас самих и, конечно, пред Лицом Бога: «Нет твари, сокровенной от него, но все обнажено и открыто пред очами Его» (Евр. 4, 13). Бодрствование ума и трезвение сердца приводят к тому, что многим неопытным может казаться невероятным или преувеличением, а именно: христианин обнаруживает в себе и явно, и скрытно присутствующим внутри всякое зло, по крайней мере как возможность (его проявления), и видит он себя воистину худшим всех и всего.

До явления нам Божественного Света мы живем как слепые. Вне сего Света мы не познаем греха; без него не раскрывается пред нами падение Человека в своих подлинных измерениях. Лишь Дух Святой Своим наитием делает нас способными сначала видеть трагизм нашего собственного положения и чрез нас – затем переживать великую драму всей мировой истории человечества. Последствия падения – недуг, неизлечимый от земных врачей. Сообразовать наши сердечные чувствования с духом заповедей Христа мы не можем. Отсюда болезненный подвиг борьбы с убивающим нас «законом греха» (Рим. 7, 23–25).

Драгоценен сей период жизни при всей его мучительности; со всех сторон охвачены мы пламенем страстей, принимающих форму «огненных искушений» (1 Пет. 4, 12). Но на помощь нам приходит благодать, которая вначале не видится как Свет, но ощущается как небесный огонь, пожирающий в нас корни греха.

Сколько раз душа моя, как маленькое беспомощное существо, повисала над пропастью в великом страхе: я не стремился к бесконечному продлению этой жизни. Мой ужас был в том, что после того, как Бог снизошел до меня, я увидел, какими язвами весь я поражен. Я осознал себя до конца неспособным к Царству Святого Бога. Я не в силах описывать ту скорбь, которая погружала меня в длительный глубинный плач. Безумный, я все же знал, что я в руках моего Создателя, о которых сказано: «Страшно впасть в руки Бога Живого» (Евр. 10, 31). Мне бывало тяжело до невыносимости, и я не раз пытался вырваться из Его святых рук (ср. Ин. 10, 28), но все попытки проваливались, потому что мне некуда было уйти: ничто в мире не влекло меня, не могло удовлетворить мой дух.

Господь сказал: «... не бойтесь убивающих тело, но... бойтесь того, кто, по убиению, может ввергнуть в геенну: ей, говорю вам, того бойтесь» (Лк. 12, 4–5). Господь, предавший себя на крестную смерть, не говорил праздных, ничего не значащих слов. И я никак не хотел умалять их категорического характера. И страх, животворящий – не отступал от меня. Больше того, совершалось нечто странное: как только он, страх, ослаблялся, я внутренно ощущал отступление от себя живой силы: молитва снижалась, ум рассеивался, чувство божественного уходило в туман: я умирал духом. Лишь много позднее я понял, что Дух Божий воспитывал меня, и моя мука обратилась в неисчислимую пользу: трепет пред гибелью вечной и покаянный плач – таинственным образом всего меня превращали в «молитву». Дух мой свободно, без волевых усилий восходил в состояние созерцания прежде недоведомых реальностей: беспредельной пропасти бытия, мрачных селений ада, но и озаренного нетварным Светом Неба.

Да будет благословенно Имя Его во веки веков.

Не ждите от меня должным образом сконструированного описания жизни души моей в долгие годы моего прошлого. Нисходила она, душа, иногда в низины ада, моментами же Господь возносил ее до небес. Стояла она по временам на той неопределимой грани, откуда созерцала и Свет Божества, и «тьму кромешную», наводящую ужас на душу; особый, не похожий на страх пред физической смертью. О, нет, это есть нечто качественно иное. Пред духом моим открывалась благая вечность, еще далеко не достигнутая, а также и вневременная тьма, дававшая знать о себе своим присутствием внутри. Я бывал в разрыве: не свободный от тирании страстей, я страдал, и в жажде непреложного блага стремился к Богу. Покаянная молитва всецело поглощала меня. Невесомая, невидимая сила переносила меня в умно-духовное пространство. «Там» я бывал один: исчезала земля; не было ни солнца, ни звезд, ни людей, ни иной какой-либо твари; и тела моего я не ощущал. Бывало: света как такового я не видел, и, однако, взор мой проникал в абиссальные глубины. Душа в болезненном отчаянии взывала к Богу. Да, я грешный, но жажду Бога, Святого Бога. В памяти у меня не было конкретных актов из моего прошлого, кроме пронизывающего знания моего отступления от Бога, которого я знал в годы моего детства и начальной юности. Он уклонился от меня после того, как я отошел от Него в безумных поисках иного, якобы высшего, сверх-персонального Абсолюта.

Такая молитва с особою силою захватила меня, когда я был уже в пустыне. Не смогу теперь сказать, насколько долгими бывали мои моления в ту или иную ночь. Помню, когда душа возвращалась к обычному вещественному мироощущению, то испытанное мною духовное чувство от молитвы в той беззвучной, вышеобразной бездонности оставалось со мною, во мне. В той беспредельности

Видеть Бога как Он есть. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org – нет ни верха, ни низа, – ни вперед, ни назад, – ни вправо, ни влево. И все же наступал момент, когда я начинал двигаться, как мне казалось; и это движение я ощущал как падение; и глухой крик вырывался из груди: Господи, спаси... Ты единый можешь беструдно достигнуть меня во всякой бездне... И Он спасал.

Но почему «падение»? Не потому ли, что мой ум не мог более стоять в Вечном? Ибо после этого кончалось видение.

Условия пустыни благоприятствовали такой молитве, потому что на мне не лежала забота в материальном плане ни о ком: я был один. Но это не значит, что она, молитва, по существу своему зависит от нашего внешнего положения: она есть дар Божий, связанный с другим даром – покаянием (ср. Лк. 24, 46, 47). Начатки такой молитвы я имел и прежде, чем поселился на Афоне; имел ее и в монастыре, но меньшей интенсивности и частоты. Она выводит человека из рамок времени. В самом состоянии молитвы он не знает себя в категориях Земли: он вне всяких иерархий – социальных и даже церковных. Он не мыслит ни о чем другом, как только о Боге, и предстоит Ему один Единому.

В одиночестве моей пещеры я получил исключительную привилегию отдаваться целиком такой беззаботной молитве. Она владела мною месяцами. Пресекалась в дневные часы житейскими делами, но когда кончался трудовой день и начиналась безмолвная ночь в пещере, та молитва снова обнимала меня: опять все выпадало из памяти, оставалось лишь сознание невещественного, но страшного греха, порождавшее во мне сожаление, стыд, отталкивание и даже ненависть к самому себе. И снова все утопало в плаче покаяния, и дух мой входил в неизменную беспредельность.

Я всегда был весьма медлительным, чтобы понять положение вещей, разобраться ясно в происходящем внутри меня. Долгие сроки я проводил без мыслей. Последние приходили при беседах, но не тогда, когда я бывал один перед Богом. Я не богословствовал, не возвращался критически на самого себя. Я не цеплялся за посещавшие меня состояния, хотя и пребывал в безвидной умной сфере. Назвать ли это безумием? Но когда сие безумство отошло от меня, тогда только я уразумел понесенную мною невознаградимую потерю в моем духовном бытии. Тогда, через ту молитву, открылся мне отчасти смысл слов Христа: «Если кто приходит ко Мне и не возненавидит... и самой души своей, тот не может быть Моим учеником» (Лк.14, 26).

Милость Бога ко мне выразилась в том, что Он даровал мне мощный порыв покаянного страдания, которое увлекало меня в ненасытимую молитву, – такую, что душа все забывала, ни о чем не помнила, но неудержимо тянулась к Богу невидимому, но любимому, недоведомому, но знакомому, недостижимому, но близкому. Не найду я слов для описания дарованного мне Господом богатства.

Попытаюсь дать краткий список тех мыслей, которые приходили мне на сердце в скорбные часы воспоминаний об утерянной мною молитве. Нормальным следствием хранения заповедей Господних является крайнее умаление наше, т.е. истощание; без искреннего осознания, что мы воистину исчадия ада в нашем падении, мы никогда не достигнем полноты покаяния; через тотальное покаяние вырываемся мы из мертвых объятий эгоистического индивидуума и вводимся в созерцание божественной универсальности Христа, «возлюбившего нас до конца» (ср. Ин. 13, 1). Когда мы ненавидим самих себя за живущее в нас зло, тогда раскрываются для нас беспредельные горизонты заповеданной нам любви: вне Христа мы никогда не обьемем всего мира в животворном пламени Свыше сходящей благодати; не узреваем мы онтологических измерений второй заповеди: «возлюби ближнего своего, как самого себя» (ср. Мф. 22, 37–40). Блаженному Старцу Силуану была дана молитва за весь мир, как за самого себя. Да даст Господь всем и каждому узреть Свет такой молитвы, ибо чрез нее восстанавливается первозданный образ человека. Кто не приблизился к граням этих состояний, тот пусть не без страха и не без стыда дерзает называть себя христианином, сознавая до боли недостойность на сие звание. «Если кто хочет идти за Мною», – тот да отвергнет все свои прежние восприятия и понятия, и взяв крест свой, говорит Господь, да последует «за Мною...»; «если кто приходит ко Мне и не возненавидит... и самой жизни своей, тот не может быть Моим учеником... тот недостойн Меня» (ср. Мф. 16, 24; 10, 37–38; Лк. 14; 26, 33).

Пугает меня мысль: где, в чем моя неправда пред Богом, которая преградила мне путь к той полноте, что излилась на главу Старца Силуана? Память о моем прошлом блуждании связана с острым чувством моего недостойнства вообще

Видеть Бога как Он есть. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org предстать пред таким Богом. И если я в некоторые моменты моей жизни приближался к тем рубежам покаяния – когда освящается весь человек, то это было возможным не иначе, как за его, Старца, молитвы. Я не достиг его меры, но все же я знаю, что пишу о том, что истинно.

«Бог есть любовь»; Он есть «свет, и нет в Нем никакой тьмы» (1 Ин. 4, 8; 1, 5). Любовь Христова по природе своей есть животворящий Огонь, брошенный с небес на Землю пришествием Сына Божия (Лк. 12, 49). Любовь сия есть нетварная жизнь самого Бога. В пределах нашего земного существования, она пожигает в нас все чуждое ей, и вместе наполняет нас энергией иного бытия, дотоле недомысленного. Необходимо, чтобы нас осенила сила Свыше, удостаивая нас познать сию Любовь бытийно. Без сего опыта никто из людей не в силах понять кажущиеся парадоксальными заповеди Евангелия: «Если кто приходит ко Мне и не возненавидит отца своего, и матери, и жены, и детей, и братьев... а притом и самой жизни своей (по-славянски и по-гречески: „еще же и душу свою“), тот не может быть Моим учеником» (Лк. 14, 26).

Бог наш есть «огонь поядающий» (Евр. 12, 29). Любовь Божия есть ядро предвечного Бытия; в ней, Любви, находят свое наивысшее выражение все прочие атрибуты Божества: Премудрость, Царство, Сила, Свет. В ней красота извечного непоколебимого Царства. Любовь Христова есть откровение Тайны и Отчей любви.

Любовь Христова, обретши сердце, готовое принять ее пламя, вселяется в него. Но сие исключительное благословение в сем мире не дает покоя своему служителю, доколе не совершит своего дела (ср. Ин. 17, 4). Слово о молитве, порождаемое сей Любовью, ужасает сердца.

Болезнен путь, ведущий к стяжанию святой Любви. Не потому ли многие отпадают от христианства?... уклоняются от крестного пути на иные дороги? Но нет иного пути, как нет иного Бога (ср. Ин. 14, 6).

«Дух бодр, плоть же немощна» (Мф. 26, 41). К земнородному сердцу в избранные часы может прикоснуться несозданный Свет любви Христовой. В ней – вечность Божия; в ней единственная и последняя цель нашего подвига.

Ни ум наш в своем падении, ни сердце – без воздействия Любви, от Отца исходящей, не могут последовать за Христом на Голгофу. Глубокий плач всего нашего существа от ее, любви, палящего присутствия внутри нас при молитве за мир может достигнуть силы, превышающей нашу выносливость. Тогда исходит дух наш в вечность Божию, и молитва пресекается. Так болезненно предваряется блаженный к Богу исход духа нашего. По возвращении же своем душа испытывает сладкий покой и тот мир, о котором Апостол Павел сказал, что он превосходит всякий ум (Флп. 4, 7).

Не без некоторой тонкой печали возвращается сознание к обычному образу жизнеощущения. Скоро видит душа ту же действительность, что и ранее, и снова принимает многие раны. В своем следовании Христу всю силою существа – дух человека ощущает сей видимый мир подобно тесной камере тюрьмы: всякое благое движение его, духа, натывается на дикое сопротивление темных сил.

«Бог наш есть любовь... Он есть огонь поядающий». Совсем не легко приближаться к сему Огню. Далеко не безопасно для говорящего о сем святом Огне распространяться. Страх сжимает душу оказаться по исходе своем недостойным сего.

Многие годы, особенно на Святой Горе, в пустыне как и в монастыре, мой ум в стремлении к Богу отрешался от прошлого. «Отрешался» не чрез аскетическое напряжение, а увлекаемый молитвою покаяния. Но с того времени, как я был поставлен духовником, иногда приходилось «вспоминать» пережитое. Теперь же, занятый написанием моей «исповеди» и вместе духовной автобиографии, я не без благодарности отмечаю, что многие моменты прикосновений Перста Божия неизгладимо отпечатлелись на теле моей жизни. «Пишет» Дух Бога Живаго не на скрижалях каменных, но на плотных скрижалях сердца (ср. 1 Кор. 3, 3). Написанное Богом стало содержанием моего Бытия.

Что, собственно, хочу сказать я всем этим? А то, что чрез данное мне покаяние – даже до ненависти к себе – я нежданно для себя испытывал чудный мир, и Свет нетварный окружал меня, проникал внутрь, делал и меня подобным ему светом, давал мне жить Царство Бога Любви. Царство, которому «не будет конца» (ср. Мф. 18, 10–14).

Мы видим, что и Сам Он живет согласно с данными нам заповедями. В заповедях Евангелия заключено Божие Само-откровение. Чем глубже входим мы в их дух, тем конкретнее становится наше Богосозерцание. И когда эти заповеди, по Его благоволению, станут единственным принципом всего нашего бытия – и временного, и вечного, тогда и мы станем подобными Ему, потому что увидим Его, «как Он есть» (1 Ин. 3, 2).

Бог есть Любовь.

О нетварном свете I

В основе христианской жизни лежит факт воплощения Бога. В нашей плоти, Им сотворенной, Он явил нам Свое изначальное совершенство. Благодаря сему, мы обладаем критерием – насколько мы удалены от Него или приближаемся к Его надмирному Бытию. Уподобляясь Ему во внутренних движениях нашего сердца, в образе нашего мышления, в реакциях наших на все, случающееся с нами в плане Земли, мы тем самым становимся подобными Ему и в Его Божестве. Он достаточно ярко описан в Евангелии, и опыт жизни в Нем представлен в посланиях Апостолов. Заповеди Его суть Нетварный Свет, в котором Он особенно открывается нам, «как Он есть» (1 Ин. 3, 2). «Я Свет миру; кто последует за Мною, тот не будет ходить во тьме, но будет иметь свет жизни» (Ин. 8, 12).

Дивны воздействия сего Света на нас: мы стоим в крайнем изумлении пред непостижимым чудом явления нашего в сей мир. Акт творения всего существующего – влекущая нас к Нему тайна. Но прежде озарения Свыше, пребывая во тьме неведения, мы с тягостным недоумением проходим болезненный путь нашего становления в Бытии: почему для создания сынов Божиих из «ничто» понадобился сей сложный процесс: рождение духа нашего в теле, составленном из земных элементов? Как возможно сочетать дух, подобие Абсолюта, и землю? Духу нашему тесно в этих тисках: он бессмертен по своей природе, тело же наше подвержено распаду и умиранию. Отсюда напряженная борьба: дух стремится к Богу; он хочет и тело свое видеть нетленным, способным следовать его, духа, восходу; тело же тянет вниз, к земле, из которого оно взято, и передает духу свою смертность.

Ничего не понимая в самом себе, изнемогая от непрестающих конфликтов и неразрешимых противоречий, я делал попытки поставить себя в положение Творца, и размышлял: как бы я сотворил мир? Заклучив себя в темноте и тишине, я сосредотачивал свою мысль на этом задании. Исходя из уже данного мне опыта бытия, держа в уме испытанные мною трудности, я от некоторых деталей быстротекущей повседневности переходил ко все расширяющимся горизонтам космического бытия. И что же случилось? Вместо того, чтобы внести поправки в «нескладно» сотворенное Богом, я скоро пришел в удивление пред тем Умом, который с таким знанием создал и Небо и Землю. И неприятно, и вместе радостно было обнаружить свою беспомощность. И мой младенческий ум улыбнулся Отцу, как улыбается дитя из колыбели матери своей. И восторг от неисследимой премудрости Бога залил мою душу. Где-то вдали, в бездонности неба сиявший бледно Свет вызвал молитву славословия и породил во мне жажду приобщиться ко всему миротворческому Делу Творца. Когда я, бывало, писал пейзажи под открытым небом, некоторые люди тихо подходили сзади и подолгу молча следили за моей работой. Так я желал бы встать недалеко от Вседержителя и наслаждаться созерцанием Его творческого вдохновения.

На такие опыты решаешься в те времена, когда смерть смотрит тебе в лицо или грозит унести других людей, дорогих тебе. Дерзания мои были наивными, но смешанными с недовольством Богом. В Библии я нашел слова, которые выражали близко мои переживания. «Господь отвечал из бури и сказал: кто сей, омрачающий Провидение словами без смысла? Препояшь ныне чресла твои, как муж: Я буду спрашивать тебя, и ты объясняй Мне: где был ты, когда я полагал основания земли?.. Кто положил меру ей?.. На чем утверждены основания ее, или кто положил краеугольный камень ее, при общем ликовании утренних звезд, когда все сыны Божии восклицали от радости? (По переводу 70-ти: „Когда сотворены были звезды, восхвалили Меня великим гласом все ангелы Мои“)... Нисходил ли ты в глубины моря и входил ли в исследования бездны? Отворялись ли для тебя врата смерти...? Где путь к жилищу света, и где место тьмы?.. Кто вложил мудрость в сердце, или кто дал смысл разуму?.. И продолжал Господь и сказал: будет ли состязающийся со Вседержителем еще учить? Обличающий Бога пусть отвечает Ему... И отвечал Иов Господу и сказал: знаю, что ты все можешь... Так, я говорил о том, чего не разумел, о делах чудных

Видеть Бога как Он есть. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org для меня, которых я не знал... (Раньше) я слышал о Тебе слухом уха; теперь же мои глаза видят Тебя: поэтому я отрекаюсь от безумия моего и раскаиваюсь в прахе и пепле» (Иов, из глав 38–41).

Исследуя самих себя чрез делание – жизнь по заповедям Господним, мы увидим себя до конца растленными и неспособными к добру. В ужасе от самих себя, мы каемся пред Богом и умалняем Его исцелить нас от поразившей нас смерти. Мы становимся готовыми разорвать узкое кольцо нашей индивидуальной воли и во всем предаться на Его волю, святую и совершенную. О, труден сей подвиг, особенно в начале, но в нем дана нам возможность включиться в поток Его вечности. Уповая на Бога в минуты опасности, сосредотачивая наш дух на Нем, и мы сможем принять прикосновение к нам Его бессмертного дыхания. Приходит сей великий дар чрез смиренное, но огненное покаяние. Странное чудо: чем больше я вижу Бога, тем пламеннее становится мое покаяние, так как я яснее сознаю свое пред Ним недостойнство. И это чудо неизменно повторяется из века в век. Вот пример из Ветхого Завета: «Видел я Господа, сидящего на Престоле высоком... вокруг Него стояли Серафимы... взывающие друг ко другу: свят, свят, свят Господь Саваоф! вся земля полна славы Его... И сказал я: горе мне! погиб я! ибо я человек с нечистыми устами... и глаза мои видели Царя, Господа Саваофа. И тогда прилетел ко мне один из Серафимов, и в руке у него горящий уголь, который он взял клещами с жертвенника, и коснулся уст моих, и сказал: вот, это коснулось уст твоих, и беззаконие твое удалено от тебя, и грех твой очищен» (Ис. 6, 1 и далее).

Из Нового Завета замечателен пример Апостола Павла. Он ощутил свой грех лишь после того, как на пути в Дамаск предстал ему Господь в великом Свете Своего Божества, и удалился в пустыню (ср. Гал. 1, 17), чтобы принести покаяние пред Тем, Кого он, Павел, гнал. Жутким было его прошлое. До встречи со Христом Павел мог думать, что, подобно Пророку Илии, и он так же ревнует о Господе, Боге Саваофе (ср. 3 Царств 19, 10; Ин. 16, 2).

И вдруг: то, что раньше он переживал как свет и правду Божии, предстало его духовному взору, как мрак и вражда против Бога (ср. Иак. 4, 4; Лк. 11, 35). И с великой болью он осознал себя грешником, большим всех других: «Христос Иисус пришел спасти грешников, из которых я первый» (1 Тим. 1, 15); «Христос умер за грехи наши... был погребен... в третий день воскрес по Писанию... явился Кифе, потом двенадцати, потом... более нежели пятистам... а после всех явился и мне, как некоему извергу, ибо я наименьший из Апостолов, и недостойн называться Апостолом, потому что гнал Церковь Божию» (1 Кор. 15, 3–9). «Благодарю давшего мне силу, Христа Иисуса, Господа нашего, что Он признал меня верным, определив на служение меня, который прежде был хулитель и гонитель и обидчик, но помилован...» (1 Тим. 1, 12–13). И Петр после своего отречения, «вышед вон, плакал горько» (Мф. 26, 75). И никто из человеков не был без греха, кроме Пресвятой Девы Марии.

Многим может показаться непонятным, даже парадоксальным то устройство души, которое встречается у людей, познавших явление Божие в силе. Они действительно сознают себя достойными ада, но Господь для них бывает во веки благословенным. Видение бесконечной святости смиренного Бога, с одной стороны, и чувство живущей в нас тьмы, с другой – приводит человека в такое состояние, что все существо его сжимается в неудержимом, болезненном порыве к Святому Богу. Сильно при этом отвращение к себе; и глубинный плач объемлет душу. Боль сия – духовная, метафизическая, нестерпима. Желание прощения-примирения с Богом подобно смертельной жажде. Это есть нечто трудно объяснимое непознавшим. Плач сей по природе своей – явление совсем иное, чем плач душевный, связанный с катастрофами в пределах конечной жизни (ср. 1 Кор. 15, 42–46; Иак. 3, 15; Иуд. 19).

Когда человек плачет всем своим существом от боли, которую он испытывает от сознания своей гадости, то эта боль для него превосходит всякую иную боль вне его, и он мучительно живет себя как худшего всех. Свет Божьего Царства, узренный на фаворе ли, или на пути в Дамаск, или в иных обстоятельствах, влечет к себе, но видится недостижимым, беспредельно превосходящим наше достоинство, вернее сказать – недостойнство. Молитва в этой святой доли может вырвать дух человека в иной мир; и этот, земной – забывается; и самое тело уже не ощущается. Отцы называли это «адом покаяния», уподобляющим нас Христу, сходящему в Свой ад Любви. Как ни тяжело сие «адамово мучение», как ни велико страдание, ему соприсущи радость зова Божьего и свет новой жизни.

Отцы наши по дару благодати в вековом опыте, повторяющемся из рода в род, категорически утверждали, что нет иного пути к Отцу светов. Благодать

Видеть Бога как Он есть. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org такого покаяния дана миру чрез молитву Гефсиманскую, чрез крестную смерть на Голгофе и воскресение Христа (ср. Лк. 24, 47).

Небезопасно открыто говорить о сем предмете среди неверующих, а следовательно и неведущих о нем, как должно ведать. «Душевные» непременно воспринимают слово сие в извращении, им свойственном. Блаженный Павел пишет о сем так: «... кто из человеков знает, что в человеке, кроме духа человеческого, живущего в нем? Так и Божьего никто не знает, кроме Духа Божия. Но мы приняли не духа мира сего, а Духа от Бога, дабы знать дарованное нам от Бога; что и возвещаем не от человеческой мудрости изученными словами, но наученными от Духа Святого, соображая духовное с духовным. Душевный человек не принимает того, что от Духа Божия, потому что он почитает сие безумием; и не может разуметь, потому что о сем (надобно) судить духовно. Но духовный судит о всем, а о нем никто не может судить» (1 Кор. 2, 11–15).

Намереваясь приступить к посильному для меня описанию действий Божественного Света, считаю не лишним предварительно кратко сказать об одной из форм световых явлений, опыт которой мне был дан. В годы зрелой молодости не один раз случалось, что в состояниях напряженного мышления о тайнах Бытия я ощущал – видел мою мыслящую энергию подобную свету. Мир умных созерцаний по-своему лучезарен. Да и наш ум все же является «образом Ума Первого», который есть Свет.

Интеллект, сосредоточенный на метафизических проблемах, может потерять восприятие времени и вещественного пространства: как бы выйти за их пределы. Именно в таких случаях ум мой виделся мне светом. Сего рода состояние доступно человеку по естеству. Позднее выяснилось для меня, что описанное мною состояние качественно отличается от события – Явления Бога во Свете Нетварном.

«Господи, мне страшно говорить... прости меня, исцели меня, помоги мне не отступи от меня».

Апостолы на фаворе удостоились войти в сферу Света, исходящего от Отца, и услышать голос Его, свидетельствующий о возлюбленном Сыне. Но это стало для них возможным не прежде, чем они исповедили Божество Христа (ср. Мф. 16, 13 и далее).

Мне было дано переживать некоторые роды света и светов: «свет» артистического вдохновения, вызванного красотою видимого мира; «свет» философского созерцания, переходящего в мистический опыт; втиснем сюда и «свет» научного познания, всегда и неизбежно относительного достоинства; был я искушен и световыми явлениями, приносимыми духами неприятели. Но уже в зрелом возрасте, когда я возвратился ко Христу, как к Богу совершенному, осиял меня Свет безначальный. Сей дивный Свет, пусть в той мере, в которой благоволением Свыше мне было дано познать, затмил все прочие, подобно тому, как восходящее солнце не дает видеть даже наиболее ярких звезд.

Церковь основана на камне исповедания Божества Христа Иисуса (Мф. 16, 18). «... Великая благочестия тайна: БОГ явился во плоти...» (1 Тим. 3, 16). «В начале было Слово... «И Слово стало плотью, и обитало с нами, полное благодати и истины» (Ин. 1, 1, 14). Собезначальный Отцу Сын стал Сыном Человеческим. Он родился от Девы Марии. Ее величие как Матери Иисуса-Бога превосходит меру человеческую. Невозможно отделить Ее от Христа-Бога; и вместе с тем – Она единосущна нам по всему. В стихире на Рождество Христово подчеркивается, что всякая тварь принесла свойственное ей, «мы же (люди) Мать». Вне сего «историчность» воплощения могла бы быть поколеблена в глазах людей, и значение «человечности» Христа ставилось бы под сомнение (докетизм).

Факт боговоплощения занимает центральное место во всей истории человечества, во всем мироздании. Сие событие опрокинуло все человеческие попытки познать Безначальное Начало идущими снизу усилиями, пусть подчас и кажушимися гениальными. Теперь мы научены избегать приписывать Богу порождения нашего земного ума и болезненного воображения. Все наши идеи, все наши признания или отвержения никак не могут изменить Бога в Его извечном Бытии (ср. Ис. 55, 8–9). Когда мы стремимся познать истину, мы прежде всего должны решить вопрос: считаем ли мы То или Того, Кто или Что является действительно Перво-Бытием, Началом всего сущего, следовательно Истиной, независимо от того, совпадает ли сие с нашей идеей или нет; или мы

Видеть Бога как Он есть. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org заранее отвергаем все то, что не соответствует нашему представлению об «Истине» или нашим желаниям? Лично я жажду познать то, что реально есть; и тогда поставлю себе задачу – как мне с Ним быть.

Как мне с Ним быть? Вот, Он открылся нам; Тот, Кто сказал, не как некий безумец, но с абсолютным сознанием: «Аз есмь Истина» (Ин. 14, 6). И огромное большинство людей пришло в ужас. Он никак не укладывается в рамки нашего нормального мышления; Его повеления нам совершенно не достижимы; Его жизнь исполнена таких страданий, что душа приходит в страх, а Он говорит, что нет иного пути, как только последовать за Ним. Что же нам, т.е. мне делать?

Я испробовал другие пути и убедительнейшим для меня образом увидел, что там нет Истины. Я возвратился к Нему, как «блудный», но все же с новым знанием о человеке и бытии вообще. Его слова зазвучали для меня иначе, чем прежде. Я поверил в Него целиком. И это не потому, что Он уложился в схемы моей мысли; или что заповеди Его показались мне нетрудными; или что уподобиться Ему в страданиях я принял с легкостью. Нет. Но и сейчас я не могу рассказать о том глубинном процессе, что происходил внутри меня. Я не нахожу имени той силе, которая сдержанно, но действительно исцеляла мой ум и сердце. В самом интимном месте сердца восставало нечто таинственное, однако как-то вedomое с самого детства моего. Рост сей был своеобразный: то он принимал форму медлительного и трудного прогресса, то внезапными вспышками отрывал меня от всего, что не Он. Думаю, что это было не иное что, как Самооткровение (ср. Мф. 11, 27) Бога внутри моего духа.

«Никто не может прийти ко Мне, если не привлечет его Отец, пославший Меня...» (Ин. 6, 44). Изыскивает ли Его Отец только великих? Или и «малых»? Если возможно сие последнее, почему бы я исключил сие последнее для меня, хотя я и весьма ничтожен? Не Он ли вложил в меня некую тонкую интуицию, которая, однако, была глубже всех моих мыслей и достовернее всех иных моих знаний? Как бы то ни было, но когда я поверил в Божество Христа до полной несомненности, тогда меня осиял Свет не от мира сего. И до некоторой степени, подобно Павлу, во Свете Его я познал Его. Сначала я поверил живою верою, затем явился мне Свет. Не то же ли было с Апостолом Петром, Иаковом и Иоанном? Когда они устами Петра исповедали Его Божество, тогда в ответ Он сказал им: «Истинно говорю вам: есть некоторые из стоящих здесь, которые не вкусят смерти, как уже увидят Сына Человеческого, грядущего в Царствии Своем» (Мф. 16, 28). Что исполнилось вскоре после сего на фаворе. Также и Павел носил духовно в сердце своем Христа, которого гнал; и потому явился ему Свет Божества в силе. И дерзаю сказать, что видение несозданного Света связано неразрывно с верою в Божество Христа. И связано, и странным образом зависит одно от другого. В едином Свете являются и Христос и Святой Дух. Сей Свет свидетельствует о Божестве Христа, потому что нельзя не узнать Бога в том Свете, о котором идет речь. Неописуемы его действия. В нем вечность; в нем невыразимая благодать любви. В нем видит дух наш необъятные горизонты. И не сразу, но постепенно дух открывает все новое и новое в том светоносном прорыве Небо, «где Бог» (ср. Исх. 20, 21).

«Мы теперь дети Божии; но еще не открылось, что будем. Знаем только, что когда откроется, будем подобны Ему, потому что увидим Его, как Он есть» (1 Ин. 3, 2). В сущности, Бог во всяком Своем явлении человеку пребывает все тот же; но мы не воспринимаем Его как должно; мы не вмещаем Его абсолютности в пределах земли, но все же «видим» Его, хотя и «как бы сквозь тусклое стекло» (1 Кор. 13, 12). И самое это «стекло» не всегда одинаково «тускло». Это зависит оттого, в какой мере мы храним заповеди Христа, в которых дано Самооткровение Бога нам. В них живет Дух Отца: «...слова, которые Ты дал Мне, Я передал им; и они (из этих слов) уразумели истинно, что Я исшел от Тебя» (ср. Ин. 17, 8). И еще: «Если пребудете в слове Моём, то... познаете истину, и истина сделает вас свободными» (Ин. 8, 31–32).

Принятие Истины происходит в свободе; она никем и ничем не навязывается человеку-персоне. И отнять ее насильем – нельзя. Вера по приказу – несовершенная в корне своем, хотя и возможен переход ее в истинную; т.е. ту веру, чрез которую Истина вселяется в нас, как искомая и вожденная, и на всю вечность.

Истина есть Само-Бытие, «как Оно есть». Оно открылось нам как Личный Абсолют – Троица Лиц в полном единстве и тождестве Бытия. Соединение с Ним сообщает и нам Божественный образ Бытия, во веки непреложный. Евангельское слово, чрез пребывание в нем, становится кристально прозрачным и

Видеть Бога как Он есть. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org ассимилируется нами настолько, что мы уже обладаем им, подобно тому, как владеем материнским языком. Когда оно, слово, становится нашим кровно-родным, тогда мы приближаемся к уподоблению Христу, даровавшему нам сию драгоценность (ср. Ин. 17, 8). И как я уже много раз говорил, что отождествление наше Богу, воплощенному из сего видимого плана – по аналогии переходит в вечность, как наше обожение: вечное пребывание в сфере Божественного Бытия.

Обратное сему нужно сказать о том же Евангельском слове: когда оно никак не прелгается в акт нашей жизни, тогда оно и не понятно человеку в своем извечном существе, и становится далеко непрозрачным экраном между Богом и нами.

Полноты совершенства Христа мы не достигаем; поэтому все суждения наши о Нем остаются не-адекватными. Однако велико для нас и то, что пусть отчасти, но и нам открывается интимно Его внутренний мир. Через данный нам опыт благодати, в долгом подвиге жизни нашей, мы как бы сквозь щель в заборе, но видим Свет Его Божества (ср. 1 Кор. 2, 9–12). И что могу я сказать? В основании моей жизни лежит сознание, что Бог, Творец мира, и мой также, абсолютный в Своем безначальном Бытии, снизошел до нас, возвестил нам о путях к достижению нами Его вечности; раскрыл нам тайну смерти – т.е. грех; явил нам смысл бытия – Любовь.

Если подвиг понимать, как волевое преодоление тех или иных наших страстных стремлений, то в подлинно благодатной жизни подвига нет. Пришествие Божественной силы внутрь приводит к тому, что все жизненные проявления человека принимают характер положительного акта, свободного от внутренних противоречий. И ум, и сердце, движимые Любовью Христовой, не знают сомнений. Когда же любовь Божия изливается обильным потоком, тогда она переходит в созерцание Света Нетварного, сообщающего бесстрашие, дающего несказанную радость свободы духа, так как вне смерти и страха пребывает человек.

Дается нам познание бесстрастных состояний, длящихся иногда большие, иногда же меньшие сроки. В существе своем это прежде всего любовь, «изгоняющая страх» смерти, исполняющая душу торжествующего вдохновения, вводящая в созерцание нашего богоподобия. Но при всем этом та же любовь погружает всю душу в море страданий. И действительно: «чем больше любовь, тем больше страданий душе» (Старец Силуан).

Приходит Святой Свет при молитве глубокого покаяния за себя; а также и при молитве с любящим состраданием за обижающих нас: вдруг любовь сливается со Светом, и Свет проникает в душу, и извне становится насыщенной Светом атмосферой, воспринимаемую глазом.

Небесный Свет не поддается чувственному контролю. Иной, неуловимый по своей природе, он приходит неопределимым для нас образом. Бытие иных измерений прорывает завесу земного тела: пронизывает наше тварное естество нетварною энергией.

Сообщает нам разумение надмирного Бытия не чрез зрительные или чувственные, но духовные видения. Описание этих видений выражается различными словами, в зависимости от характера и дара слова того лица, которому они даны. Но под теми или иными словами, тот, кто имел опыт посещений Свыше, увидит, о чем идет речь, – распознает скрытую за ними, словами, реальность.

Исходя из Единого Существа, Свет сей ведет к единому познанию Бога Любви. Нет разногласий в последствиях явления подлинного несозданного Света: все они, явления, приводят к одному: Откровению Божества Христа Иисуса. Бывают моменты, когда дух человека Божиим могуществом вводится в Его, Христа, Царство, которое «не от мира сего» (Ин. 18, 36).

Судя о добре и зле не по количеству совершенных дел, а по духовному качеству посещающих его мыслей и расположений своей души к этим «посетителям», подвижник действительно знает себя худшим всех людей. Параллельно с этим, несмотря на всю свою мерзость, он видит себя благодетельствованным Богом вне всякой меры (ср. Ин. 3, 34 – «не мерою дает Бог Духа»). Недоумевает он, почему многие другие, более одаренные, чем он, остаются вне Света?

Падение человека было тяжким, но все же не абсолютным. В силу этого

Видеть Бога как Он есть. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org налицествовала возможность покаяния и спасения. Писано: «Был Свет истинный, который просвещает всякого человека, приходящего в мир». Следовательно, нет такого человека, который был бы совершенно чужд света. «Более одаренными» я назвал тех лучших, которые пребыли удовлетворенными тем, что они суть, и потому «не познали или не приняли Его» (ср. Ин. 1, 9, 11, 16). Худшие же «приняли благодать на благодать» за горячность своего покаяния (ср. Рим. 5, 20; Лк. 5, 32; 1 тим. 1, 15).

Следуя примеру Апостола Павла, и я прошу всех, кто расположится читать написанное мною, молиться, чтобы Господь Дал мне, косноязычному, слово, достойное для выражения тайны Христовой (ср. Кол. 4, 3). Известно, что говорящий о Боге как должно, получает благодать, а тот, кто проповедует ложь, будет брошен в бездну мрака. Когда мы произносим духовное слово пред лицом Духа Истины, то мы первые подпадаем под его, слова, суд, страшный всякому, возлюбившему пришествие Спасителя мира.

В атмосфере наших дней исповедать о дарах, связанных с верою во Христа, совсем непросто. Предо мною стоит цель – дать возможно правдивую картину того, что выпало на мою долю переживать; притом так, чтобы не скрылись от читателя глубокие импульсы сердца. Бог наш есть Царь смиренной любви. Он призывает нас учиться от Него Самого смирению (Мф. 11, 29). Первым словом Его проповеди было: «покайтесь». И вековой опыт христианства показал, что едва человек с болезненной горестью восчувствует мерзость своих демонических притязаний на превосходство и возненавидит сей темный дух, как сердце его вводится в сферу неизведанной дотоле свободы, и Свет Божий изумит его до изнеможения созерцанием благодати Божией. Все внутри при этом замолкает: ум не в силах мыслить, ни сердце изречь слово благодарности.

О, кто даст мне разум истинный и слово правое говорить о Свете Божества? Стыд овладевает мною, когда пытаюсь я обнажить свою душу; открывать то, что я пытался утаить от посторонних взглядов. Не ошибаюсь ли я, думая, что любовь Христова толкает меня на сей акт?.. Страх, который наполняет меня, приступающего к исповеди пред лицом, б.м., многих, не позволяет мне отступить от предпринятого дела. Итак, прошу, молитесь за меня, где бы я ни был.

Христос есть мера всех вещей – Божественных и человеческих. Он – духовное солнце, освещающее все мироздание. Во свете Его повелений мы знаем путь. Чрез Него открыт для нас «доступ к Отцу» (ср. Еф. 2, 18).

Человек, как образ Абсолюта, естественно влечется к Началу всех начал, к Перво-Бытию. Шествие сие, однако, начинается схождением в преисподние глубины. Апостол Павел говорит о Христе: «... восшел, что означает, как не то, что Он прежде сходил в преисподние места земли? Нисшедший, Он же есть и восшедший превыше всех небес, дабы наполнить все» (Еф. 4, 9–10). И именно это есть наш путь после падения; и нет другого. Мы нисходим в акте само-осуждения в темные пропасти, потому что с того момента, как во Христе и чрез Него открывается нам образ предвечного, в творческом уме Бога, Человека, мы постигаем бездну нашего омрачения. Подобно тому, как сверкнувшая в ночи молния, угаснув, делает тьму непроглядною, так явившийся нам Свет Божества по контрасту дает нам видеть наш внутренний мрак, подобный сгущенной массе отвратительной нечистоты. От этого видения рождается внутри великая скорбь, поражающая наше существо во всех планах. Страдание нашего духа бывает при этом вневременным, большим, чем от всякой иной физической боли. Мы всецело погружаемся в потоки слез. Рабы страстей – мы вдруг узнаем себя оторванными от Бога, стрела любви которого ранила нас. «Из глубины взываем» мы к Нему (Пс. 129).

«Прииди, Ты, Единый Святой, и освяти и очисти меня от всякой скверны. Прииди, Ты, Единый воистину живой, и исцели меня от поразившей меня смерти. Прииди, Свет истинный, и вселись в меня вечным веселием».

Так зарождается в нас покаяние. В начале оно сопровождается глубокой печалью; затем, меняясь в силе напряжения в своих формах, остается с нами неотступным. Покаянию на земле нет конца: конец означал бы полноту обожения нашего чрез совершенное уподобление вознесемуся Христу.

Покаянный порыв временами бывает всепоглощающим. В уме и сердце нет ничего, кроме страдальческого сознания: «я пленник злой тьмы». И вот, непредвиденным образом, в темницу души проникает Свет несозданного Солнца: тот Свет, что наполняет все космические просторы. Он любовно объемлет наш

Видеть Бога как Он есть. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org ум и сердце. Мы видим Его и пребываем в Нем; однако не в силах еще поверить этому чуду Благости Отца нашего, – «... увидевши Его, поклонились Ему; иные же усомнились» (Мф. 28, 17). «Усомнились», будучи не в силах вместить происходящего: я – убогий и мерзкий... неужели это возможно?

О нетварном свете II

Смотря пристально на чистое голубое небо, я иногда останавливал мой взгляд в избранном мною направлении, а иногда пробегал его от края до края. Достигнув горизонта, я мысленно шел дальше, и уже умом видел его объемлющим нашу планету. Я всматривался в глубину его; стремился проникнуть до его пределов; но чем более я удерживал внимание на этом чудном явлении, – чем усерднее смотрел в небесную сферу, исполненную света, тем более увлекала она меня своей тайной. Когда же по дару Свыше я удостоился узреть Нетварный Свет Божества, тогда с радостью узнал в голубом сиянии нашей «голубой» планеты символ сияния надмирной славы. Оно, сияние сие, повсюду; оно наполняет все бездны мироздания, пребывая неизменно неосозаемым, запредельным для твари. Голубой – есть цвет запредельности. Многим на земле было дано блаженство увидеть сей дивный Свет. Большинство из них сохранило сие благословение, как драгоценную тайну их жизни, и увлеченные сим чудом, перешли в иной мир. Другим же было повелено оставить свидетельство ближним и дальним братьям о сей высшей реальности.

Душа не без страха решается говорить о том Свете, который посещает человека, жаждущего увидеть Лицо Безначального. Таинственна его природа; и в каких образах описывать его? Незъяснимый, невидимый – он иногда бывает видим вот этими телесными очами. Тихий и нежный – он влечет к себе сердце и ум так, что забываешь о земле, будучи восхищен в иной мир. Это бывает и среди белого дня, и во тьме ночной. Кроткий, он, однако, более могущественен, чем все, что нас окружает. Он объемлет человека странным образом извне; видишь его, но внимание уходит вглубь внутреннего человека, в сердце, согретое любовью, иногда сострадательною, иногда благодарною. Случается, что не ощущаешь материальности: ни своей, ни окружающей действительности, и себя видишь как свет. Уходит болезненность; забываются заботы земли; тревоги поглощаются сладостным миром. Бывало: Свет сей, в начале, являлся как тонкое пламя, целительное и очистительное, дожигающее и внутри, и извне все неуютное ему, но тихо, едва уловимым прикосновением.

Свет сей святой любви, являясь в силе, приносит смиренную любовь, изгоняет всякое сомнение и страх, оставляет далеко позади все земные отношения, всю пирамиду мирских чинов и иерархических положений: человек становится как бы «никто»: он не стоит на пути братьев своих; не ищет себе никакого места в этом мире. Свет сей есть в самом себе нетленная жизнь, пронизанная миром любви. Он дает духу нашему познание об ином Бытии, не поддающемся описанию; ум останавливается, став превыше мышления самим фактом вхождения в новую форму жизни. Невесомый, тончайший всего, что знает земля, он сообщает душе неуязвимость, неприкосновенность от всего, что отягощало прежде. От лица его бежит смерть, и молитва – «Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Бессмертный» – чудно сочетается с ним.

Дух наш торжествует: сей Свет – есть Бог, Всемогущий и вместе неизъяснимо кроткий. О, как осторожно обращается Он с человеком: Он сердце, сокрушенное отчаянием, исцелит; душу, надломленную грехом, вдохновит надеждою на победу.

Спасительная сила заключена в вере несомненной во Христа-Бога. Он есть верховный факт безначального бытия; Он – Начало и Конец; Альфа и Омега. На камне сей веры становится возможным даже для нас подлинное покаяние и дальнейший духовный опыт, подобный опытам Апостолов, Отцов Церкви, аскетов всех веков. По роду дарований, последствующих искреннему покаянию, человек познает их неземное происхождение. Апостолы Петр, Иаков, и Иоанн на фаворе были объаты нетварным Светом, и в этом осиянии восприняли невещественный голос Отца, свидетельствовавшего о Христе, как о возлюбленном Сыне Своем. Апостол Павел на пути в Дамаск узрел тот же самый Свет, и в явлении Его познал Божество Иисуса. Подобного дара за истекшие века удостоились многие иерархи, аскеты, мученики и праведники. И даже до наших дней сия благодать не перестала изливаться на верующих.

Предваряется видение Света подвигом покаяния, очищающего нас от страстей; весьма болезнен сей подвиг, самое созерцание Света сладостно для сердца и ума. Свет сей есть совершенно особая любовь, блаженство которой может

Видеть Бога как Он есть. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org
усиливаться доколе, доколе душевность и телесность человека способны нести сие небесное пламя.

Сей Свет, присущий Отцу светов (Иак. 1, 17), перерождает и даже ново-творит нас; радикально изменяется направление нашего внимания: прежде оно влеклось к земле и временным вещам; по воздействию благодати оно, внимание, заключается внутрь и оттуда восходит в духовную сферу невидимого и невечернего (ср. 2 Кор. 4, 18). Что раньше нам казалось важным и даже великим становится ничтожным для нашего духа: и богатство, и власть, и слава земная, и все сему подобное теряет свою притягательность. Даже наука, не дающая нам самого существенного познания, т.е. о Боге; так же и философские спекуляции, лишённые подлинной жизни, предстают лишь как преходящие ценности.

Когда неприкосновенный, по существу, и неименуемый Свет объёмлет нас извне и проникает внутрь души нашей, тогда и мы становимся как бы вне-временными. Сей исходящий от Бога Свет есть свет любви и ведения; но любви и знания особого порядка; оба сии сливаются воедино, да и суть едины в вечности. Любовь соединяет в самом Бытии с самим Бытием; и вот, мы пребываем в нем, этом Бытии, и знаем его чрез наше единство с ним; но представить сие в словах – не дается. Любовь влечет так сильно, что ни на чем, происходящем с нами, дух наш не останавливается вниманием, хотя и живет в этом «происходящем». Нет движения к самому себе; он, дух, весь в порыве осязать Неосязаемого, обнять Невместимого, постигнуть Неуловимого; быть только в Нем, и не видеть уже ничего другого.

Многоразлично и многообразно является нам Свет. Но как возможно сие?.. Не ведаю, как бывало с другими, но если в безумии моем дерзну говорить о том, что знаю, то скажу.

Господь дал мне благодать отчаяния; и даже больше сего: святую ненависть к моему греху, т.е. ко мне, самому себе, сросшемся с грехом смрад которого подобен ядовитому газу. Исцелиться своими усилиями – невозможно. При полном отчаянии от самого себя, как я есмь, единственно, что остается, – броситься к Богу с безнадежной надеждой. Бросок сей может быть всецелым, безвозвратным: я боюсь возвратиться; я не в силах супротивиться греху, удержать новую жизнь непорочно. Господь, однако, не всегда берет душу в таком состоянии: «Человек же, из которого вышли бесы, (страшился отойти от Христа и) просил Его, чтобы быть с ним; но Иисус отпустил его, сказав: „Возвратись... расскажи, что сотворил тебе Бог“» (ср. Лк. 8, 38-39). Верь, что уже ни один из владевших тобою духов не возьмет над тобою верх. Больные, хотя бы отчасти подобные «гадаринскому», зная свое бессилие противостать владевшей ими «одержимости», боятся отлучиться от Того, Кто освободил их от чуждой власти.

Жизнь души, познавшей блаженство любви Христовой, в прежнем окружении неизбежно становится полной скорбей: «В мире будете иметь скорбь: но мужайтесь...» (Ин. 16, 33). «Рассказывать», свидетельствовать о Свете любви Божией – странным образом вызывает неприязнь в сердцах весьма многих людей. Нам нужно переживать и эту Иисусову скорбь: она поможет нам глубже проникнуть в Его земную жизнь: «о, род неверный и развращенный! доколе буду с вами? доколе буду терпеть вас?» (Мф. 17, 17).

Возрадовался Бог о явлении человека в мир (ср. Ин. 16, 21). Возрадовался падший мир о явлении Бога на Земле: «И сказал Ангел: не бойтесь; я возвещаю вам великую радость, которая будет всем людям, ибо ныне родился вам... Спаситель, который есть Христос Господь» (Лк. 2, 10-11). Сей Спаситель даровал нам познание об утерянном нами в падении Отце Небесном; Он открыл нам «тайну, сокрытую от веков и родов» (Кол. 1, 26); Он передал нам слово, которое исходит от Отца (Ин. 17, 14); Он дает нам и предвечную славу, которую Сам имеет от Отца (Ин. 17, 22); Он в грядущем веке желает видеть нас там, где Он Сам, т.е. одесную Бога.

В начале видения Света нет ощущения тайны, нет вопроса: все внутри и вне освящено; ничто иное, кроме Света, не зрится.

Ум и сердце «молчат», полные блаженного удивления Богу; «Я увижу вас... и возрадуется сердце ваше... и в тот день вы не спросите меня ни о чем» (Ин. 16, 22-23).

Боговоплощение дало человеку возможность вступить на верный путь ко Отцу

Видеть Бога как Он есть. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org чрез пребывание в духе заповедей Христа во всех обстоятельствах земной жизни. Возрастающая от этого любовь ко Христу сделает молитву напряженной, пламенной; доведет ее до великой жажды Господа, когда дух человека переходит границы сего мира и весь погружается в Единого Бога. Эта молитва роднит душу с Духом Истины, и зная Его, она затем «по вкусу», как говорил Старец Силуан, будет узнавать Его и отдаваться Ему; и обратное: непосредственно, интуитивно отталкиваться от многих призраков истины, способных привлечь к себе неопытный ум и непросвещенное сердце. Свет Божий выявляет подлинные лики духов, и тем освобождает человека от одурманивающего шарма-прелести сопровитного.

Свет, который является человеку за веру во Христа, свидетельствует о Его, Христа, Божестве. Дух наш воспринимает Иисуса Господа как непреложную Истину, подлинно Святую. И сей безначальный Свет порождает внутри нас слова, тождественные учению Христа. В этом Свете мы созерцаем Отца; сей Свет мы воспринимаем как Духа Святого; в Нем мы видим Христа как Сына Единородного Отцу. Чрез этот опыт мы познаем единосушие Трех. Молясь сему Богу, мы живем единое бытие Трех. Но в этом Единстве все же живем мы и различия: иной характер носит мое обращение ко Отцу; иначе молюсь я Духу Святому; по-другому обращаюсь ко Христу. С каждым связывается некое особое духовное чувство, не разбивая нисколько Единства Бытия. К каждой Ипостаси Святой Троицы мы питаем в каких-то оттенках различное отношение. Ближе всех мы знаем Иисуса Господа чрез Его воплощение, вочеловечение, и чрез Него вводимся в Перво-бытие, которое и есть Истинный Бог:

Троица Единосушная и Нераздельная.

Иногда Божественный Свет созерцается таким образом, что человек уже ничего физического не воспринимает. Во время молитвы дух его вступает в сферу умного Света, и вместе с потерей окружающего его вещественного мира, теряет он и ощущение своего тела. Восхищается дух в это видение с такой нежностью, что он не может дать отчета, что с ним происходит. Не может он после сказать, был ли он в теле, или вне тела.

Чаще случается, что сохраняется нормальное видение материальной обстановки; в подобном состоянии человек может пребывать с открытыми глазами и одновременно видеть два света: физический и Божественный. Такое явление у Отцов имеется в виду, когда они говорят, что видят Несозданный Свет естественными очами. Да, воспринимаются два света, но не одинаковым образом. Свет нетварный по природе своей иной, и видение его не подобно физическому зрению, при котором свет производит известное раздражение оптического нерва, переходит затем в психофизиологический процесс видения, не оказывающего на нас духовного влияния. Обратное со Светом Божественным: его приход всегда связан с особым благодатным состоянием, ощутимым и в сердце, и в уме, и даже в теле. Невидимый по естеству своему, он необъяснимо становится видимым. Таковое явление, однако, менее обычно, чем возможные интенсивные духовные состояния благодати, не сопровождающиеся видением Света.

Первый из описываемых здесь образов созерцания выше второго, так как причастие к Божественной жизни, прикосновение к Безначальному Бытию переживается глубже, чем при втором. Но как объяснить, что в состоянии видения не улавливается вообще какой бы то ни было процесс мышления, т.е. появление в уме понятий или образов. И, однако, по окончании сего состояния, и ум и сердце ощущают себя исполненными нового познания; сердце, действием в нем благодати Божественной любви, глубже постигает тайны, превосходящие всякое интеллектуальное восприятие. Назвать сие воскресением души? или дыханием Вечности, объемлющей нас? Возможны оба выражения.

В нашем земном существовании, «прежде, чем мы вкусим смерти» (Мф. 16, 28), наиболее тесное общение с Божеством нам дается чрез осияние нас Нетварным Светом. Когда сей Свет приходит «в силе», тогда, как говорит Старец Силуан, «нельзя не узнать, что это Господь, и Дух Святой бывает в человеке во всем человеке: и в душе, и в уме, и в теле» (Ст. Силуан). Действие Его, Света, не может пройти незамеченным, неосознанным. Будучи безначальной энергией Бога, сей Свет проникает нас этой силою, и мы становимся «безначальными» не по происхождению нашему, но по дару благодати: безначальная жизнь сообщается нам. И нет конца мерам изливания любви Отчей на человека: он становится тождественным Богу. Тождество по содержанию, не по Изначальности Само-Бытия. Бог вечно пребывает для твари разумной – Богом. Христос по воскресении Своим сказал Марии Магдалине: «... иди к братьям моим и скажи

Видеть Бога как Он есть. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org им: восхожу к Отцу Моему и Отцу вашему, и к Богу Моему и Богу вашему» (Ин. 20, 17). Святитель Григорий Богослов прекрасно объясняет смысл слов Господа. «Отцу Моему» по существу, от века; «Отцу вашему» по дару любви Отчей. «К Богу Моему» по человечеству, воспринятому Им, а не в «собственном смысле» (Св. Григорий). И это есть вечное положение. Для человека-Христа – Отец пребывает Богом; для нас также. Но как полнота Божественной Жизни сообщена Человеку-Христу, так и спасаемым во Христе сообщается та же полнота. Это следует из молитвы Господа: «... Они не от мира, как и Я не от мира... Освяти их истиною Твоею; слово Твое есть истина... Не о них только молю, но и о верующих в Меня по слову их: да будут все едино: как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино, да уверует мир, что Ты послал Меня. И славу, которую Ты дал Мне, Я дал им: да будут едино, как Мы едино. Я в них, и Ты во Мне; да будут совершены воедино, и да познает мир, что Ты послал Меня и возлюбил их, как возлюбил Меня. Отче, которых Ты дал Мне, хочу, чтобы там, где я, и они были со Мною, да видят славу Мою, которую ты дал Мне...» И еще: «... все Мое – Твое, и Твое – Мое; и я прославился в них» (Ин. 17, 10 и 17, 26).

Свет, исходящий от Отца светов, эти слова делает родными, нашими внутри нас. Сей Свет влагает их в самое внутреннее существо наше. В этом Свете наше общение с Ним; общение «личное» (персональное), лицом к Лицу, персона к Персоне.

Начальные действия Света сего в мерах, если можно так выразиться о сем Божественном даре, малых – опознается глубоким чувством Живого Бога в сердцах и умах наших, но еще не как пришествие Царства в силе, не как очевидное «личное» общение с Ним. Необходимо подчеркнуть, что Свет Божественный непременно соединится с осязаемой всем нашим существом благодатью. В связи с этим Блаженный Старец Силуан говорил и писал: «если ты видишь свет, и при этом ничего другого (т.е. осязаемой благодати), то это от „неприязни“ и не должно его принимать».

Интеллекция непостижимости Само-Бытия возможна и на невысоких степенях духовного познания. Многие, не узрев еще Несозданного Света, т.е. того, что познаваемо бытийно в Божестве, были уже способны ощутить непостижимость Божества в порядке естественного человеку философского созерцания. Это последнее не равно опыту Моисея (Исх. 20, 21): онтологически оно стоит значительно ниже, хотя все же показывает потенциальную возможность для интеллекта придти к подлинным созерцаниям, но не в отрыве от сердца, сего центра персональности человека.

Я не раз говорил, что подобные умы при напряженном сосредоточении дают ощущать себя как свет; неясный, но свет. И если он, ум, признает себя высшим проявлением человека и без любви сердечной предастся своим отвлеченным восхождениям к Абсолютному Бытию, то в некоторых случаях может дойти до люциферизма, с его убийственным холодным светом, с беспощадным презрением к страданиям миллионов людей.

Наш ум создан по образу и по подобию уму Первому – Богу. Ему, нашему уму, свойственен свет, ибо сотворен по образу Того, кто есть Свет безначальный. Когда в опыте аскетических созерцаний о таинствах и тайнах Бытия Изначального он – ум – переступает порог времени и пространства, и для нас самих становится подобным свету, тогда человек стоит в опасности счесть сей естественный свет тварного ума за Нетварный, Божественный. В состоянии подобных aberrаций – ум человеческий создает мистические теории, которые, однако, не выводят его к подлинно сущей вечности, а доступны ему по тварному естеству.

Христианин, пребывая бытийно в сфере Нетварного Света, может еще не уразуметь, что есть сей Свет. Тем же, кто не познал действительно сего состояния, рассуждение о природе этого Света может показаться излишним, «академическим», не имеющим реального значения для нашего спасения. Не так обстоит дело с подвижниками, предавшими себя на предельный для них труд покаяния. И как возможно для ищущего истинного познания Бога уклониться от вопроса: что или кто является ему? Знание Бога, бытийное знание, непременно соединяется с пришествием Бога внутрь человека. Это событие по существу своему неопишимо велико. В сердце самом нет сомнений, – но все же явление в силе настолько превосходит наше падшее естество, что никто из верующих во Христа не должен доверять себе без должного свидетельства или в Писании, или в творениях Святых Отцов. Больше того: даже Писания недостаточно для окончательного суждения, потому что и слово Божие почти всеми понимается

Видеть Бога как Он есть. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org различно. Необходимо подтверждение от другого лица, живущего единою с нами верою, но удостоившегося прежде нас Божьего посещения. Итак сии три: 1) Святое Писание Нового Завета; 2) творения святых аскетов нашей Церкви и 3) «живой» человек. Если нет сего последнего, то праведной душе свойственен крик к Богу: «пощади меня, и не попусти мне, растленному душой и телом, отпасть от Твоей Истины и вступить на иной, чуждый путь». «Да не прельстиши Мене лестию» – такие слова влагает церковное песнопение в уста Пресвятой Девы, получившей от Архангела Гавриила откровение о действенном рождении от Нее Сына Божия.

Явления несозданного Света менее редки, чем некоторые думают. В покаянном порыве многие удостоились сего дара, без того, чтобы дерзнуть остановиться на нем умом и осознать подлинно: Кто есть сей? Они довольствуются воздействием Света на душу: примирение с Богом, неоценимое утешение, ощущение вечности, преодоление смерти.

Не все по естеству обладают одинаковой силой выражения пережитого ими опыта. И это наблюдается даже среди величайших. Пример: Апостол Петр, объятый огнем любви ко Христу, творил чудеса подобно Самому Господу, но в своих посланиях он менее богат, чем Апостолы Иоанн и Павел. Петр, свидетель фаворского преображения, знал, что чрез Христа, во Христе он соединяется с Богом в вечности; что «дарованы нам великие и драгоценные обетования, чтобы чрез них соделаться причастниками Божественного естества...» (ср. 2 Пет. 1, 4); «нет другого имени под небом, данного человеку, которым надлежало бы спастись» (Деян. 4, 12). Немало и других великолепных слов находим мы в его посланиях, но Иоанн и Павел, менее его совершившие чудес, в своих учениях дали нам еще более богатый материал, открывая нам необъятные горизонты богопознания. Апостол Павел более всех других Апостолов располагал аппаратом (развитию которого обычно содействует наука) для описания данных ему опытов. Ему принадлежит слава за целые ряды глубочайших выражений откровенных истин.

Моя мысль, естественно, часто возвращается к моему в Боге Отцу, блаженному Старцу Силуану. Бытийно сей смиренный муж пребывал в состояниях, которых за всю историю Церкви удостоились немногие, но в своих писаниях он явно обнаруживает отсутствие у него запаса слов и понятий для более наглядного изображения излитых на него великих благословений. Церковь, мы знаем, одинаково чтит и тех, кто в немногих словах, но в обилии чудес и высотой духа созидали Ее, и тех, кто послужил той же цели даром учительства.

Когда воистину Сущий Бог – о онтос Он – открывается в явлении Нетварного Света, тогда интуитивно человек покидает идущую снизу философию о транс-персональном Абсолюте. Не отвлеченное, но бытийное познание Бога никак не ограничивается одним интеллектом: необходимо живое слияние-общение всего человека с Актом Божественного Бытия. Реализуется сие в любви: «Законник сказал Иисусу в ответ: возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всею крепостию твоею, и всем разумением твоим» (ср. Лк. 10, 27). И это есть наша гносеология – наука о познании.

Заповедь призывает нас «любить». Следовательно, любовь не есть нечто, уже данное нам: ее нужно стяжать подвигом нашего личного самоопределения. Призыв Господень обращен прежде всего к сердцу, как духовному центру персоны. Ум-рассудок является одною из энергий человеческой личности. Любовь Божия чрез веру зарождается в сердце, и ум поставляется пред новым внутренним событием. Пламя сей любви привлекает всецело ум в сердце, и как бы расплавленный – он сливается с сердцем во-едино и созерцает Бытие во Свете Божественной Любви. Человек становится «целым»: исцеленным.

Нет духовной борьбы более трудной, более болезненной, чем борьба за торжество любви Христовой. Начинается она в нас самих, затем исходит во весь мир. Подлинно, сия любовь не от Земли, но от Неба. В ней смысл Бытия Самого Бога, который дал нам заповедь «любить». Восход духовный в Царство нетварной любви Божией требует весьма длительного аскетического подвига. Сему «восходу» усматриваем некую аналогию в утомительном подъеме на крутую гору, – в муках творчества одаренных артистов во всех областях искусства, – в многолетнем усидчивом труде для приобретения научных знаний, да и во многом другом, подобном сему. И если люди в большинстве случаев идут с готовностью на всевозможные жертвы для приобретения кратковременных материальных ценностей или привилегированного социального положения, то не приходится удивляться в необходимости еще и во много раз больших усилий для стяжания непреходящих ценностей Царства Божия, по глаголу Христа: «Царство

Видеть Бога как Он есть. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org
Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его» (Мф. 11, 12).

О нетварном свете III

Сейчас я хочу говорить о том, что Господь даровал мне после моего обращения к Нему в зрелом возрасте, когда посещения связывались с глубокой покаянной молитвой. В начале этого периода Свет являлся, скорее, как Огонь, пожигавший и на поверхности тела моего, и внутри души нечто такое, что я воспринимал при этом горении, как чуждое Богу. О, я тогда ничего не знал и не понимал, что со мною происходит. Мысль моя не шла на исследование природы сего Огня и сего Света. Я страдал в моем покаянии всем моим существом; но я знал, что я ожил духом. В те годы чрез меня проходили мощные волны и чувств, и мыслей. Приливы их бывали внезапными или постепенными; иногда все смешивалось в неясную полуночную грозу; и сказать теперь точно об испытанном в хронологическом порядке – невозможно. Что помню я достоверно, так это основной мой порыв к Богу в моей смертельной тоске по Нему. Я выражал ее в моих молениях такой сосредоточенности, что если и приходил Огонь ли, Свет ли, то и тогда мое внимание не отрывалось от Бога, и все стремление было к Нему. И вот в Великую Субботу (б.м. 1924 г.) Свет посетил меня после причащения, и я ощутил его как прикосновение Божественной вечности к моему духу. Тихий, исполненный мира и любви, Свет пребывал со мною три дня. Он разогнал стоявший предо мною мрак не-бытийный. Я – воскрес, и во мне, со мною воскрес весь мир. Слова Иоанна Златоустого в конце Пасхальной Литургии предстали в своей потрясающей силе: «Воскрес Христос, и мертвый ни один во гробе». Истомленный до того видением всеобщей смерти, я переживал в тот момент: да, и моя душа воскресла, и я уже никого не вижу мертвым... Если таков Бог, то скорее надо оставить все и искать только с Ним соединения.

В конце дней моих решился я говорить братьям моим о том, о чем раньше не посмел бы, считая сие нецеломудренным. Как бы ни был я ничтожен во всех отношениях, факт остается фактом: Бог Отец благоволил ко мне, как Ему вообще свойственно благоволить к сокрушенным сердцам (Пс. 50, 19); Он, Отец, привлек меня к Своему возлюбленному Сыну, и Сын восставил меня из моего бедственного падения (ср. Ин. 6, 37–40; 44–47). Дух Святой, от Отца исходящий, дал мне жить «великую благочестия тайну: Бог явился во плоти, оправдал Себя в Духе» (1 Тим. 3, 16).

Теперь я знаю, что вне такой веры пережитые мною состояния были бы исключены. И при еще недостаточном опыте возможна вера, которая в дальнейшем возрастает в силу излияний благодати на человека. Свидетельствую, что когда при сильном отвращении к самому себе, как я есмь, все существо погружается в молитву ко Христу, вырывающую дух наш из когтистых тисков страстей и материи, тогда ощущение Божественной вечности настолько ярко, что никакая логика или психоанализ не могут поколебать очевидности. Почему говорю о логике и психоанализе? Потому что первая не позволяет поверить, что исторический человек, которого можно видеть, осеять (ср. 1 Ин. 1, 1), которого можно убить, повесив на кресте, как разбойника, есть Творец всего безбрежного космоса. Второй – психологически убеждает нас в необходимости недоверия своим переживаниям. Но, как говорил Старец Силуан: такой свет, такая любовь, такая сила жизни и мудрость – могут исходить только от Истинного Начала всего существующего. Старец Силуан – необычайно одаренный человек; но и я, пусть по всему жалкий урод, могу как-то судить о том, что доступно человеческому духу, а также и нашей мысли и психике.

Апостол Павел удалился по явлении ему Христа в Аравийскую пустыню и там, в порыве всепожирющего раскаяния о своем прошлом, удостоился многих и великих откровений; среди них удостоверение, что Иисус Христос есть Бог. Я не ищу логических доказательств снизу; но и в моем покаянном плаче, превышавшем мою силу, опалявшем меня огнем – я убедился в том же: Он, Христос, есть высший, изначальный факт бытия. Характер моего покаяния никак не допускал возможность «воображать», что со мною может Безначальный Бог быть так близко, так действительно. Бывали моменты, когда я понимал образ откровения небесных тайн Пророкам, Апостолам и Отцам нашим. Свет, который посещал меня, есть Свет «Царства не от мира сего». Царем его называл Себя Христос (Ин. 18, 36).

Что, в сущности, происходит? как объясняются подобные события? Наш дух вводится Духом Божиим в сферу сего Царства. При этом останавливается всякое дискурсивное мышление: мы живем новый для нас образ бытия. Нам дается опыт

Видеть Бога как Он есть. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org «быть»: аз есмь. И Апостол Павел, и другие Апостолы: Петр, Иоанн и все последующие богословы Церкви повествуют о познанных ими фактах бытия.

Мне до боли стыдно произносить такие слова, которые могут показаться чрезмерно гордыми, и потому отталкивающими. Но в этом парадокс: я сам живу двойное состояние: мое, мне самому отвратительное ничтожество – одно, и сострадательное снисхождение Бога – другое. Я мыслю так: дары Божии даются каждому без отказа (ср. Мф. 7, 7–11), но по мере жажды и верности Дародателю каждого из нас: одним обильно, другим умеренно. Я знаю себя: я самый обыкновенный человек, нередко по-детски бестолково веселый; излишне говорить об этой очевидности. Но то, что мне было дано от Бога, по Его инициативе, есть нечто аналогичное Апостолам, Отцам Церкви, моим наставникам. В силу этой аналогии данное мне выражается теми же словами, что мы находим в Писаниях Нового Завета и творениях Отцов. Нет сомнений о колоссальной дистанции между Ветхим Заветом и Заветом Христа (см. Мф. 5, 17–48). И все же даже в пределах Моисеева Закона Пророки иногда говорили с подобным апостольскому дерзновением. То же со мною. И в монастыре, и в пустыне мне было дано познать описываемые мною состояния духа. Я не удержал их в полной силе: возвратившись в мир, я утерял постепенно очень многое. Но я помню о них. И дарованное мне там освободило меня духовно от власти людских суждений. Но страх Божий не прекращает сокрушать меня: сие значит, что я не перехожу моей малой меры.

Вот, что мы читаем у Старца Силуана: «Некоторые говорят, что это раньше когда-то было, а теперь все это устарело; но у Господа никогда, ничто не умалется, а только мы изменяемся, делаемся плохими, и так теряем благодать; а кто просит, тому Господь дает все не потому, что мы этого стоим, но потому, что Господь милостив и нас любит» (О смирении).

Мой отъезд со Святой Горы был вынужден обстоятельствами. В Европе я лишался постепенно многого из того, чем была полна моя жизнь на Афоне. Служение людям, как показывает опыт, связано с необходимостью входить в их скорби, их борьбу со страстями и слишком часто примитивными нуждами. К сожалению, это не помогает пребыванию в созерцании и безмолвной молитве. Ход событий убедительно показывает, что на мое возвращение была воля Свыше. Но и при этом я не перестаю печалиться о потере тех даров, которые изливал на меня Господь сверх моих ожиданий.

Действие Света, о котором я пишу, на дух человека свидетельствует о его Божественности: он – несозданный, неизмененный, неудержимый; он – сокровенный, невесомый, неприкосновенный. Недоумеваю – как мыслить или говорить о нем?

Он по природе своей – надмирный. Его схождение на нас есть не иное что, как явление Бога человеку: откровение небесных таинств. Дарованием сего Божественного Света при фаворском преображении утвердилось богопознание. С момента осияния сим Светом Апостолов на фаворе Он вошел в историю нашего мира и стал «неотъемлемым наследием» сменяющимся поколениям верующих во Христа-Бога. Без сего Света Земля пребывала бы вне истинного богопознания. Сей Свет я позволил себе назвать Светом воскресения, исходя из моего личного опыта: пришествием сего Света дух человека вводится в сферу, где нет смерти. Вне осияния сим Светом не постигается, как должно, тайна путей спасения: мир – люди – остались бы во тьме неведения. Отвлеченное богословское образование, даже самое утонченное, не спасает, потому что дает лишь интеллектуальное понятие, но не возносит реально в область Божественного Бытия.

Иногда сей Свет можно уподобить горному облаку, покрывающему вершину, где мы стоим: само облако насыщено светом, но мы не видим ничего, кроме него: весь прочий мир где-то утонул. Так Божий Свет, принося новый образ духовного бытия, скрывает от глаз видение материального мира. Свет сей ровный, целостный; он исполнен глубокого мира. В нем душа созерцает Любовь и Благость Божии. При обильном излиянии человек перестает воспринимать материальность окружающего места и даже своего тела. Больше того: себя самого он видит как свет. Приходит сей Свет тихо, нежно, так, что не замечаешь, как он объел тебя. Не сразу, не внезапно обычно «забывается» мир. Это явление похоже на тихое засыпание здорового человека; но, конечно, это вовсе не сон, а полнота жизни.

По отшествии Света сего, тихом, как пришествие, душа медлительно возвращается к обычному восприятию материальной действительности. В

Видеть Бога как Он есть. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org смягченным сердце – глубокий мир. Дух человека одновременно пребывает и в вышнем Божественном плане, и в земном; однако первое постепенно ослабляется, и в душу приходит некая печаль, чувство сожаления, что несказанно милое прикосновение Божьего Духа умаляется в силе своей, тогда как восстанавливается физическое самоощущение. Благоуханный свет видения – бледнеет, но не исчезает вполне. Однако и самое ослабление порождает тонкое томление о Боге, но молитва течет мирно и от всего существа. Пребывание с Господом убивает страсти: нет тогда влечения ни к славе, ни к богатству, ни к власти, ни к чему земному, неизбежно страстному и всегда отмеченному трагизмом и кратковременностью.

Повторные посещения души благодатию приводят к усмотрению сходства между состоянием созерцания и впечатлением от евангельского слова. Последнее начинает восприниматься как Свет, как животворящая сила, как новый акт творения уже не в виде повеления: «да будет», но как обращение к разумному существу как чаду Небесного Отца, не насильственно зовущее к чудному восхождению в Царство любви Отчей, где нет ни смерти, ни начала, ни конца. Духу нашему дается разумение, что воистину слово Христа исходит «от Отца светов» (Иак. 1, 17–8), который «восхотев, родил нас словом истины». В слове Христа заключена Божественная жизнь, и тот, кто открывает ему сердце до конца, становится богоподобным.

В начале моей монастырской жизни на Афоне Господь даровал мне непрестанную молитву, которая, не умаляясь в силе своей, переходила время от времени с одного предмета на другой. Расскажу о том, что помню достаточно ярко, так как речь идет о молитвах, оставивших неизгладимый след на моем бытии.

Много раз случалось следующее: вечером, по заходе солнца, плотно закрою окно, занавешу тремя занавесками, так, чтобы создать условия наибольшей тишины и темноты... Прикинув лбом к полу келлии, я медленно произносил слова молитвы одно за другим, и терялось всякое ощущение тесноты моей малой комнаты, и ум, забыв тело, чувствовал себя во свете слова евангельского. Сосредоточенный на бездонной премудрости слова Христа, мой дух, свободный от всего вещественного, чувствовал себя подобно тому, как тело под солнцем в зените, залитым всецело сиянием Умного Солнца. Кроткий мир при этом наполнял мою душу, забываящую все нужды и тревоги Земли.

Чем объяснить, что пришествием на нас Света Христова, немногие заповеди Его, будучи написаны на сердце и в уме, сделали бы излишними все законы, включая и закон Моисеев? Это умное видение принимало характер полной несомненности: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим... и ближнего твоего, как самого себя». Господь давал мне жить это состояние, и дух мой жаждал прильнуть к Его ногам в благодарности моей за сей дар (Мф. 22, 37–39).

Повторения такого состояния, не без интервалов, длились месяцами, б.м. годами.

Под влиянием того же Света, молитва за людей в глубокой печали овладевала моим существом. Было ясно, что неизбежные, неисчетные страдания всей вселенной суть следствие отпадения человека от Бога, Создателя нашего, открывшегося нам. Если бы мир возлюбил Христа и Его заповеди, то все преобразилось бы коренным образом, и земля стала бы чудным раем. Слово Писания о первозданном рае при этом видении являлось для меня осязаемой реальностью «данного» момента. Истекшие тысячелетия в плане вечного духа становятся умным видением, вневременным, непротяженным.

«...И поселил Господь человека в саду Едемском, чтобы возделывать его и хранить его» (Быт. 2, 15). Вдохновляющая задача, включающая его, человека, на сотрудничество с Самим Богом в творении мира. Казалось мне, что даваемая мне свобода в молитве в ночной тишине Святой горы есть уже предвосхищение Царства. Достаточно этого пребывания в Боге возлюбленном, чтобы уразуметь значение слов: Рай Божий. От него, Святого святых изошли евангельские слова, носящие абсолютный характер Божественного всеведения.

Когда кончалась молитва, сами собою приходили ко мне слова псалма: «ночь просвещение в сладости моей... яко день просветится» («... тьма не затмит от Тебя, и ночь светла, как день» – Пс. 138, 11–12)

В начале тридцатых годов, когда я был уже дьяконом, в течение двух недель благоволение Божие было на мне. Вечером, когда солнце готово было скрыться

Видеть Бога как Он есть. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org за Олимпийскими горами, я сидел на балконе близ моей келлии, лицом на заходящее светило. В те дни я видел вечерний свет солнца и вместе другой Свет, который нежно окружал меня и тихо проникал в мое сердце, странным образом давая мне испытывать сострадание и любовь к людям, которые обращались со мною сурово; бывало и некоторое неболезненное сочувствие твари вообще. По заходе солнца я входил в мою комнату для совершения правила готовящимся к служению Литургии, и Свет не покидал меня во все время молитвы.

И вот, в один из вечеров подошел ко мне монах отец Ювеналий (Егоров), единственный мой сосед по этажу, и спросил: «Сейчас я читал гимны Св. Симеона Нового Богослова... скажите, как вы понимаете его описания видения им Света нетварного?» До того момента я жил благодарным сердцем находившее на меня благословение Господне, но у меня не было никакого вопроса относительно сего явления, и моя мысль, устремленная к Богу, не возвращалась на меня самого. Чтобы ответить Отцу Ювеналию, я мысленно остановился на происходившем со мною в тот самый час. Пытаясь скрыть себя, я говорил уклончиво: «Не мне судить об опыте Святого Симеона... Но быть может, пребывая в благодатном состоянии, он ощущал ее (благодать) как Свет... Не знаю». Казалось мне, что отец Ювеналий ушел к себе, не заподозрив ничего большего, чем то, что я сказал. Но вскоре после этой короткой беседы я, как обычно, начал мою молитву. Свет и любовь уже не были со мною.

Так снова и снова я познал из горького опыта, что чистая молитва бывает только тогда, когда дух наш всецело погружается в Боге без возврата на себя самого. Странно: беседуя с о. Ювеналием, я не видел движения тщеславия внутри меня... И все же! Но мог ли бы я предвидеть, что продолжение моего видения Света по вечерам и ночам того периода – начало моего священнослужения – не привело бы меня к возношению? Если сия беда стояла на моем пути, то Господь нашел прекрасный способ смирить меня отнятием дара. Да будет Ему слава во веки веков.

Сам Бог, Свет неприступный и Жизнь вечная, пришел в мир, жил с нами в нашей осязаемой плоти, и мир Его не узнал, не принял. Те же, что возлюбили Его пришествие, знают, что через Единородного и они усыновляются Богу, Отцу Вседержителю. Неизъяснимо познается Он в явлении Света благодати, тонком и чутком, утешительном и оживляющем. Вещественное солнце есть прекрасный образ Солнца Любви и Правды. Без лучей видимого солнца не была бы возможною жизнь на нашей планете. Все мы ощущаем благодетельное действие его лучей. Ранее он мне казался нематериальным, но после созерцания Нетварного Света Божества и он, естественный свет, стал для меня грубым, временами агрессивным. Он освещает земную природу, но непосредственно еще не дает нашему духу проникновения в тайны Божественного Бытия. Обратное со Светом Божества: он прежде всего приносит откровение о Царстве Отца Небесного.

По воскресении Своим Христос являлся исключительно тем, кто был способен воспринять Его уже в обоженной и просветленной плоти, пребывая невидимым для прочих людей. Так Свет Нетварный, «вся наполняяй», пребывает незримым для тех, кто не взыскал познать Бога всем существом своим. И опять, любопытная аналогия со светом физическим: он тоже невидим, если не находит воспринимающего и отражающего его предмета. При свете земного солнца природа становится великолепною для глаза. Свет же Божий, осиявший человека, делает его чудным образом преображенным: лица, самые банальные, как бы изуродованные грехом, в покаянной молитве озаряются Светом и видятся молодыми и даже прекрасными.

Снова и снова сердце готово петь славословие Христу-Богу, являющему Себя в нетварном Свете: таким образом неисчислимо могущественный, всему запредельный Он нисходит до нас. Неприкосновенный, непостижимый Свет Его Божества все животворит, объемлет все существующее. К нему не приложимо понятие места, объема, и, однако, не пространственно он присущ повсюду. Озарение сим Светом дает человеку опыт воскресения, как предвкушение грядущего блаженства. Он без слов говорит нашему духу, что «созданный по образу» в последнем осуществлении явится носителем полноты богочеловеческой жизни, будет усовершенным подобием Христу, Бого-человеку. Действием Света сего внутри кающегося раскрывается дивный свет: Персона-Ипостась. И мы познаем, что сему в нас началу свойственно любовью вместить в вечности невыразимо грандиозную и святую жизнь.

Свет Христов есть «энергия» Божества, нетварная, безначальная жизнь Бога

Видеть Бога как Он есть. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org Троицы. Она, энергия-действие, свойственна и Отцу, и Духу Святому. В этом Свете мы познаем и Отца, и Духа Святого, и Сына Единородного. Когда сей Свет благоволением Бога осеняет нас, тогда ипостасное начало в нас из потенциального состояния в рождении нашем актуализируется и становится способным «видеть» Бога (ср. Мф. 5, 8), воспринять Его бытийную силу, богатство жизни Самого Бога. На земле – человек не вмещает абсолютно совершенства Божества, но по действию в нем Духа Святого, он осознает себя связанным с Тем, Кто есть воистину Творец всякой жизни и единый Центр всего сущего.

Опять и опять о том же Свете жизни, которого не поглощает тьма небытия (ср. Ин. 1, 5). Я не живу собою: я весь к Тому, Кого люблю. Он дал мне жизнь, Он же есть моя жизнь. И если так, то что же я есмь?

Велик человек, когда он в Боге Великом. Силою Божией любви он, человек, объемлет весь мир, и сам в некотором смысле является «центром мира». Впервые сия мысль посетила меня, когда Бог даровал мне благодать «смертной памяти». Этот, скорее, негативный опыт в своей наибольшей интенсивности давал мне мой уход в небытие переживать как уничтожение всего космоса во мне: «во мне», с моею смертью, умирает весь род человеческий со всеми страданиями и радостями, стремлениями и познаниями. Больше сего: Сам Бог, еще недоваемый и все же как-то познанный, и Он умирает во мне и для меня. Все тварное и нетварное бытие исчезает в бездонном мраке забвения. Попыты такого состояния были, в сущности, созерцанием «абсолютности» (образ-отражение Абсолюта) ипостасного начала в нас, но под знаком минуса.

Когда же пришел нетварный Свет, свидетельствуя духу моему, что я вне власти смерти, тогда все то, что раньше умирало во мне, действием сего Света сошло со мною.

И пугающий мрак смерти, и тягостное отвращение к самому себе за живущий во мне грех, ощущаемый как разрыв с Богом любви, и горестное безнадёжие о себе самом, и возмущение бессмысленностью бытия вообще, как оно преломлялось ранее в моем сознании, – все сие возрождающей силой покаяния преобразуется коренным образом: становится христоводобным «истощанием». Уподобленные Ему в смерти своей, Духом Святым воздвигаются и возносятся к подобной Его вечной славе (ср. Флп. 2, 7–8; Рим. 6, 5). Так познается Иисус Христос в Его безначальном владычестве и вместе в Его неисповедимом истощании «нас ради человек и нашего ради спасения».

Христос победил мир (Ин. 16, 33). И уже нет никого и ничего, что или кто мог бы ограничить Его господство. Во многом страдании освобождаемся мы от власти над нами всего, ранее пережитого. Обогащенные опытом победы чрез покаяние, мы уподобляемся Единородному Сыну в Его Господстве: ад уже не владеет нами, и мы смотрим на него уже без прежнего ужаса.

Я вовсе не настаиваю, что и Сам Господь Иисус Христос таким же образом переживал Свое «истощание» в Гефсимании и на Голгофе. Но в моем раскаянии пред Ним за все мои духовные преступления так мне было дано разуместь. Почему бы такой человек молился: «Душа Моя скорбит смертельно... Отче Мой, если возможно, да минует Меня чаша сия... И был пот Его, как капли крови, падающие на землю» (Мф. 26, 38–39; Лк. 22, 44)?

Для моего ничтожества было великим и донныне пребывает непрестающим возрастать то, что я испытал. С благоговейным страхом я размышляю: что же видел Он, Мой Господь, чтобы так молиться? Он, беспредельный в Своем Божестве, недостижимый в Своем умалении; безмерный в Своей любви «до конца» (Ин. 13, 1), неприступный в Своей Славе?

Несомненно, мука его была большею, чем всех прочих людей, чтобы быть «мироискупительною страстию».

Воистину Он есть свет, пришедший в мир, дабы всякий верующий в Него не оставался во тьме (ср. Ин. 12, 46).

Явления Света, единого в своей вечной природе, различествуют между собою и по силе, и по образу. Редко в истории Церкви видения Света достигают такой полноты, когда в момент озарения дух человека удостоивается еще и личного откровения Бога. Так было на фаворе, когда Петр, Иаков и Иоанн услышали невещественный голос Отца, свидетельствовавшего о Сыне Возлюбленном. Подобно и Апостолу Павлу, на пути в Дамаск, великим было воссияние и вслед

Видеть Бога как Он есть. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org за ним личная беседа со Христом, удостоверявшая Павла, что тот Бог, Которого он чтит, Который открылся Моисею на Синае, был Он: «Я Иисус, которого ты гонишь» (Деян. 9, 5).

Значительно более часто Свет сей объемлет человека, когда он пребывает в состоянии молитвы поглощающего покаяния, подобного стоянию на грани отчаяния. В начале подвига раскаяния в грехах сей святой Свет дает опыт Божией милости и любви, но еще не носящей беседы лицом к лицу; такой беседы, когда человек действительно в Боге и Бог в нем; когда дух молящегося знает, что явившийся ему – есть Предвечный Владыка всего сущего, Первый и Последний; непостижимый и так тесно близкий; невидимый и осязаемый вместе с тем даже телесно; огнем любви наполняющий сердце, светом разума просвещающий ум. Свет познания, но невыразимого в словах. Впрочем, Сам Он называет Себя «Аз Есмь Сый». Каждый воспринимает эти святейшие слова лишь в меру своего реального опыта. И никто из смертных не может сказать, что он познал «до конца», какое Бытие скрыто за сими словами. Дана однако же нам надежда, настанет такой вечный день, когда Он будет «все во всем» (1 Кор. 15, 28).

О личном начале: в Бытии Божественном и бытии человеческом

Воистину незыблемое основание боговедения дано нам чрез воплощенного Логоса Отца – Иисуса Христа. Влекуемые любовью к Нему, мы претерпеваем глубокое преобразование всего нашего существа. Его беспредельная жизнь передается нам. Наш дух становится на двух противоположных полюсах: с одной стороны – мрачные низины ада, с другой – Царство Бога, озаренное незаходимым Солнцем. Невыразимо расширяется содержание нашего бытия. В безумной молитве душа стремится к сему дивному Богу. Мы ненавидим себя, как мы есть. Пройдет много времени, пока мы поймем, что это Он Сам молится в нас, приобщая нас к Своей безначальной жизни. Чрез сию молитву, богоданную, мы бытийно соединяемся со Христом: сначала в Его неисповедимо таинственном источании и снисхождении даже до преисподней, и затем – в Его Божественном Всемогуществе – «... да знают Тебя, единого истинного Бога, и посланного Тобою Иисуса Христа», – сия есть жизнь вечная (Ин. 17, 3).

Персона-Ипостась [3] в Божественном Бытии не может быть лимитативным принципом. И в нашем тварном бытии ипостась есть начало, воспринимающее в себя беспредельность. Пред нашим ипостасным-личным духом в пределах земли стоит задание: пробить стену времени и преодолеть порог пространственности. Сему духовному событию в нашей данной повседневности имеем некоторую аналогию: авион, переходящий на сверхзвуковую скорость, производит потрясение атмосферы, подобное взрыву. Так дух человека, вступающий в мир Божией вечности, бывает потрясен величием открывшегося ему видения. Вселенная при этом переживает некое изменение в своих судьбах: «Человек родился в мир» – это событие, сообщившее всему мирозданию новую, непреходящую ценность. Человек, как ипостасный дух, принадлежит вечной онтологии. Спасенные во Христе – святые являются носителями Божией вечности: они воспринимают безначальную жизнь, нетварную, в свое неотъемлемое обладание, но по природе своей они все же неизменно остаются тварью.

В духовном мире человечества наблюдается двойное движение. Одно из них – негативное. Грубая форма сего выражается во всевозрастающей динамике падения: в банальном нигилизме и моральном разложении; сублимированная же форма – люциферическая; с нею нас знакомит книга Бытия (3, 5). Сущность сей последней, что тварь, наделенная даром свободы самоопределения, отвергает заповедь Бога: рассматривает ее как некое, налагаемое извне ограничение, стремясь к абсолютному самоутверждению, самообожению.

Другое движение – положительное, восходящее, проявляется как влечение любви к бесконечному соединению с Отцом, «иже на небесех».

В параллель сим замечаем наличие двух противоположных тенденций в сердцах и умах людей. Одни стремятся совлечься земной формы существования: их воображению предносится великий покой таинственного, всетрансцендирующего Не-бытия. Другие же, по слову Христа: «Царство небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его» (Мф. 11, 12), идут на болезненный подвиг преодоления нашей тварной тленности: «мы... не хотим совлечься, но облечься, чтобы смертное поглощено было жизнью» (2 Кор. 5, 4).

Для одних характерно мыслить Перво-Абсолют – сверхличным. Персональность

Видеть Бога как Он есть. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org для них есть в лучшем случае первая ступень деградации, самоограничения Абсолюта. Для вторых – именно персона лежит в основе всего сущего. И сие есть наше христианское боговидение и мировидение. Нам открылся Ипостасный Бог, Творец «неба и земли, и всего видимого и невидимого». Он есть Само-Бытие; Он Первый и Последний: никого и ничего раньше него, ни после него. Сей есть Бог Любви нетленной. Возлюбившим Его обетована полнота богосыновства чрез Единородного Сына Отчего, Иисуса Христа, который сказал: «Я живу, и вы будете жить» (Ин. 14, 19).

Ипостась-Персона есть самый внутренний принцип Абсолютного Бытия – его начальное и конечное измерение: «Я есмь Альфа и Омега, начало и конец, говорит Господь, который есть, и был, и грядет, Вседержитель» (Откр. 1, 8).

Ипостасность Бога ускользает от всякого определения, ибо лежит за пределами всего, что носит на себе печать какой бы то ни было детерминации. Непознаваемая рационально, она познается бытийно и исключительно в меру самооткровения Бога человеку (ср. Мф. 11, 27; Лк. 10, 22; Ин. 17, 26).

И в человеке, образе Личного Бога, принцип персоны – есть самый «сокровенный сердца человек в нетленной красоте... что драгоценно пред Богом» (1 Пет. 3, 4). И тварная персона уходит дальше всяких определений. Научное и философское познание выражается в понятиях и определениях; персона же есть бытие, неуловимое ни для философской, ни для научной форм познания: она, подобно Богу, непознаваема до конца извне, если не открывается сама другой персоне.

Бог есть Бог Сокровенный, и человек внутри имеет утаенные от посторонних глаз глубины. Бог есть начало Бытия, а не человек; [4] но сей последний сотворен с потенциальной возможностью ассимилировать и вечно носить в себе нетварную жизнь Божества.

Христос, «имеющий образ Божественного Бытия» (ср. Флп. 2, 6–7), т.е. по естеству сущий Бог безначальный, в акте воплощения воспринял в Свою Ипостась образ рабского бывания. Человеческая же ипостась претерпевает обожение по благодати, в силу чего осуществляется в ней полнота «образа Божия». В личном, персональном принципе человека заключено, прежде всего, подобие Тому, Кто открылся нам с Именем «Аз есмь». В акте обожения человеческая личность восторгается от измерений и форм земли в измерения и формы Божественной Жизни. Иначе: человек ипостазирует Божественные атрибуты, как: вечность, любовь, свет, премудрость, истина. Становясь Богом по содержанию своего бытия – тварная ипостась, однако, никак не становится Богом для других разумных тварей.

Отцы и Учителя Церкви во все века выражали откровение о нашем подобии Богу, но не все и не всегда с одинаковой силой. Отчасти это оттого, что не все они стояли на том же уровне познания Бога и Человека. Слово о полноте подобия, даже до тождества, смущало тех, которые понимали сие как слияние с Богом до неразличимости. Между Богом и Человеком вечно пребывает онтологическая дистанция: Бог – никем и ничем не обусловленное Перво-Бытие, люди же – творение Его. Но в акте творения «по образу Своему и по подобию» Создатель наш, в сущности, повторяет Себя, и в этом смысле является нашим «Отцом». Не сей ли факт имел в виду Господь, давая нам молитву «Отче наш»? Чрез воплощение Свое предвечный Логос Отца дает нам причащаться Его Крови и Плоти, чтобы таким путем влить в наши жилы Его безначальную Жизнь; чтобы мы стали Его детьми, плоть от Плоти Его, и кость от Кости Его.

Христос явил нам совершенство образа Божия в человеке и возможность для нашей природы освоить полноту обожения настолько, что Он, Христос, по вознесении Своем посадил «одесную Отца» естество наше. Но даже и в Нем наше естество не стало единым с Сущностью нетварного Бога. Во Христе, воплощенном Сыне Отчем, созерцаем мы предвечную идею Бога о человеке.

Откровение – «Аз есмь сущий» (Бытие – это Я), показывает, что ипостасное измерение в Божестве имеет основоположное значение. Принцип Персоны в Боге не есть отвлеченное понятие, но сущностная реальность, обладающая Своею Природою и Энергией жизни. Сущность не есть первенствующий и даже преимущественный момент, определяющий Персоны-Ипостаси в их взаимоотношениях. В Божественном Бытии нет ничего, что было бы внеипостасным принципом. Неисследима глубина тайны Божественных Персон. Их самоопределение в вечности является безначальным фактом: не было такого момента, когда Отец не имел бы Сына и не изводил бы Святого Духа. Начало

Видеть Бога как Он есть. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org всему – Отец, Который в предвечном рождении Сына сообщает Ему всю полноту Своей Природы, Сущности. То же и в исхождении Святого Духа. Откуда утверждение, что и Сын и Святой Дух совершенно равны Отцу.

Воплощенный Логос Отца – Христос-Человек – нам более понятен чрез слово, которое Он имеет от Отца и которое Он передал нам (ср. Ин. 17, 8). Мы знаем Его земную жизнь чрез Евангельское благовестие; чрез духовное предание о Нем. Собою Он явил нам «Отца Своего и Отца нашего» (ср. Ин. 20, 17). Медлительнее приходит ведение Духа Святого как Лица. Сей непрестанно оживотворяет не только Церковь и детей Ее, но и весь мир, всю тварь. Он излечивает нас от последствий падения; Он перерождает нас и освящает. Но все совершает незримым образом, как некий скрывающийся чудный Друг, не хотящий обременить благодарностью к нему, ибо ведает, что в нашем данном состоянии благородное чувство благодарности становится бременем. Великое блаженство узнать Его приходит постепенно, по мере того как в нас, при Его содействии, раскрывается ипостасное начало, в силу чего мы начинаем воспринимать все: и Божественное Перво-Бытие, и бытие космическое – иным образом, свойственным человеку-персоне, осуществленному образу Того, Кто открылся нам под именем – «Аз есмь».

Персона есть Тот, Кто единственно и подлинно живет. Вне сего живого начала ничто не может быть: «В нем жизнь, и жизнь была свет человеков» (Ин. 1, 4). Существенное содержание сей жизни – Любовь: «Бог есть любовь» (1 Ин. 4, 8). Встречей в любви с другою или другими персонами реализует себя персональное существо. Исходя из чудного Откровения «Аз есмь сый», и человека, созданного, «по образу и по подобию», мы живем прежде всего как персональное существо. Именно сему началу в нас предлежит вечность. Оно, и только оно, обладает способностью познавать Свой первообраз – Живого Бога. Человек более чем микрокосм, он микротеос: будучи тварью, он получил заповедь стать подобным Богу (св. Василий Великий). Если Творец во всем уподобился человеку (ср. Евр. 2, 17), то значит и человек создан с возможностью во всем стать подобным Богу: «Будем подобны Ему, потому что увидим Его, как Он есть» (1 Ин. 3, 2).

В наивысшем, доступном нашему естеству напряжении молитвы, когда Сам Бог молится в нас, человеку дается вышеобразное боговидение. Тогда человек-персона действительно молится «лицом к Лицу» Безначального. В этой встрече с Персоной Бога актуализируется в нас то, что в начале было лишь потенцией – персона.

Влекуемые Духом Бога к молитве за весь мир, к участию в молитве Господа в Гефсимании, мы вдруг видим в самих себе Божие чудо: внутрь нас восходит духовное солнце, имя которому «лицо» (персона). Это есть начало в нас новой формы бытия, уже бессмертного. Мы воспринимаем при этом не поверхностно, рассудочно, но в недрах нашего бытия Откровение Ипостасного принципа в Святой Троице. Нам предстает во Свете величайшая тайна Безначального Бытия: Бог Личный, Живой; Единый в Троице Лиц; Бог любви, единственно истинный.

Пишу историю моей души. Мне самому дорого обошлись заблуждения, которыми я увлекался около семи-восьми лет. По-человечески рассуждая, я не смог бы своею силой выбраться из бездонности трансцендентизма восточного видения: Сверх-Личного Абсолюта. В молодости моей по телу и разуму сия философия представилась моему уму как исполненная величия, превосходящего христианскую эмоциональную душевность: «люби Бога и ближнего». Самое слово персона в то время в моем сознании было идентичным понятию индивидуума. Не безумно ли переносить это измерение на Абсолютное Бытие? – думал я.

Когда же по дару Свыше мне было дано уразуметь онтологическое место принципа Персоны в Божественном Бытии, тогда, естественно, все переменялось и предстало в обратной перспективе: мы, тварь; как персоны мы создаемся потенциально, не актуально. Я не есмь Перво-Бытие, но тварный образ Его. Евангельскими заповедями я призываюсь актуализировать, реализовать мое персональное богоподобие; стать личностью-ипостасью, преодолев лимитацию индивидуума, который никак не может унаследовать Божественный образ бытия.

Бог наш есть дух всеведущий, вездесущий: «... нет ничего сокровенного, что не открылось бы, и тайного, что не было бы узнано... ни одна из птиц не упадет на землю без воли Отца вашего. У вас же и волосы на голове все сочтены» (Мф. 10, 26–30); «... нет твари, сокровенной от него, но все обнажено и открыто пред очами Его...» (Евр. 4, 13). Мы не постигаем сего рода знания: непосредственного, безпроцессуального, всецелого. Но мы веруем

Видеть Бога как Он есть. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org в благой Промысл Бога о нас; в течение лет усердного подвига жить по воле Его, мы не раз убедимся математически точному Провидению Бога о нас.

Если бы Бог не был Существом Персональным, то и мы, образ Его, тоже не могли бы войти в ипостасную форму бытия; да и самая персональность наша являлась бы не более, чем эпифеноменом. Но в силу того факта, что персона в нас рождается в вышеестественной молитве лицом к Лицу Живого Бога, она, персона, не подвластна природным стихиям: она трансцендирует земные пределы и движется в сфере иных измерений. Единственная и единичная, неповторимая и несводимая ни на что другое, она не подлежит арифметическому счету.

Абсолютное Перво-Бытие – Ипостасно; и человек, подобие Абсолюта, есть личность-ипостась. Бог есть Дух; и человек-персона – дух. И дух сей не абстрактный, отрешенный, ибо он обладает своей природой. В земном плане он конкретизируется плотью, с которой проходит свой первый опыт бытия. Бог-Слово воспринял на Себя человеческую плоть (Ин. 1, 14) и тем показал, что Он не есть вымысел нашего рассудка, ни порождение нашего воображения, возбужденного мистическим страхом пред неведомыми, враждебными нам силами. Бог есть Первая сущностная Реальность; и человеческая личность также есть сущностная жизнь.

Персоне, образу Бога любви, свойственны отношения любви. Она не определяется оппозиционно, чрез противопоставление себя тому, что «не Я». Любовь есть самое внутреннее содержание и наилучшее выражение ее сущности. Объемля в молитвенной любви весь мир, она является единством всего существующего *ad intra*. В творческом акте своего становления она стремится к всеобщему единству и *ad extra*. В любви ее подобие Богу, который есть любовь (1 Ин. 4, 16).

Творец мира, Господь, в Своей длани содержит все сущее; и человек-персона есть некий центр, способный вместить в себе не только множественность космических реальностей, но и больше сего: всю полноту Бого-человеческого бытия. Сама в себе персона есть непреходящая ценность, большая чем весь остальной космос. В своей радости обретения свободы бессмертия – она созерцает новый образ бытия.

Рожденный Богом в молитве – человек никогда не бывает один. Персона не знает одиночества: она всегда в присутствии Вездесущего Бога. Прежде, чем она достигнет своей полноты, она иногда «терпит» Его с великим трудом, подобно Моисею, который «Невидимого, яко видя терпяше» (ср. Евр. 11, 27). В иное же время она бывает исполнена тихой и мирной радости, сознавая себя в руках Святого Хранителя.

Человек-персона не знает одиночества еще и потому, что в какой бы пустыне он ни был, он молится за весь мир, будь сей в страданиях или довольстве.

Пусть еще лишь «отчасти» (ср. 1 Кор. 13, 9), но все же и во мне Христос, за молитвы Отца моего Старца Силуана, раскрыл таинство персоны. Я пережил многолетний период отчаянной молитвы, Господь не возгнушался мною и милостиво нисходил даже до меня. Вначале воздействовало на меня Его евангельское слово. Оно, сие, от Отца исходящее слово (ср. Ин. 7, 16–17; 17, 14; 17, 17), своими корнями входило в сердце мое, разрывая его очерстневшую ткань. В болезнях рождалась моя новая жизнь. Первое время я был один: еще вне Церкви. Я ничего не знал тогда, но невидимый огонь пожигал меня, и душа в великой скорби тянулась к Могущему спасти меня. Где-то теплилась смутная надежда, побеждавшая страх вступить на болезненный путь. Сия болезнь, о которой я пытаюсь говорить, свята для меня. Странное чудо, она, болезненность сердца, приводила моментами мой дух в восторг: я удивлялся – как Бог сотворил мою природу, способную к страданиям, чрез которые мне раскрывались неведомые прежде глубины молитвы. Были моменты, когда, сжимаясь от сильной боли, я тихим голосом, но «кричал» в изумлении: «Слава Тебе, Премудрому Творцу...» Молитва выносила меня из тесного, как тюремная камера, мира, и дух мой жил в свободе беспредельности Бога моего. Без этих страданий я никогда бы не понял, о какой любви говорил Господь: «идет князь мира сего, и во Мне не имеет ничего. Но чтобы мир знал, что я люблю Отца, и, как заповедал Мне Отец, так и творю...» (Ин. 14, 30–31).

Если бы заповеданная в Евангелии любовь была нам естественна в нашем падении, то излишним было бы призывать: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим... возлюби ближнего твоего, как самого себя» (Мф. 22, 37–39). Когда же та любовь

Видеть Бога как Он есть. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org прикасается к сердцу, тогда дух наш во Свете видит Бога, и живет Им и в Нем. Он превосходит всякую человеческую мысль. К Нему не приложимо ни одно из наших отвлеченных понятий. Он – Живой. Его могущество неисчислимо; Его любовь неисповедима. Жить с Ним есть неизреченное богатство. В свое время, будучи живописцем, я не находил удовлетворения, потому что имевшиеся в моем распоряжении средства были бессильны выразить явленную в творении красоту. Теперь же все мои слова для выявления моего удивления Богу до конца ничтожны.

Великое лишение быть слепым. Но нет большего горя, нет острее болезни, чем не знать Бога.

Если «человек Христос Иисус» (1 Тим. 20, 5), предавший себя волею для искупления всех, молился Отцу: «Отче Мой! если не может чаша сия миновать Меня, чтобы Мне не пить ее; да будет воля Твоя» (Мф. 26, 42), то что мы, малодушные, можем сказать о самих себе? «чаша сия» – какая чаша? Что видел он в Своей молитве, чтобы выразиться таким образом? Объем Его видения мы не достигаем; Тайна Его сознания лишь отчасти раскрывается верующим, когда им бывает дано приблизиться к тем неопределимым граням. Люди исключительного мужества – Отцы наши, уходившие в пустыни, в далеком от мира одиночестве рыдали, конечно, не потому, что лишались чего-то земного, но потому, что пред ними раскрывались потрясающие бездны, о которых невозможно поведать на обыденном языке. Кто пребывал в этих состояниях, тот знает, что он доведен до последних пределов, доступных человеку. И все же – это еще не конец: «Еще раз поколеблю не только землю, но и небо. Слова: „еще раз“ означают изменение колеблемого, как сотворенного, чтобы пребыло непоколебимое» (Евр. 12, 26–27), как обоженное. Когда мы мыслим о сем новом испытании всего тварного и колеблемого, то никак не можем мы быть уверенными в самих себе до конца. Сознание нашей тварной хрупкости пребывает с нами всегда, кроме исключительных моментов нисходящего на нас Света, когда мы предвосхищаем Царство Святого Отца нашего (ср. Мф. 16, 28).

В основе нашего подвига лежит стяжать смиренную любовь Христову. Когда сей Дух – любви Христовой – входит внутрь нас, тогда душа наша жаждет спасения для всех людей. В ужасе созерцает она, что далеко не все желают себе того, чего мы просим для них в молитвах наших. Больше того: в них мы встречаем отказ и даже вражду. И как возможно спасти человека в таком извращении? Мы живем в эпоху, когда очевидную, в силу событий нашего века, становится трагедия падения нашего. Вот, сейчас моя мысль возвращается на себя самого, и что же я вижу? Более полувека я молился иногда до глубокого плача, по временам до безумия отчаяния – о мире всего мира и о спасении, если возможно, всех. И до сего дня, в старости моей, непрестанно стою пред злом, все возрастающим в своей динамике. Конец земной истории человечества становится «научно» мыслим; завтра, б.м., уже технически осуществим. Глубоко иррациональный характер событий наших дней приводит нас в полное недоумение. Мы ищем разума в слове Божиим, и среди многого находим и следующее: «...услышите о войнах и смятениях; не ужасайтесь – ибо сему надлежит быть... на земле уныние народов... люди будут издыхать от страха и ожидания грядущих на вселенную бедствий; ибо силы небесные поколеблются... Когда же начнет сие сбываться, тогда восклонитесь и поднимите головы ваши, потому что приближается избавление ваше» (Лк. гл. 21). И еще, и снова: «поколеблю не только землю, но и небо». Так во всем Господь зовет нас на грандиозную брань за овладение Царствием непоколебимым. Понятно, что такое Евангелие пришло к нам не от человека; и по измерениям своим – оно не по человеку (ср. Гал. 1, 11–12).

Что же сотворим мы, если таково положение? Отчаемся и отпадем от «вечного Евангелия»? (Откр. 14, 6). И если отпадем, то что удовлетворит иное во всем мироздании? Воистину, нет положительно ничего, что могло бы разлучить нас с Ним, каким бы тяжелым ни был наш подвиг (ср. Рим. 8, 35–39). Он открыл нам глаза на беспредельность и уже невозможно снова закрыть их и предпочесть слепоту младенчества: «Держайте, Я победил мир», – сказал Господь (Ин. 16, 33; ср. 1 Кор. 13, 11).

Вот, мы стоим пред Живым Абсолютом. Именно сего, и только сего мы и ищем.

Живой опыт персоны редко дается людям в этом мире: он приходит чрез хриstopодобную молитву за весь мир, как за «самого себя», согласно с заповедью: «Возлюби ближнего твоего, как самого себя» (Мф. 12, 31). Вводимый действием Духа Святого в такую молитву – человек бытийно живет образ Троицы. В такой молитве переживается единосущие человеческого

Видеть Бога как Он есть. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org рода. В этой молитве раскрывается нам онтологический смысл «второй заповеди»: весь Адам становится единым Человеком – Человечеством.

Все, что ниже сего, ниже и евангельской заповеди. Не без основания можно сказать, что заключенная в заповедях Христа реальность остается в историческом христианстве не вполне осуществленной. В своем бытийном достоинстве христианство превосходит разумение тех, что по лени своей не восхотели обрести святое боговедение, которое и есть вечная жизнь (ср. Ин. 17, 3).

Люди ищут Истину; весьма многие любят Христа, но слишком часто они пытаются свести Евангелие на уровень моралистической доктрины. Забываются наставления Христа, что только соблюдающий слово Его постигает, откуда оно: от человека ли, или от Отца Небесного (ср. Ин. 7, 17). Чтобы воистину проникнуться боготворящею силою Евангельского благовестия, нужно трудиться значительно больше, чем для приобретения житейско-практических или научных познаний. Ни чтение огромного количества книг, ни знакомство с историей христианства и других религий, ни изучение различных богословских систем и подобное, не приводит к искомой цели: спасению чрез познание единого истинного Бога и посланного Им Иисуса Христа (ср. Ин. 17, 3). Вековой опыт академического богословия убедительно показал, что возможны случаи обладания обширной эрудицией в научном богословии при отсутствии живой веры, т.е., в действительности, при полном неведении Бога. В таких случаях богословие становится интеллектуальной профессией, наподобие юриспруденции, различной в каждой стране, как различно богословие во множестве разделенных между собою конфессий.

Наше познание – есть результат Откровения Свыше: «В начале было Слово... и Слово было Бог». Для многих представителей современной науки – «в начале был атом водорода», и из него, эволюционным путем, в течение энного числа миллиардов лет возникло все, что существует ныне. Наука еще не поставила пред собою вопроса: что же было до возникновения сего мира? Кто с таким невероятным знанием дела приготовил столь удивительный «биг банг»? Чем по существу является время и пространство, с его галактиками, и подобное? Нам представляется абсурдной идея, что из «случайных» комбинаций, неожиданных для самого перво-атома, могла возникнуть человеческая мысль, с ее исканиями «первоначала». Неприемлема идея, что водородный атом является первичным само-бытием. В состояниях наивысшей восприимчивости – мы получили извещение о Бытии особого порядка, не имеющем для Себя никакой внешней причины, ни начала, ни конца. Раскрыть достоверно глубинный характер сего Бытия своими усилиями – мы не можем. Но нам свойственно стремление к нему; и на вопрос: «Что есть Бытие?» – мы получили ответ: «Аз есмь бытие». Не «что», а «кто». И Сей, Кто вступает в общение с нами, живое, нами создаваемое.

Сие Персональное Бытие, никем и ничем не обусловленное, Само Себя во всем поглощающее, – Виновник нашего явления в мир. Откровение, что сие Бытие персонально, делает очевидным, что и познание о Нем, лучше – Его, может быть лишь чрез персональное общение Его с нами, как персонами. В моменты бытийного общения с ним – Он Сам сообщает нам познание о Себе, показывая нам Себя чрез Свои действия внутри нас.

Опять и опять не лишне повторить, что наше познание безначального Абсолюта, открывшегося нам как Бытие Персональное, носит характер персональный, бытийный, неотвлеченный. Попытаемся выразить сие в иной терминологии. В обычном ходе мышления о познании различаются – познающий субъект и познаваемый объект. В нашем же понимании о познании Бога устранен процесс объективации познаваемого, ибо Он всегда познается «в союзе любви», в состоянии чистой молитвы. Наша тварная персона Духом Святым вводится в сферу не-тварного Божественного Бытия таким образом, что мы воспринимаем Бога внутри нас как нашу жизнь.

В этом кардинальное различие между научным познанием и познанием духовным. Последнее понимается как совместное существование, как спайка в самом бытии: познание есть «со-бытие».

Чистая молитва – вот вернейший путь к познанию Бога. Молящийся обнажает себя от всех своих внешних познаний и обладающих им образов, чтобы преклонившись пред Тем, Кто в начале всего, воспринять исходящую от Него жизнь. Он без слов, «воздыханиями неизреченными» (Рим. 8, 26) умоляет Бога, еще неведомого, спасти его, что в конечном смысле значит: принять Его дух для вечного пребывания с Ним. Его моление включается в тысячелетнее

Видеть Бога как Он есть. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org стенание всей твари; крики его вливаются в единый хор вселенной, взывающей о спасении. Описывать сию молитву – невозможно: она не воплощается в слова наши. Страдание, которое лежит в основании ее, тяжелее и самих вздыханий.

Голод познания в пределах сего земного бывания – ненасытим. Неясный вначале смысл молитвы сей в известный единому Богу час прелагается в радостное сознание Его призыва: Он Сам, силою Своею влечет нас к восхождению к Нему. Сей восход дивный, при всем страдальческом напряжении нашего существа, переживается как блаженный избыток изливающейся на нас Новой Жизни. Когда наш дух становится весь – молитвою, тогда бывает он способен восчувствовать дыхание Божией Вечности. В великих муках покаяния рождается человек для «непоколебимого Царства». И об этом событии «бывает радость у Ангелов Божиих» на небесах (Лк. 15, 10).

Имя Бога – «Аз есмь Сый». Для человека, образа Всевышнего, сие слово «Аз» – одно из самых драгоценных, потому что выявляет принцип Персоны в Нас. Вне сего начала – все становится бессмысленным, не-сущим, ибо Сущий непременно «Аз». Каждый из нас да хранит свое персональное достоинство: в нем и только в нем богатство и красота нашего бытия. В условиях данного нам исторического существования – борьба за осуществление высокой идеи нашего Творца и Бога о нас совсем не легка. Господь даровал нам свет откровения Персоны, но мы родились и оставлены жить в громоздкой массе индивидов, которым свойственен эгоизм и самолюбие. Персоне же дано обнять всю тварь в пламени любви Христовой. Мы и связаны с этим миром, как он есть, после падения и вместе с тем вынуждаемся бороться за нашу свободу в Боге. Современная цивилизация индивидуалистическая по роду своему. Культивируется в людях индивидуализм во всех его страстных проявлениях. Особенно ярко это сказывается в области искусства: прославляются гении, создатели (первопричина) того или иного особенного стиля. Иными словами – ценится оригинальность, индивидуальность артиста. По сему принципу строится наше социальное общество. Но собрание индивидов, по существу своему, есть состояние падения с его безысходным трагизмом. Культ падения ведет к отчуждению от Бога: снижается человек омрачением в нем образа Божия. Обратное сему – собор персон: «соль земли и свет миру». Осуществляется сие в Церкви Христовой; с особенной силой в литургическом акте: именно там является образ Пресвятой Троицы. Всем содержанием Божественной Литургии священнослужитель призывается к тому, чтобы приносить Богу служение, свойственное персоне: в духе Гефсиманской молитвы Христа.

Персону в Божественном Бытии мы не мыслим как статическое замкнутое начало. Это было бы возможным в перспективе генотеизма Ислама и даже в пределах Ветхого Завета, но никак не в открывшейся нам Троице, Троиединстве которой есть Бытие предельно динамическое. Сию динамику мы научились видеть в Любви, которая является самым глубоким моментом факта вечного самоопределения Лиц Святой Троицы. Мы не говорим, что Любовь есть Сущность Божества, но что она выражает сию последнюю более, чем что-либо иное (ср. 1 Ин. 4, 8). Сущность несообщима твари и потому пребывает вечно непознаваемой. Все, что несообщимо разумным тварям, не познаваемо. Энергия же Божественной Любви изливается на сотворенных «по образу», и стяжание ее заповедано нам.

В Божественном Бытии момент, выявляющий Сущность, именуется Акт – Энергия. Сообщение нам нетварной Энергии совершает наше уподобление Творцу: обожает нас. Любовь, как изначальная и непреложная жизнь Троиединого Бога, своим вселением в нас делает нас не только бессмертными, в смысле непрекращающегося во веки существования, но и «безначальными», ибо безначальна сама внутритроичная Любовь. Несозданный Свет, нисходя на человека, дает ему живой опыт сей Любви. Ее воздействие преодолевает поразившую нас смерть и переживается как воскресение из мертвых в новую жизнь, уже безначальную. При этом отымается от нас чувство нашего земного происхождения.

Сей опыт, однако, есть только некоторое предвкушение обетованного обожения; опыт, как вдохновляющий нас призыв на подвиг, а не уже заверченный акт обожения. Сей дар благодати обогащает нас сознанием о том, «что Бог приготовил любящим его» (1 кор. 2, 9), но он, дар, еще не является вполне стяжанием нашим и может быть отнят, как «неправедное богатство» (ср. Лк. 16, 11–12). Даже внимательный подвижник не всегда пребывает в равной силе благодати. После периода посещений она – благодать – может умяляться, и тогда мы снова бываем покрыты некою тенью.

Видеть Бога как Он есть. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org
Но познание остается как память в душе.

Различая в явленном нам Божестве – Ипостасный принцип, Сущность и Энергию – мы вовсе не мыслим Его, Божество, составленным из нескольких элементов. Божественное Бытие – Живой Бог, а не отвлеченное философское понятие «чистого бытия». Живой Бог, потому что Ипостасный. И живет, в сущности, сей принцип, т.е. Персона. Ипостась не есть некая отвлеченная идея. Нет. Она имеет Свою Природу, Свою Энергию, и сие есть Единое Бытие. Сущность, или Природу, мы не рассматриваем как «объективный» момент в Божестве. Если когда и говорим об этой стороне Божественного Бытия, как об объективном аспекте, то исключительно в том смысле, что Сущность и Энергии, как Божественная Жизнь в ее абсолютной полноте, есть обладание не одной из Ипостасей Троицы, но в равной мере всех трех.

Сущность совершенно тождественна Персональному Началу в Боге; она заключена в Лицах; никакого «отдельного» существования от Лиц или вне Лиц – она не имеет. В Божественном Бытии, до конца персональном, самоопределение Божественных Ипостасей исходит из самих Ипостасей и никак не предопределяется, называется Сущностью.

В нашей тварной жизни действительно мы видим, что естество, или природа наша, еще не составляет полного тождества с персональным началом. Больше того: мы, как персоны, находимся в напряженном противоречии с некоторыми проявлениями нашей природы. Рождаемся мы как персоны лишь потенциально. Когда сие начало в нас достигает известного развития, тогда начинаются конфликты между нашей личностью в ее самоопределении и позывами нашей падшей природы. Она не ипостасирована нами в полноте, так что возможно говорить о ее относительной объективности. Она никогда не проявляется вне конкретных индивидов.

Расхождение между естеством и личностью в нас мы не переносим на Бога. И в нашем конечном завершении должно установиться полное тождество природы и личности, иначе было бы невозможным обожение наше в целостность нашего бытия. Мы уверовали, что Господь вознесся на небо, не разлучившись с человеческим естеством. В вечности – Он в двух природах, которые не преложились одна в другую, но Он Господь в гармоническом сочетании двух природ. Так и с нами должно быть: мы сохраняем наше естество по смерти, благодать же Божия соединяется с нами так тесно, что мы тоже будем в целостной гармонии нашей вечной жизни.

«Аз есмь Сый». Сей Аз есть сущностное Бытие. Пророки (Исаия и Иеремия) прекрасно выразили сие: «живу Аз». И Апостол Павел повторил то же самое (Ис. 49, 18; Иер. 22, 24; 46, 18. Рим. 14, 11). Все в этом Аз. И мы имеем обетование персональной вечности: «Я живу, и вы будете жить» (как персоны, Петр, Иоанн, Андрей), – сказал Господь (Ин. 14, 19). По исходе отсюда наш персональный дух сохранится именно как таковой, и не вольется в океан сверхличного абсолюта, как некая капля, или подобно тому, как наше дыхание сливается с атмосферой и растворяется в ней.

Бог создал естество наше, и, конечно, Он единый знает пределы его возможностей. Наши ипостаси поставляются в данной природной стихии. Мы же не знаем ее как должно. Она постепенно раскрывается нам, становясь содержанием личности, призванной к всецелому обладанию своей природой. В своей финальной актуализации тварная ипостась также явится носителем полноты этой природы, которая задумана Творцом способною вместить полноту богочеловеческого бытия. Христос, Который и есть мера человека, явил сие в Своем вознесении. Даже в Нем тварное естество не преложилось в безначальную Сущность Божества, и все же во Христе человеческое естество восприняло неумаленную полноту Божества, – настолько, что в Его Лице оно посажено одесную Бога-Отца.

Пред нами стоит задание: в условиях, созданных падением, реализовать бессмертное бытие нашей личности. Процесс сей необычайно сложен. Опыт показывает, что в силу первородного греха природа наша претерпела сущностный вред. Создалось парадоксальное положение: будучи нашей природой, она стоит в некотором противоречии с нашим личным началом, когда сие стремится, следованием заповедям Евангелия, исцелить себя во всех планах нашего существа: сделать совершенно «целым» разбитое в падении естество. Духовная динамика нашей личности, при содействии благодати, лишь молитвою преодолевает все ограничения, налагаемые на нас не только косностью нашей природы, но и вообще космическими силами. Жить в этом мире

Видеть Бога как Он есть. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org
согласно учению Христа – значит непрестанно бороться со страстями,
препятствующими стяжанию вечной жизни во Свете Бога и Отца нашего.

«Я есмь путь и истина и жизнь» (Ин. 14, 6). В тех пределах, в которых нам дано познать Иисуса Христа, молящегося в Гефсимании, умирающего на кресте, сходящего во ад, воскресшего и вознесшегося на небо, сидящего одесную Отца, ниспославшего Духа Святого, от Отца исходящего, в «наследие неотъемлемое верным», – мы знаем, что нет никого иного, кто превзошел бы Его в каком бы то ни было плане (ср. Флп. 2, 9–11; Еф. 1, 10). Так воспринимал я вещи в те благословенные дни, когда Господь соблаговолил возродить меня в любви Своей. Так и донныне, с той лишь разницей, что по мере углубления опыта – возрастает ясность видения. Чрез веру я смотрел на мое будущее, как на предстоящий мне экзамен, единственно важный для всякого человека. О, как я страшился и всегда страшусь провалиться на этом испытании пред Лицом возлюбленного Бога. Не будет ли чрезмерно дерзким для меня, такого, как я есмь, сказать, что «Отец привлек меня к Сыну Своему» (ср. Ин. 6, 44–65; Гал. 1, 15–16)? Куда бы не устремлялся дух мой в беспредельности Божией, какой бы вообще не вставал предо мною вопрос, Он, Единородный Сын, бывал и остается для меня путеводной звездой. Чрез Него я познал Отца. По Его указаниям я научился узнавать Духа Святого. А Сей последний давал мне ощущать всем моим существом, что и я обрел Перво-Истину (ср. Ин. 16, 13–14; Гал. 1, 15–16). Единственной заботой моей по обретении – было осуществить сию дивную Истину в жизни моей. Не достигая сей святой цели, я пребывал в таком горе, выразить которого я не смогу. Зная мое порочное прошлое, я до конца сокрушался сознанием моего недостойнства. Я годами рыдал от этой скорби. Моя грудь истомлялась неудержимыми вздохами сердца. И откуда явилась во мне такая сила? Те, что не согрешили, подобно мне, – не поймут меня. Но если подумают, что я преувеличиваю, то ошибутся. Нет большего несчастья, чем оскорбить любовь Святого святых. Сердце мое бывало, как разогретый воск. Но его, сердца, боль была странно животворной: некая скверная смерть поедалась горячими слезами, подобно тому, как известные химические и биологические средства поедают на давно ношенной одежде накопившуюся нечисть.

Человек-персона для себя самого выявляется в акте самосознания, самоопределения, в обладании способностью познавать не только мир тварных вещей, но и Божественное Бытие, т.е. Самого Творца. Он полнее сознает себя в пламени любви, соединяющей его с возлюбленным Богом. Любовь, соединяя его с Богом свойственным ей образом, дает ему познание Бога. Персональному началу в нас открывается Бог во свете и как Свет; в горении любви и как Любовь. В состоянии озарения Свыше созерцает человек евангельскую истину, как отражение жизни Самого безначального Бога в плане нашей Земли. В явлении нетварного Света познается слава Христа, как Единородного от Отца. Сей нетварный Свет являлся в веках тем, кто воспринял глубокой и несомненной верою Христа как Бога. Свет сей есть Энергия Божия, и как таковая, он есть Единый Свет Святой Троицы, Он, сей Свет, исходит от Отца; он есть Свет безначального Отцу Логоса; он есть действие внутри нас Духа Святого. Его, Света, снисхождение на нас является как бы «личным откровением» тем, кто удостоился сей благодати. В силу этого благоволения Отца Небесного, Писания Нового Завета предстают духовному зрению в их неизменной в веках актуальности. Исчезает ощущение, что слово сие было дано когда-то в прошлом; оно несет в себе вечность, объемлющую всю протяженность времен (ср. Мф. 24, 35).

Личное откровение о Надмирном Бытии может прийти как бы внезапно, подобно блеску молнии. Но воспринятое внезапно, оно все же усваивается постепенно, в длительном процессе молитвенного подвига. С первого прикосновения светоносной благодати существенное содержание явленного познания бывает внутренне ясным; в душе нет потребности изъяснения переживаемого в рациональных понятиях: она удивляется благодати Божией и всецело заполнена присутствием Духа Божественного в ней. Когда же Свет сей отступит от души, тогда тихий восторг ее сменяется печалью, и естественно растет жажда более совершенного, т.е. непреложного и неотъемлемого единения с возлюбленным Богом.

Первый, кому открылся Абсолютный Бог как персона – был Моисей. Но и его исключительный гений не смог воспринять всей глубины явленного ему «Аз есмь» (ср. Исх. 33, 23). Из истории Богооткровенной религии Ветхого Завета мы видим, что ни один пророк не достиг всей полноты, свойственной персональному началу. Образ сего бытия с великой силой был явлен миру Христом. Но далеко не все уразумели его, как должно. Даже в христианской

Видеть Бога как Он есть. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org исторической Церкви этой формы бытия достигали лишь единицы на поколения. Редки сии герои веры, но их влияние распространяется на все множество членов Церкви. Следуя за избранниками Бога Вышнего, не поддающееся учету число благочестивых подвижников становилось в ту же перспективу, хотя и не достигали ее вершин. Так я рассматриваю себя самого. Старец Силуан был на моем жизненном пути важнейшим событием: благодаря ему я так близко в течение ряда лет был зрителем, и даже учеником, подлинно христианской жизни. Его молитвам обязан я несравненно более, чем всем другим моим наставникам. А среди них было несколько выдающихся представителей нашей Церкви: облагодатствованных аскетов, в монастырях и в пустыни; епископов и священников; также и профессоров богословской школы.

Старцу Силуану в начале его монастырской жизни явил Себя Господь в великом Свете, как я пытаюсь описать сие событие в моей о нем книге. Тогда «познал он Бога Духом Святым»; тогда ему было дано насладиться «неописуемым Христовым смирением», и он стал молиться за весь мир, как за самого себя. Нет нужды говорить, что это духовное состояние идет далеко за пределы человеческой этики; что ему, Старцу, дано было жить в сфере сего Света, дышать воздухом горнего мира.

Процесс моего роста был медлительным, по сравнению с ним. Но и то, что я получил, – незаслуженно велико для меня. Позднее, уже в пустыне, моему духу-уму в молитве пришло уразумение онтологического места персонального начала в Бытии Божественном и человеческом.

Да не покажется противоречивым, что в одиночестве пустыни я глубже осознал Ипостасное Начало. Уверен, что это было следствием моего стремления все жить во Христе, чрез Его Ипостась. Без него я не знаю ни Бога, ни Человека. В пустыне же более, чем в других местах, и мне бывала дана молитва за весь мир, за все человечество, за всего Адама. Чрез молитву «весь Адам» перестает быть продуктом усилий воображения: становится конкретной реальностью, действенным содержанием созерцания. Глубокому состраданию всему человечеству содействовала и мировая война (вторая). Да не вменится мне в безумие или чрезмерное дерзание считать ту молитву даром от Бога, как некую отдаленную тень Гефсиманской молитвы Христа.

Когда живой Бог – Аз есмь Сый – приходит в сердце, тогда радость души полна Света. Он тихий, Он кроткий. Я могу говорить Ему – Ты. И в этом – Аз, и в моем Ты – все Бытие: и Бог и сей мир. Он самосуший, Он любящий. Он смиренный. И вместе беспредельно могущественный. Его очам открыто и пронцаемо все сущее. «Нет твари, сокровенной от Него, но все обнажено и открыто пред очами Его» (Евр. 4, 13). Всякий момент моей жизни, каждое биение сердца моего – все непрестанно во власти Его. Все мое бытие, и временное, и вечное, от него даруется даже до деталей; кроме моих грехов, о которых Он знает, но в которых не участвует. Когда я в Нем, то и «я есмь». Если же вне Его, то я умираю. Когда Дух Божий нисходит на меня, тогда я люблю Его всем моим существом. Такое состояние я живу как мое личное, а не как нечто вне меня сущее. Но даже и из моего опыта я знаю, что сия жизнь от Него нисходит на меня. Чрез Его пришествие внутрь меня, следовательно чрез соединение с Ним в самом Акте Бытия, я живу, как Он; Он – моя жизнь; Его Жизнь – моя. В часы Его пребывания со мною – я познаю, что Он есть Любовь. Однако странная, особенная любовь, которая никак не может прийти человеку на ум или в сердце, если он, человек, в мышлении о сем предмете отправляется от самого себя, как он есть ныне, в падении своем.

Любовь Бога – кенотическая. Он открыл нам тайну Своего Бытия, заповедав нам любить Бога до ненависти к себе (ср. Лк. 14, 26–27, 33). Открывает Он нам тайны не чрез отвлеченную философию, а бытийно, т.е. включая нас в Свое Бытие так, что оно становится нашим. Именно так живем мы сей дар.

Частое явление, которое я встречал на Святой Горе Афона: монах весь в Боге; он во Свете, и Свет сей в нем. Но у него нет рассудочной реакции на сие событие: оно ему представляется естественным состоянием.

Тайна Божественного Кенозиса – непостижима твари: беспредельный Бог, пребывая неизменно в полноте Своего всемогущества, умаляется до края, «до конца» (ср. Ин. 13, 1). И это характерно для вечной жизни Бога. Она, тайна, нам не доступна, потому что мы живем сие истощание-кенозис как смерть; и это – доколе не снидет на нас благоволение Вечного Бога. Ни один из человеков не может следовать за Христом, если нет с ним силы Отчей (ср. Ин. 6, 65). Не может естественный человек, доколе не родится он Свыше (ср. Ин.

Видеть Бога как Он есть. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org 3, 3), воспринять евангельское слово как благую весть об обожении человека чрез сообщение ему Божественной вечности в его, человека, неотъемлемое обладание. Заповеди Христа суть не иное что, как самооткровение Бога, как проекция Его бытия в плане Земли. Да, в них, заповедях, ощущается запах – для одних смертоносный, на смерть; а для других – живительное благоухание на жизнь нетленную. Но как подойти к сему таинству (ср. 2 Кор. 2, 16)? Начало сему – молитва, хотя бы отчасти подобная Гефсиманской.

«Аз есмь Сый»... Да, только Он и есть воистину Сущий. Все, что существует во всем космосе, вызвано из «не-бытия», и не иначе, как по воле Его. Разумное прикосновение к Нему не проходит бесследно: познавший Его любовь – уже не отойдет от Него во веки (ср. Ин. 10, 28–30). Ум такового перерождается: прежде он был склонен повсюду видеть детерминированные космические процессы, теперь же все начинает воспринимать во свете персоны.

Подобное познается подобным. Лишь персона способна познавать Живого Бога. Удаляется бессмысленное круговращение всего, что не-персонально. Земля, все миры, достигаемые нашим умом и убегающие в неисследимые дали, все говорит о Нем. «И без Него ничто же бысть, еже бысть» (Ин. 1, 3). «Что есть человек, что Ты помнишь его?» (Евр. 2, 6; Пс. 8, 5). Вот, Он Сам, первый, ищет быть с нами, чтобы сообщить нам полноту Своей неувядаемой жизни. Мы жаждем получить сей дар. Но опять и опять – мы никогда не должны забывать, что усвоение «всякого дара совершенного, нисходящего от Отца светов» (Иак. 1, 17), связано с неизбежным распятием всего нашего существа. Мы должны уподобиться Его, Отца, Единородному Сыну, как Сей уподобился нам «во всем» (ср. Евр. 2, 18). Только при этом условии мы будем там, где Он (ср. Ин. 12, 26), и уже никто не отнимет у нас сей святой радости (ср. Ин. 16, 22).

Великое слово – Я: оно означает персону. Самым существенным ее содержанием является любовь, раскрывающаяся прежде всего к Богу. «Я» не живет в спазме самолюбивого обращения на себя. Творимая волею Бога-Творца из «ничто», погружаясь в себя, она пребудет в своем ничтожестве. Заповеданная Христом любовь к Богу до ненависти к себе, при отрешении от всех душевных и плотских связей, – выводит дух человека в просторы Божественной вечности (ср. Лк. 14, 26–27, 33; Ин. 12, 25; Мф. 16, 25). Любовь сия – атрибут Божества. Когда сила этой любви прикасается к сердцу человека, то раскрывает его до беспредельности: дает ему радость любовно обнять всю тварь, весь мир.

Полнота нетленной любви к Богу и ближнему чудным образом связывается с отталкиванием от самого себя даже до ненависти. Но это – святая ненависть: она дар Божий нам. Его преодолевается наша смерть, стяженная в падении Адама. Чрез нее мы действительно приобретаем вечности. Любовь до ненависти к себе возможна не иначе, как если Сам Бог соединится с нами и становится нашей жизнью.

Если бы Господь Иисус не открыл бы нам сию дивную тайну, то никто из смертных не домыслился бы до такого парадокса: возненавидеть себя чрез любовь к Богу – и ты обымешь своей любовью все сущее. И Бог, и все богатство сотворенного Им бытия – становятся содержанием твоей жизни. «Я» забывает себя в порыве любви к Богу, но все же именно это «Я», кто блаженно носит в себе и Небо, и Землю.

Мне и радость и мука говорить об этой любви, благодать которой я потерял. Не раз бывало в моей жизни по Богу, что как только я осознавал моим рассудком («шуйца» моя) совершающееся со мною по Божию снисхождению, так Свет покидал меня. Особенно я познал сие бедствие, когда был поставлен духовником. И до того времени я также переживал состояния покинутости Богом в связи с приближением к сердцу мысли или духа тщеславия, но тогда было менее трудно восстановить себя покаянием. Поведать же, как на площади, другим о даре Божиим – много опаснее.

Господь хочет, чтобы мы были там, где Он (ср. Ин. 12, 26; 14, 3; 17, 24). Он дал нам повеление возненавидеть себя, потому что и Сам совершил сие по отношению к Отцу Своему, да и к нам, искаженным грехами. О, если бы видели, в каком мире живет Христос! Тогда бы мы оценили заповеди Его как невыразимо высокую честь: уподобиться Ему во всем.

В «те дни», когда приблизились Его Гефсиманские и Голгофские страдания, Он решительно двинулся к тому, чтобы и как человек совершить подвиг истощания: «Отче! о если бы Ты благоволил пронести чашу сию мимо Меня! Но не Моя воля,

Видеть Бога как Он есть. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org а Твоя да будет... и был пот Его, как капли крови, падающие на землю» (Лк. 22, 42–44). Когда мы стоим пред заповедью возлюбить Христа до ненависти к себе (ср. Лк. 14, 26–27 и 33) и всему, что мы имеем в мире сем, то бываем близки к опасности сказать: «какие жестокие слова! кто может это слушать?» Господь же на это ответил: «никто не может прийти ко Мне, если на то не дано будет ему от Отца Моего»... С того времени многие отошли от Него... Но блаженный Петр почувствовал силу слов Христа: «Ты имеешь глаголы вечной жизни» (ср. Ин. 6, 60–68).

«Бог есть любовь... Любовь до того совершенства, что мы имеем дерзновение в день суда поступать в мире сем, как Он» (1 Ин. 4, 16–17). Та ненависть, о которой говорит Господь любви, в существе своем есть полнота кенотической любви Божией. Любовь, от Отца исходящая, влечет нас вслед за Христом. Видя себя в узах страстей безлюбивого эгоизма и не способными следовать за Ним, мы ненавидим себя. Сила боли этой святой ненависти выносит нас за грани времен и пространств. Тогда забывается и сия боль, и все преходящее, и остается с нами лишь стремление к любви. Так молится персона, отблеск Бога в нас и подобие Христу, молящемуся в Гефсимании.

Бог есть любовь; и человек-персона одарен способностью воспринимать от Бога пламя сей любви. Бог есть Свет, в котором нет никакой тьмы; и мы призваны стать светом в Божественной вечности (ср. Мф. 13, 42). Богу все совершенно открыто, все ведомо Ему до конца; и человек-ипостась, включенный в Акт Божественного Бытия, чрез Бога и в Боге становится носителем всеведения (это показал опыт веков молитвы к Божией Матери и Святым). Бог все наполняет, везде присутствует, не Сущностью, которая абсолютным образом трансцендирует все тварное, но Своей жизненной энергией; и сыны Царствия, в Духе Святом, становятся как бы везде присутствующими: обращенные к Единому Богу, Святые в Нем видят весь мир.

Человек – тварная ипостась; однако в своем внутреннем существе как образ Абсолютного Бога и он есть некий всемирный центр, великий и дивный в своем конечном завершении чрез Сына, собезначального Отцу. Сие отчасти предугадывается в состоянии благодатной смертной памяти, когда человек свою смерть переживает как космическую катастрофу: в нем самом, для него самого с его смертью все умирает, даже и Бог, уже познанный до некоторой меры. Негативный характер этого опыта прелagается в позитивный опыт воскресения души, когда нисходящий на молящегося Нетварный Свет порождает в нем глубокую молитву за всего Адама.

Тварная ипостась-персона является богообразным центром: Творец относится к нему не как к Своему акту, но как к некоему факту даже для Него. Для ипостаси нет внешнего авторитета. В силу этого нет никого и ничего во всем бытии мира, что или кто мог бы навязать ему (человеку) свою волю, принудить к тому или иному выбору насильем, будь то во времени или в вечности. И Бог Вседержитель и Создатель всего сущего Своим явлением во плоти завершил Свое откровение нам чрез смерть на кресте о безмерности Своей любви к нам и тем «влечет» нас к Себе – Первообразу нашему (Ин. 6, 44; 12, 32–3).

Спасаемся мы только чрез веру во Христа, как извечную Истину Бытия несокрушимого. Он заключил Свое Истощание на кресте возгласом: «совершилось!. И, преклонив главу, предал дух» (Ин. 19, 30).

Непостижимо в полноте своей сие «совершилось». Но в данном контексте я осмеливаюсь остановиться вниманием на том, что именно тогда закончилось откровение о кенотическом характере любви Божией; любви, свойственной персональному Началу.

На пороге моей физической зрелости (в 17–18 лет) Господь оставил меня, и я пал падением нашего Праотца. Не до конца удалился Он от меня, как я могу судить об этом теперь, но воззвал меня из темной бездны и приоткрыл мне духовную сущность первородного греха. Если понимать грех как уклонение от Бога и Отца в силу аберрации ли умственного видения бытия, или вследствие преступления против Его любви, то грех Адамов, т.е. мой, имел оба сии аспекта.

Человек, ощутив внутри самого себя отражение, отблеск Абсолютного Существа, рискует впасть в преувеличенное о себе понятие и взыскать нечто, превосходящее его меру. Находясь в подобной аберрации, он стремится утвердиться в своем видении, ошибочно приняв его за истину о себе. Именно сие претерпел Адам, а вслед за ним многие из его потомков повторили и

Видеть Бога как Он есть. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org продолжают повторять тот же грех. Человеку оказались не чуждыми гордые порывы безумной свободы. Всем нам необходимо знать эту правду о нас. Но роковое безумство, отлучившее нас от любви Отчей, может и должно продлить в нас святой страх и молитву с глубинным плачем. Мы – тварь. Абсолютное Истинное Существо даровало нам бытие и обещало приобщить нас Своей безначальной и бесконечной жизни. Мы отвергли сие обетование и ринулись на пути к иному, воображаемому нами Абсолюту, слияние с которым обусловлено нашей персональной смертью.

Спасение от смерти приходит чрез принятие Христа; такого принятия, какого Сам Он ожидает от нас: «... если не уверуете, что это Я (Который открылся прежде Моисею на Синае), то умрете во грехах ваших» (Ин. 8, 24). Когда же мы веруем в Него, как Истину Бытия несокрушимого, тогда Дух Божий возносит нас в область Божественного Света.

Откровение чрез Христа состоит в том, что Абсолют Персонален, но Он не есть одна Персона (Магометанский генотеизм), а три Персоны, единые в Своей Сущности, в Своем Царстве, в Своей Славе, в Своем Действии: Христианский монотеизм. Чрез веру в сего Бога Любви, Святую Троицу, мы входим в Царство безначальное, сохраняя наше личное бытие. Здесь нам дается первая встреча с нашим Творцом; осуществление же искомого нами соединения с Ним лежит за пределами нашего земного бывания (ср. 1 кор. 13, 12).

В перспективе нашего откровения: Абсолюта – Персоны, исходя их нашего современного опыта, возможен, до некоторой степени, домысел о «психологии» грехопадения Адама: страх пред лицом непостижимого Бога, ничем не детерминированного, всегда совершенно свободного в Своих реакциях на всякое движение человека. Поставив человека пред Собой, Он тем самым ждет от него наивысшей формы ответственного сознания. С одной стороны – это призыв к нетленной славе богосыновства; с другой – хриstopодобный подвиг истощания, связанный с молитвою до кровавого пота. Сей Бог наш непрестанно влечет к дальнейшему восхождению, заставляя Своих сынов покидать страдальчески пройденные нами этапы. Он – Всеблагодь, но как будто никогда не бывает доволен достигнутыми нами мерами. И боль человека в следовании Ему как бы не вызывает в Нем ожидаемого нами сострадания. «Господь... бьет всякого сына, которого принимает» (Евр. 12, 1–11). несомненно крайний предел сему истощанию явил нам Единородный Сын в Своем воплощении: «Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия... если не может чаша сия миновать Меня, чтобы Мне не пить ее, да будет воля Твоя» (Мф. 26, 39–42).

Человеку естественно влечься к Божественному образу Бытия. Не состояло ли «искушение» (Быт. 3) в том, чтобы использовать «естественное» его стремление к непреложной вечности и внушить ему идею возможности достигнуть искомую Божественность помимо сего «жестокого» Бога? Идти не путем мучительного распятия (ср. Гал. 5, 24–25), но чрез вкушение усладительного плода познания добра и зла? «И увидела жена, что дерево хорошо для пищи, и что оно приятно для глаз и вожделенно, потому что дает знание; и взяла плодов его, и ела; и дала также мужу своему, и он ел» (Быт. 3, 6). И в наши дни нередко можно встретиться с носителями той же идеи: уклониться от крестного пути Евангелия и идти к соединению с Абсолютом посредством знания – гносиса.

Убеждаясь в относительности, весьма далекой от совершенства, личного начала в нем самом, человек логически приходит к мысли о недопустимости переносить сие начало на Абсолют. Отсюда неизбежное скольжение натуралистического рассудка к идее Сверхличного Принципа, трансцендирующего все относительное. В своем движении к сему неименованному Принципу, ум человека не без труда успевает отвязаться от понятия о Нем, как о все-космичности, как некоем «все» (то Пан, то Ен). Когда же перешагнет и сей воображаемый порог космических конкретностей, тогда приводится к идее «Чистого Бытия».

Так было со мною в моей молодости. Пишу о себе. Моя умственная аскетика состояла в том, чтобы чрез мысленную и волевою сосредоточенность совлечься материальности тела с его чувственностью; затем идти дальше – к всетрансцендирующему Чистому Бытию чрез отрешение во мне самом и личного начала, и мышления, и прочих форм космического бывания. Так я, в те годы, служил «богу философов», не существу подлинно.

Многолетним рыданием платил я за мои заблуждения. Нет лишения страшнее, чем не знать Истинного Бога. Во мраке неведения не только болезни и другие страдания, но и радости, и удовольствия, и все вообще теряет смысл. В

Видеть Бога как Он есть. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org противовес сему – нет высшего дара, чем встреча с Живым Богом. Во Свете сего познания не только благоприятные состояния, но и удручающие, и мучительные положения полны глубинного разума, и потому становятся сносимыми, оправданными (ср. 2 Кор. 4, 6–11). Весь многообразный ход жизни, все мировые процессы, входящие в сознание наше, должны служить приготовлением к личной с Ним встрече, которая по роду своему принадлежит мета-истории, будучи вхождением нашим в осуществленную вечность. Кому было дано благословение сей встречи, тому вместе дается разумение Богоявлений, описанных в Ветхом и Новом Заветах.

Исключительный гений Моисея не смог воспринять всей глубины явленного ему «Аз есмь»: «ты увидишь меня сзади, а лицо Мое не будет видимо [тебе]» (Исх. 33, 23; ср. Мф. 18, 10). Истинное содержание Синайского Откровения веками пребывало не раскрытым, и сокровенный Бог созерцался во мраке (Исх. 20, 21; ср. 2 Кор. 3, 14–16).

«Бога не видел никто никогда: Единородный Сын, сущий в недре Отчем, Он явил» (Ин. 1, 18). Закон, данный чрез Моисея, содержал в себе семена, долженствовавшие в своем развитии приготовить людей к восприятию воплощения Бога и сделать их способными «узнать» в явившемся предсказанного Моисеем Пророка, который сообщит миру познание о Боге Истинном как о Свете, в котором нет ни единой тьмы, и уже не во мраке Синайском, но во Свете фаворском (ср. Втор. 18, 15–19; Ин. 1, 45; 4, 25–2; Мф. 11, 3; Деян. 3, 22).

Всему, что было открыто в Ветхом Завете, Господь дал новые, вечные измерения, но намек на предстоящее восполнение был вполне необходим в истории Богооткровения (ср. Мф. 5, 17 и далее). Велик и свят для нас Ветхий Завет, когда мы его понимаем, как учит Христос и Апостолы Его, и даже Моисей. Никто из них не абсолютизировал Закона, как последнее совершенство, в силу чего, нужно было бы отвергнуть всякое новое «восполнительное» откровение. Да и Моисей заповедал ждать нового Пророка, который «когда придет, то возвестит нам все» (Мф. 5, 17).

Христос говорил народу на языке, понятном и самым простым людям, но содержанием Его бесед были реальности, недоступные никому на Земле; ни даже Апостолам: «Прежде, нежели был Авраам, Аз есмь». «Я и Отец – едино есмы». «Никто не знает Сына, кроме Отца; и Отца не знает никто, кроме Сына, и кому Сын хочет открыть». «Отец мой возлюбит Его, и Мы придем к нему и обитель у него сотворим». «Я умолю Отца, и даст вам другого Утешителя, да пребудет с вами вовек» (Мф. 11, 27; Ин. 8, 58; 10, 30; 14, 23; 14, 16).

Вот, некто Третий... Как возможно примирить сие с нашим глубоким сознанием, что Бог один? Опять Господь сказал: «Когда придет Дух Истины, который от Отца исходит, то наставит вас на всякую истину» (Ин. 16, 13; 15, 26). И Он, Дух Святой, пришел и действительно наставляет, но, как видим, и это «наставление» оказывается медлительным процессом.

Христос открыл нам Тайну Перво-Бытия; Того, Кто «в начале»: Три, несводимых один на другого, суть, – вернее, б.м., сказать – есть Бытие Единое, даже простое; которому, однако, не противоречит множественность «различений». Наше дискурсивное мышление не совпадает с данными Откровения. И Господь не слишком пытался разъяснить сие Таинство, но указал нам путь к бытийному постижению Предвечного Бытия: это есть путь Его заповедей.

«Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твою, и всем разумением твоим. Сия есть первая и наибольшая заповедь. Вторая же подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя. На сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки» (Мф. 22, 37–40). И когда по дару Свыше человеку бывает дано входить молитвою в подлинные измерения второй заповеди, тогда ему открываются новые горизонты, недомысленные в прежнем состоянии. В глубокой молитве за весь мир, как за «самого себя», уподобляющей человека Христу Иисусу, молящегося в Гефсиманском саду, он реально живет все человечество, как единую жизнь, единую природу во множестве персон. От этой формы познания многоипостасного единства совершается переход к богословскому усвоению догмата о Единстве Святой Троицы. Христианский монотеизм не тот же, что генотеизм Ислама.

После опыта «ипостасной» молитвы – мы оставляем позади категории формальной логики и переходим к бытийному восприятию, т.е. категориям самого бытия. Истина не есть то, что создает идущая снизу философия падшего человека.

Видеть Бога как Он есть. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org
Истина есть Тот, Кто воистину есть прежде всех веков.

«Возвращаясь» из чистой молитвы к дебелисти плоти мира сего, мы выпадаем из пережитого единого человека и снова с печалью видим, что люди друг для друга не вполне прозрачны. Грань между человеческими персонами не исчезает в такой мере, как это явлено в Божественной Троице, где каждая Ипостась всецело открыта для других; где кенотическая любовь является основным характером Божественной Жизни, в силу чего единство Троицы явлено совершенно абсолютным образом, что выражается в богословии понятием «взаимопроникновения» (перихорисис). По образу сего Троичного Единства призывается человечество стать единым человеком (Ин. 10, 30; 17, 21).

Боги, изобретаемые людьми, мертвы. Знание же живого Бога есть несравненный дар. Преподается оно чрез явление Бога человеку, и затем ложится в основание всей его жизни. Будучи по роду своему Божественным действием, каждое явление Бога человеку отражается на судьбах всего мира; в некоторых же случаях оказывает огромное влияние на ход исторической жизни. Примеры: Синайское Откровение явилось источником силы и власти для всех действий Моисея, хотя оно, откровение, в своей последней глубине превосходило его разумение, как не вмещалось оно в сознание еврейского народа вплоть до явления Христа. Евангельское Откровение Деве Марии переживалось Ею как воистину от Бога исходящее, но величие сказанного Ей Ангелом превышало в тот момент Ее силы, и Она нуждалась в подтверждении подлинности открытой Ей тайны. Приветствие Елизаветы явилось таковым: «Благословенна Ты в женах... И откуда мне сие, что Матерь Господа моего пришла ко мне?». Тогда Святая Дева воскликнула: «Величит душа Моя Господа... Он призрел на смирение рабы Своей» (Лк. 1, 41–9). И вся Ее жизнь приняла другой характер; а с Нею, и благодаря Ей – история всего мира вышла на новую орбиту, несравненно более грандиозную, чем все бывшее до Нее.

Экспериментальная наука идет к познанию природного мира индуктивным методом: от частных явлений к выводу общего закона. Иное видим при нисходящих Свыше откровениях. Душа интуитивно узнает – «откуда» пришло созерцаемое ею. Будучи еще не в состоянии охватить полноту излитого на нее благословения, она все же начинает строить свое будущее на скале данного чудесным образом познания: «И устроят они Мне святилище, и буду обитать посреди их; все (сделайте) как я показываю...» (Исх. 25, 8–9). «И поставь скинию по образцу, который показан тебе на горе» (Исх. 16, 30). Так христианин зиждет свою земную и вечную жизнь, согласно данному ему благодатному видению.

Когда речь идет о бытийном познании персонального Бога, тогда имеется в виду общность бытия, а не голое интеллектуальное понимание проблемы. Человек-персона – живет Богом и в Боге. Эта реальность может быть выражена иным порядком: Бог объемлет человека всецело: ум, сердце и тело. Познающий-персона и Познаваемый-Бог – соединяются воедино. Ни один, ни Другой – никак не становятся «объектом» в своем слиянии. Взаимное познание: Богом – человека, человеком – Бога носит характер «персональный», исключаяющей «объективацию». Сей союз любви есть духовный акт, при котором возлюбленный является нашим бытием. Любви свойственно переносить жизнь в Того, Кого любишь до забвения о самом себе. Божественная любовь по своему роду, достоинству, величию, гармонии, власти – превосходит все, что знает земля. Чудно при этом то, что это состояние воспринимается как воистину единственно естественное человеку. Дивная вещь: Он – и Другой, и вместе – мой.

Достижение сей любви, по существу, есть «стяжание благодати Духа Святого», о чем говорил Св. Серафим Саровский. Процесс стяжания проходит через три стадии: первое соединение с Богом возможно как дар благоволения в некий момент, который Бог находит благоприятным: когда человек воспримет посещение с любовью. Это есть акт Самооткровения Бога данному лицу: Свет Божий дает подлинный опыт Божественной вечности. Однако это не есть завершение обожения человека. Сей дар возможно определить как еще «неправедное богатство»; т.е. благодать Божия еще не слилась с нами так, чтобы наша природа и благодать стали навеки едино (ср. Лк. 16, 9–12).

Второй этап: длительный период богооставленности различной силы. В своих крайних степенях – это страшно: душа испытывает свой выпад из Света как смерть в плане духа. Явившийся Свет еще не есть неотъемлемое состояние души. Бог уязвил наше сердце любовью, но затем отошел. Предстоит подвиг, могущий длиться годами, даже десятилетиями. Благодать иногда приближается,

Видеть Бога как Он есть. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org и тем подает надежду, обновляет вдохновение, и снова покидает. Это альтернативное состояние чрезвычайно важный этап вырастания человека до возможности самоопределения в вечности. Бог оставляет нас, чтобы мы проявили наше самовластие. Знание же «пути» к совершенству мы унаследовали от Отцов. Замечено, что весьма многие, после испытания благодати, затем лишившись ее, отпадают от Бога: пережитое посещение Свыше склоняются они признать временной психической экзальтацией, особенно свойственной началу возмужания. Старец Силуан так говорил об этом: «Все, чему когда-либо научила благодать, надо делать до конца жизни... Господь иногда оставляет душу, чтобы испытать ее, чтобы душа показала свой разум и свое произволение. Но если человек не будет понуждать себя на делание, то потеряет благодать; а если проявит свое произволение, то благодать возлюбит его и уже не будет оставлять».

«Благодать возлюбит человека и уже не будет оставлять его» – завершение подвига стяжания благодати. Это есть третий этап, конечный. В совершенстве он не может быть длительным, подобно первому, ибо состояние обожения благодатью земное тело не выдерживает: непременно последует «переход от смерти в жизнь». И сам человек не желает «возвращаться» все в ту же тягостную смену состояний; но если благоволит Господь продлить пребывание в этом мире подвижника, то удерживает его на той мере благодати, при которой сохраняется способность действия, а следовательно и возможность «передать верным людям, которые были бы способны и других научить» (ср. 2 Тим. 2, 2) тому, что сам он воспринял от Отцов и непосредственно от Бога.

Совершеннейшая жизнь в Боге Истинном выражена в простых словах Евангелия, но усваивается сие учение с великим трудом. Тысячи раз мы возвращаемся все к тем же словам Писания, и едва улавливаем их вечный смысл. Мы часто переходим от одного состояния в другое: от доброго к злему, – от любви к неприязни, – от Света ко тьме страстей. Мы сравниваем их действия на душу человека и боремся за стяжание лучшего. Мы подвергаемся самым различным испытаниям, и чрез это растем духовно. Нам нужно от младенческих рассуждений подняться до разума «мужа совершенного, до меры полного возраста Христова» (ср. 1 Кор. 13, 11; Еф. 4, 13), до способности сделать в свободе разумный «выбор» для самоопределения, решающего всю судьбу нашу. Свобода без полноты разума легко становится злом.

Открывшись нам во Свете Своем, Бог затем скрывается от нас. В безмерной печали о потере души восходит до тотального покаяния, до «ненависти к себе». Без этого едва ли возможно человеку, наследнику Первозданного Адама, освободиться от следов люциферического падения. А ведь только при этом сможет человек войти в сферу невечернего Света, «во внутреннейшее за завесу, куда предтечу за нас вошел Иисус» (Евр. 6, 19–20). Сие последнее явится завершением обожения, когда новое падение становится исключенным.

Признаками «полноты Христова возраста» в пределах Земли являются: молитва, подобная Гефсиманской молитве Христа, и смерть, подобная Голгофской. При этом совершается подлинное проникновение человека в Божественную вечность: «вхождение в радость Господа» (ср. Мф. 25, 21).

В молитве нашей, подобной Гефсиманской, дается нам бытийный опыт «ипостаси» (персоны); уподобление смерти же нашей смерти Христа есть путь «истощания»; и чем полнее было сие последнее, тем совершеннее вхождение духа нашего в светоносную область Предвечного Божества. И независимо от того, говорит ли человек или не говорит в словах о своем реальном состоянии, он живет его как бытийное сознание: ныне во Христе и «аз есмь».

Литургическая молитва

В этом мире литургия наиболее адекватно отображает то, что мы именуем ипостасной молитвою, т.е. молитвою, подобною Гефсиманской Самого Христа. Пройдет не малое число лет, прежде чем мы вырастем до способности углубляться в ее, Литургии, подлинные измерения. Внимательно следуя всему порядку и содержанию сей службы Богу, мы вводимся в созерцание Бытия Божественного и бытия космического. Мы вспоминаем многие важные события от «Начала», т.е. когда Бог творил Небо и Землю; когда в Совете Троицы Святой вспыхивает решение «создать Человека по образу и по подобию Богу» (ср. Быт. 1, 26); затем страшное падение сего «образа», нашего Праотца Адама; далее трагические судьбы всех его, Адама, сынов; сострадательное пришествие в нашей плоти Творца и Бога, облекшегося в Им же созданный образ; впитываем Его учение, благоговейно почитаем Его страдания ради нашего искупления;

Видеть Бога как Он есть. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org робко следуем в Гефсиманию и даже на Голгофу; мы с ним на суде Каиафы и Пилата; мы с ужасом слышим дикие крики: «распни Его»; мы поражаемся и крепимся, когда Он говорит сораспятому разбойнику: «ныне же будешь со Мною в раю»... и вслед за сим: «Для чего Ты оставил Меня?»... «Совершилось! И преклонив главу, предал дух». И дальше: Погребение, Воскресение, явление апостолам и многим другим; Вознесение; ниспослание Духа Святого... и всякая деталь полна недостижимого для нас смысла. Так мы научаемся жить в планах двух реальностей: Божественной и нашей тварной. Мы в ожидании Его Второго Пришествия; мы в каждый литургический момент и во времени сем, и в вечности; в нас еще течет жизнь растленная падением и смертоносная, и вместе с нами Его слово, Его Свет, Его жизнь. И сколько бы мы ни повторяли сие служение, данное нам по Его благому о нас Промыслу, – сколько бы ни наполнились мы все новыми и новыми проникновениями в литургическую действительность, мы никогда не достигнем ее «конца». Но все же мы и в радости, и в страхе – причащаемся Божественной Жизни, и уже не в силах оторваться от открывающейся нам невместимо великой мысли Творца и Отца нашего. Воистину Бог возлюбил нас и пригласил быть с ним во веки веков.

Теперь мы знаем всеми силами нашего естества, что Он «от вышних ... что Он не от мира сего» (Ин. 8, 23). Тот Огонь, что Он низвел на землю наших сердец (ср. Лк. 12, 49), возгорелся в нашей крови чрез причащение Его Крови. И, естественно, мы преисполнены благодарности к Нему за безмерные дары Его нам. И самое служение наше именуется «Благодарение – Евхаристия»... Но...

Литургическая молитва – одна из самых тягостных. Мы живем ее в страшном разрыве всего нашего существа. Благословив в начале Царство Отца, и Сына, и Святого Духа, мы затем постепенно снижаемся до преходящих житейских нужд, чтобы опять подняться чрез славословие до Престола Божия. Непрестанное движение – то к Богу, то к миру – характеризует нашу Теургию. И заповедями Евангельскими, и примером Христа (ср. Ин. 13, 15) мы воспитываемся обнимать полноту всемирного бытия: от сотворения всего сущего до конца нашей земной истории, и далее сего. Однако, параллельно с вдохновляющим восхождением в сферу небесного Света, мы замечаем углубление нашей болезни сердечной: мы видим, что вселенная по-прежнему объята мраком неприязни. Дух Божий не находит отклика в отчужденных от Бога сердцах, и молитва, как бы отвергнутая людьми, возвращается к молящемуся, нанося ему рану. Кажущееся бесплодие моментами становится благоприятной почвой для горестных мыслей: человечество неизлечимо больно; напрасна всякая надежда увидеть его исцеление; зло не перестает усиливаться, внедряться все глубже и глубже в сердца людей; надо оставить молитву за него, за человечество, ибо это безрезультатное страдание, жертвою чего станешь первый ты сам. Защита от сих упадочных мыслей – иметь в памяти Христа, боровшегося против всего мира в своем одиночестве. Победа неизбежно придет, но не в плане видимой истории Земли. Она, победа, уже неустрашимый факт: «Я победил мир», – сказал Господь (Ин. 16, 33).

Свободным тварям предоставлена возможность идти до крайних проявлений зла; но доколе приносится Бескровная Жертва, доколе Литургическая молитва объемлет всех людей – живых, умерших и еще долженствующих родиться, доколе наличествуют души, молящиеся за врагов по наитию Святого Духа, – доколе Земля сохранится от всепожирающего апокалиптического огня. Так верил Блаженный Старец Силуан. В ней, Хриstopодобной молитве, видел он «удерживающую» силу, о которой говорит Св. Апостол Павел в послании к Солунянам (2 Сол. 2, 7).

Благой промысл Бога допустил меня десятки лет совершать Литургию, и каждый раз, в той или иной мере, я чувствовал снисхождение Божие на службу сию. Чрез Литургическую молитву душа погружается в океан людских страданий. В годы Первой Мировой Войны, катастрофической тяжелой для России, затем в течение первых лет революции с неопишуемым хаосом гражданской войны – в душе моей отпечатлелись навсегда безысходные муки многомиллионных масс народа. И сам я стоял в условиях возможной гибели в не поддававшейся контролю буре; но Господь чудным образом сохранил меня от всякого участия в этой бойне: я никогда никого не убил. Когда же приблизился час получить благословение священства, тогда я не находил слов благодарности Богу моему за столь исключительную милость ко мне: я не только не выстрелил ни в кого, но, надеюсь, никому не нанес вреда видимого, произвольного. Разве только все мы можем одним фактом нашего существования стеснить кого-либо из живущих вокруг нас. Благодаря сему не обрелось в деяниях жизни моей канонических препятствий для восприятия священства. Но в духе я ощущал себя

Видеть Бога как Он есть. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org достойным только на тьму крошечную. Бог же делал со мною обратное: чем большим было мое сознание недостойности, тем щедрее Он давал мне созерцать Его вечное Архиерейство. «Ты бо еси приносяй и приносимый, и приемляй и раздаваемый» (из иерейской молитвы во время Херувимской песни).

Спасаемся мы в высшем смысле чрез соучастие в страданиях Христа за нас. Включаясь в жизнь Господа на Земле, мы обретаем Божественную вечность, исполненную любви. В условиях нашей исторической данности – любовь сия неизбежно страдающая, со-страдательная, и сие даже «до конца», до полного истощания. По дару Духа Святого нам ниспосылается парадоксальное благословение: опытное познание состояний Иисуса Христа в мерах благоволения Отца о нас. Мы со Христом и на Тайной Вечере, и в Гефсимании, и на судах Каиафы и Пилата; мы разделяем с ним несение креста после изнеможения от пыток и истязаний, – богооставленность и сошествие во ад. И в этом следовании за Христом – наш крест, но реальный и Богу ведомый.

Когда же нисходит на нас Несозданный Свет, тогда сообщается нам радость воскресения, и ум наш созерцает Господа возносящимся туда, откуда пришел Он (Ин. 6, 62). Любезны нам слова Апостола Павла: «если вы воскресли со Христом, то ищите горнего, где Христос сидит одесную Бога» (Кол. 3, 1).

Подлинные измерения Литургии – воистину Божественны, и мы никогда не исчерпаем ее содержания, особенно живя еще во плоти. Созданные из «ничто», мы постепенно растем, развиваемся, совершенствуемся. Чем напряженнее наша жажда Бога, тем обильнее потоки новых достижений изливаются на наши головы. Разделяя со Христом Его Чашу, мы через причащение Тела Его и Крови воспринимаем также и Его Божество, как оно явлено Им на земле во плоти и как оно вечно пребывает на небесах. Таков путь: чрез соединение в любви с Божественной Ипостасью Единородного Сына, мы становимся Его подобием и, как ипостаси в полноте своей завершенности «по образу и по подобию» Ему, усыновляемся Отцом Небесным на бесконечные веки.

На кресте, в последний момент Христос воскликнул: «совершилось!» Неизвестно нам глубины мысли Господа, но мы знаем, что тогда произошел великий сдвиг во всем космическом бытии. Сие «совершилось» относится к предвечному Совету в недрах Святой Троицы, о чем отчасти говорится и в данном нам Откровении. Для нас еще не вполне совершилось то, чего мы ждем в надежде от Бога. Мы продолжаем в тревоге видеть нынешние небеса и землю, содержимые творческим словом Божиим, как сберегаемые «огню на день (страшного) суда и гибели нечестивых человеков... Приидет же (тот) день, как тать ночью, и тогда небеса с шумом прейдут, стихии же, разгоревшись, разрушатся, земля и все дела на ней сгорят» (ср. 2 Пет. 3, 7 и 10). Все мы стоим духом на этом Последнем Судилище, так невероятно близко даже по самой своей терминологии описанном Апостолом Петром.

Приведем в параллель сказанному Апостолом Петром слова Самого Христа: «... скажи нам... какой признак... кончины века? Иисус сказал им в ответ: берегитесь, чтобы кто не прельстил вас. Ибо многие придут под именем Моим, и будут говорить: я Христос; и многих прельстят. Также услышите о войнах и о военных слухах. Смотрите, не ужасайтесь: ибо надлежит всему тому быть; но это еще не конец. Ибо восстанет народ на народ, и царство на царство; и будут глады, моры и землетрясения по местам. Все же это – начало болезней. Тогда будут предавать вас на мучения и убивать вас; и вы будете ненавидимы всеми народами за имя Мое...» (Мф. 24, 3–44). «Люди будут издыхать от страха и ожидания (бедствий), грядущих на вселенную... Когда же начнет это сбываться, тогда восклонитесь и поднимите головы ваши, потому что приближается избавление ваше... знайте, что близко Царствие Божие... день тот... внезапно, как сеть, найдет на всех живущих по всему лицу земному» (Лк. 21). «Когда же приидет Сын Человеческий во славе Своей, и все Святые Ангелы с Ним; тогда сядет на престоле славы Своей, и соберутся пред Ним все народы; и отделит одних от других, как пастырь отделяет овец от козлов; и поставит овец по правую сторону, а козлов по левую» (Мф. 25, 31–33).

Все сие входит в состав Божественного Акта Литургии: «Поминающие убо спасительную сию заповедь, и вся же о нас бывшая: крест, гроб, тридневное воскресение, на небеса восхождение, одесную сидение, второе и славное паки пришествие: Твоя от Твоих Тебе приносяще о всех и за вся».

«Время сотворити Господеви (Пс. 118, 126), Владыко, благослови». С такими словами обращается дьякон к иерею пред началом Литургии. Смысл этих слов: «Время (Самому) Господу действовать». Итак, Литургия есть прежде всего

Видеть Бога как Он есть. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org Божественный Акт. Все понятия в ней меняют свой объем, свое значение. Слово «время», например, что значит? Заклание Агнца было предрешено еще в предвечном Совете Троичного Бога: «искуплены вы от суетной жизни, преданной вам от отцов, драгоценною Кровью Христа, как непорочного и чистого Агнца, предназначенного еще прежде создания мира, но явившегося в последние времена для вас, уверовавших чрез Него в Бога, Который воскресил Его из мертвых...» (1 Пет. 18–21). Даны нам два бытийных плана: один, что «прежде создания мира», другой – наше историческое время. Совершается Литургия по всему лицу Земли изо дня в день, из века в век. Следовательно, «время» Литургии: «ныне, и присно, и во веки веков». Христос, «принесший одну жертву за грехи, навсегда воссел одесную Бога... одним приношением навсегда сделал совершенными освящаемых» (ср. Евр. гл. 9 и 10).

Таков вечно-временной и временно-вечный характер сего Таинства. В нем, иерургически, мы встречаемся с некоторыми нарушениями хронологической последовательности; в нем – наши преходящие нужды переплетаются с вечными положениями Божиими. Литургия не есть психологическое «воспоминание» (ср. Лк. 22, 19; 1 Кор. 11, 24) когда-то имевшего место события, но непрестанно пребывающая в Истории сила. Истекают тысячелетия, но не изменяется ее, Литургии, актуальность: «У Господа один день, как тысяча лет, и тысяча лет, как один день» (2 Пет. 3, 8). Для нас историческое время является как бы «местом» нашей первой встречи с Богом и Его Вечностью. Сия последняя объемлет все века непротяженно, но всецело. В Литургии мы живем одновременно, совокупление и тленность нашего земного существа и предвосхищение Царства, пришедшего в силе (ср. Мк. 9, 1). В Литургии мы предвкушаем «Брачный пир» в Царстве Отца Небесного (ср. Мф. 22, 2). «Отчасти» обладаем мы сием даром уже теперь, ожидаем же в терпении «наступления совершенного, когда все то, что отчасти, прекратится» (ср. 1 Кор. 13, 10).

Литургия строится таким образом, чтобы воспроизводить в нашем сознании возможно полнее «дело» Христа на Земле (Ин. 17, 4). Чрез постоянное повторение сего Акта, всеобъемлющий смысл его становится все более и более нашим личным созерцанием, нашим мировидением. Картина сия чрезвычайно богата; в сущности – никогда неисчерпаемая, вечно новая и живая. В коротком по времени священнодействии вмещается «воспоминание» (Лк. 22, 19) о событиях, потребовавших ряд тысячелетий, неисчислимо количество людей, сынов и дочерей Адама. От сотворения мира и явления Человека, от момента падения Адама, потрясшего космическое бытие, до пришествия на Землю Бога-Спасителя; от Его возгласа «совершилось!»: мига, в который Он вкусил смерть по воспринятому им человечеству и в который началось восстановление сотворенного Богом – все сие сливается во-единое созерцание и молитву. Незадолго до совершения Своей первой и единственной Литургии и в час Гефсиманского плача Своего – Он, Господь, беседовал обо всем этом с учениками Своими (Мф. 26, 38), и все носил в Себе как «наши болезни» (Ис. 53, 3–4). И нам Он дает осязать Его «раны» (Ин. 20, 25), когда мы входим действительно и разумно в совершающееся в час Литургии.

Литургия есть действие Самого Бога; она всецело принадлежит плану вечности. В ней проявляется Любовь Отца, и Сына, и Святого Духа в ее, любви, сострадании погибающим грешникам. Любовь Божия – жертвенная. Сею жертвою удержано человечество от исчезновения (ср. Быт. 2, 17). Животворящей силой ее сохраняется жизнь мира. Любовь Божия отдает Свою жизнь возлюбленным сынам человеческим: «Так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную» (Ин. 3, 16; 1 Ин. 4, 9–10).

Вечный характер Литургии выражается еще и в том, что Господь до Своей смерти на Кресте, на Тайной Вечере, преподал Апостолам Свое Тело и Кровь. В историческом плане нарушена последовательность. Сохранена она в предвечном Троичном Совете, где все соединено в едином Акте, непротяженном, но объемлющем. Сначала все совершилось в Божественном Замысле о сотворении мира. Тогда уже Христос определился как непорочная жертва. Не раз говорил Он Апостолам, что Ему предстоит суд и смерть, и затем воскресение.

Да даст всем нам Дух Святой созерцать Христа, умирающего одиноким, всеми осужденным, никем не понятым. Он умирал один, по-человечески – позорною смертью; но таким путем Он потряс весь мир, радикально переменял ход истории, спас для вечности благой миллиарды людей, облагодетельствовал всю тварь.

Видеть Бога как Он есть. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org
Все сие, поскольку возможно, должен носить в своем сознании иерей, готовящийся совершить Литургию, «ибо в нас должны быть те же чувствования, которые и во Христе Иисусе» (ср. Флп. 2, 5). Чем теснее к стопам Христа приблизится христианин, тем меньше спутников обнаружит он вокруг себя. Имея в себе мысль о полном одиночестве Христа, не должны ли мы быть готовыми к нашей смерти тоже в одиночестве? Если бы нам, по любви к Нему, пришлось умирать без свидетелей от рук мучителей в застенках тюрем, то Он не оставит нас одинокими, но разделит с нами могущий выпасть на нашу долю подвиг, «ибо как Сам Он претерпел, быв искушен; то может и искушаемым помочь» (Евр. 2, 18).

Литургический акт, при внимательном отношении к его основной идее, и к его составным частям, воспитывает нас пребывать в атмосфере Христа. Господь увлекает нас духом обнимать весь мир, где миллионы людей в каждый данный момент или сокрушены ударами жестокой судьбы, или лежат у дверей смерти и стопами своими призывают помощь Свыше. В меру нашего личного опыта всякого рода страданий мы можем погружаться в безбрежное море людских терзаний и чрез молитву разделить с ними их ужасы, а иногда и радости. Возможно, что в какой-то момент мы настолько включимся в неизбывные муки всего человечества, что ни тело, ни психика, ни мысль не будут в состоянии следовать за плененным молитвою духом, предстоящим Богу в невыраженных словами воздыханиями (ср. Рим. 8, 26–27). Такая молитва есть дар Духа Святого, а не человеческих усилий: она доводит до грани смерти и вместе оживотворяет; она ведет нас в Гефсиманию и даже на Голгофу, и в то же время дает предвосхитить воскресение. В этой молитве мы познаем Христа, нисходящего во ад Своей безмерной любви, победительницы смерти.

Спасение миру сообщается чрез литургическое священнодействие; особенно тем, которые жаждут воспринять благословение Отца Небесного. Нет ничего равного, ни подобного Делу Христа в путях избавления человечества. И те, которым вверено служение установленной Господом Литургии, содействуют братьям своим в шестивии к бессмертию. В этом служении Церковь молится уже два тысячелетия, заботясь подобно Апостолу Павлу, о том, чтобы людям дано было истинное разумение открытых Богом вещей; чтобы они могли «постигнуть со всеми святыми, что есть широта и долгота, глубина и высота» предвечного замысла Творца о нас, предопределившего прежде сложения мира усыновление наше в Своем возлюбленном Сыне (ср. Еф. 3, 14–21; 1, 5).

Проходят век за веком, но в Духе Святом ничто не стареет, и тот же Дух, который влагал в уста Павла такие молитвы, и по сей день движет сердца священников и вообще верующих на молитву, в которой познается глубинным существом нашим, что Бог есть Отец наш, что на Земле явлен Свет безначального Бытия.

«Отче Святыи, почтивый ны образом Твоим и даровавый нам благословение познати Истину Твою чрез воплощенного Сына Твоего и сошествие Святого Духа, от Тебе исходящего, не отврати Лица Твоего от нас, недостойных раб Твоих, но приими молитву нашу и ниспосли на всех сынов Земли дух истинного благочестия, да исполнится вселенная нетленным светом Твоего богоразумия, молимся, Отче Благий, услыши ны и скоро помилуй».

Литургия – бесценный дар человечеству: чрез нее мы познаем от века сокровенную Тайну распятия любви Божией; в ней мы живем действительно образ Воскресения; чрез нее мы восходим на гору созерцания славы Преображения; она утоляет жажду нашего духа иною водою, текущею в жизнь вечную (Ин. 4, 14). Вкушавшие манну в пустыне – умирали, ядущие же хлеб, сходящий с небес, живы будут во веки (Ин. 16, 48–58). Служители Нового Завета, закрепленного Кровью Христа, свободны от древнего покрывала (ср. 2 Кор. 3, 12–18) и открытым лицом приносят прошения свои пред Лицо Отчее. Храм, где совершается Литургия, – есть преддверие Святого Царства, пребывающего на небесах. Сие служение для нас является источником непорочного наслаждения. Совершитель Таинства Литургии стоит в непосредственной близости к Сыну Божию, который есть «исполнение Закона и Пророков» (Лит. Иоанна Зл.), чрез которого мы стали обладателями «глаголов вечной жизни» (Ин. 6, 68; Ин. 17, 8).

Встреча вплотную с Единородным Сыном Отца не безболезненна для растленных грехом; она поражает нас, казалось бы, до последнего уничтожения, но она же затем перерождает нас уже в свободе от греха, приобщает нас к богочеловеческой универсальности Христа, доводя в нас образ Божий до совершенства.

Иерей, совершающий Литургию, как и присутствующие верующие, научаются жить в двух планах, по примеру Самого Христа: пребывать духом в сфере Божественной, и вместе тесно со-участвовать в трагических судьбах вселенной. По временам его, иерея, внимание будет преимущественно обращено на грандиозную панораму сотворенного мира, что и составит содержание его молитвы литургической; временами же дух его допускается восходить к бесконечному, к усвоению смысла излитой на нас благодати, к Свету, исходящему от Святой Троицы. Необходимо всем нам такое погружение в Литургию, чтобы ее вечная реальность стала сопутствующей нам в нашей повседневности; чтобы мы воистину «соделались царями и священниками Богу», независимо от того, из какого мы «колена или языка, народа или племени» (ср. Откр. 5, 9–10).

Литургия, в своей совокупности, охватывает не только библейские события, относящиеся к экономии спасения человека, но и вообще космическую жизнь, и даже то, что было до сотворения мира и чего ожидаем, когда «Бог будет все во всем» (1 Кор. 15, 28); когда «времени уже не будут» (Откр. 10, 6). К этому переходу из временной последовательности приготавлиет нас Божественная Литургия. Ее полнота захватывает всецело нас, настолько, что когда я был в пустыне и служил один, имея только одного монаха на клиросе, который приходил ко мне, чтобы отвечать на прошения ектений, читать послания Апостолов, да и прочее вспомогательное участие, заменяющее народ, то ни я, ни тот монах – не испытывали какого бы то ни было недостатка: весь мир был там с нами; мир и Господь; Господь и вечность. Этот пустынный опыт научил меня молиться священнической молитвой и с народом, и без его видимого присутствия.

Позволю себе сказать, что в моем сознании преобладает современный опыт, а не древний. Начался сей опыт тогда, когда я еще вовсе не был знаком с творениями Святых Отцов. Внушенный – я так верю – тем же Духом, исходящим от Бога, он, опыт, во многом совпадал с писаниями Отцов-аскетов; но вместе и отличался от них в силу разительной перемены условий мировой жизни. Эсхатологические предощущения свойственны нашему веку в большей мере, чем когда-либо в прошлом: «Земля и все дела на ней сгорят» (2 Пет. 3, 10). Огонь уже готов, и отдан в руки безумных. Мир взят от лица вселенной. Положительная сторона этих страшных событий в том, что не только христиане, но даже и неверующие настойчиво призываются расширяться умственно и перешагнуть узкие рамки своих национальных инстинктов или культур и мыслить в общечеловеческих измерениях. Нам приходится наблюдать, и даже часто, обратное сказанному: стремление к независимости даже малочисленных и несовершенных развитых племен. Но эти обратные движения, полярно противоположные подлинной нужде, всегда были присущи парадоксальной истории падшего человечества.

Ныне становится невозможным для иерея, приносящего Бескровную Жертву, пребыть в пределах лишь местных нужд, забывая все прочее человечество, судорожно бьющееся в адских тисках взаимной ненависти и всякого рода насилий. Как бы ни была чревата наша современность апокалиптическими катастрофами для грядущего, молитва христианина не должна ослабеть от кажущейся безнадежности, но возрастать в своей интенсивности: мы брошены в первые ряды великой духовной битвы.

Высока наука Евангельского Духа: нашим естественным – в состоянии падения – силам она не доступна. Но двухтысячелетний опыт нашей Церкви в подвиге покаяния показал, что человеку может быть дана Свыше духовная мощь, и тогда он становится способным выносить выше-естественное сострадание. Настоящее тело наше, с его психическим аппаратом, несравненно слабее нашего духа: «Дух бодр, плоть же немощна» (Мф. 26, 41). Наш телесный «состав» следует за движением нашего духа к Богу лишь до известной меры, после которой наступает момент его изнеможения. Сострадание убивает нас. Инстинкт самосохранения закрывает наши глаза, чтобы не видеть бесчисленных бедствий, выпадающих на долю нам подобных. Но вкушивший Духа Христова не может отказаться от встречи с этим океаном злосчастий и включается в молитву Господа, давшего нам «пример» (Ин. 13, 15). Как Он молился за весь мир, так и мы должны жить, и чувствовать (Флп. 2, 5). Особенно сие необходимо для священника, совершающего Литургию, если он стремится войти полнее в ее, Литургии, всеведение.

По существу нет иной Литургической Чаши, кроме той единственной, которую принес Сам Господь перед исходом Своим на искупительную жертву. Он один

Видеть Бога как Он есть. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org есть воистину Перво-Священник. Его благоволением – Литургия, будучи неповторимой, в веках повторяется. В этом повторении вечно по сущности Таинства проявляется его актуальность, неизменное присутствие в рамках истории. Неделимая Литургия – дробится и непрестанно распространяется во все концы вселенной. Сионская горница дивным образом расширяется, чтобы стать доступной все новым и новым поколениям «верующих в Него» (ср. Ин. 17, 20). Чрез святое причастие Христос собирает преданных Ему в то единство, которое задано нам Творцом нашим: созданный «по образу и по подобию» – призван к единству по образу Святой Троицы:

«Отче Святой, соблюди во Имя Твое тех, которых Ты дал Мне, чтобы они были едино, как и Мы» (Ин. 17, 11).

Литургия в своей вечной реальности есть всегда сопresentствующая нам Пасха Господня. До пришествия Христа, Еврейская Пасха – в воспоминании исторического события: перехода чрез Чермное море Израильского народа, избавленного от египетского рабства, прототипа всех прочих рабств. Христианская же Пасха есть избавление от рабства греху и смерти; переход от частных и ограниченных положений к универсальным, Божественным; восхождение от земных форм бытия к небесным, к бессмертию. И заповедано нам совершать ее в Его воспоминание (Лк. 22, 19), во Имя Его. Он – истинный центр всего мироздания – является сосредоточием нашего внимания: «Все произошло чрез Него, и без Него не начало быть ничто, что произошло» (Ин. 1, 3). В этом радикальное изменение характера нашего Пасхального торжества. Вся Литургия в ее существенном содержании есть не что иное, как воспоминание о Нем, а не о каком-либо историческом факте. «Воспоминание», понимаемое как живое вхождение в сферу Духа Христа, в Его Божественном и земном измерениях. Он – смысл и свет Христианской Пасхи.

Вечная актуальность Литургии подчеркнута также содержанием молитвы, которую все верующие произносят пред принятием святых тайн Тела и Крови Христа: «Вечери Твоя тайныя днесь, Сыне Божий, причастника мя приими». В этом «днесь» – ныне – нет ни прошлого, ни будущего, но только настоящее. И эту молитву снова мы просим быть принятыми в лоно предвечного Божества Святой Троицы.

Душа священника неизбежно множество раз дойдет до изнеможения от видения всякого рода страданий, с одной стороны, и неправд и насилий, с другой. Именно сии безобразия и кажущиеся бессмысленными едва ли не все действия людей являются показателем падения нашего мира. Упорным подвигом мы должны удержать неумаленным наше вдохновение на Литургическую молитву за все человечество. Все страсти и гадости греха, в нас ли самих, в других ли вне нас, и составляют повседневное содержание сей универсальной молитвы. Долг священника – неизменное повторение во времени Божественного акта искупления мира, во исполнение заповеди Христа: «сие творите в Мое воспоминание». Живое «воспоминание» и как видимое присутствие в истории вселенной Гефсиманской молитвы и Голгофской крестной смерти Господа.

Литургия в своей вечной духовной реальности – есть жертва за грехи человечества. Вот, почему мы, встречаясь со вседавящей массой греха, в нас ли самих, вне ли нас, мы не перестаем пребывать внутри литургического акта. При таком сознании о священстве вся наша жизнь является служением спасению мира. В этом сущность Божьего нам дара: «царственного священства».

Быть носителем благодати «царственного священства» (1 Пет. 2, 5 и 9) возможно и не имея священнического сана. Внутренняя сущность сего священства в том, чтобы молиться о всем мире, следуя «примеру» (Ин. 13, 15) Самого Господа. Для нас, человек, последняя, доступная нам мера – молиться за всего Адама, как за самого себя. Такая молитва является знаком, что в нас восстанавливается тот «образ», по которому создан был человек (Быт. 1, 26). Страдания Христа и его воскресение снискали человечеству сию благодать (ср. Лк. 24, 46–49). Все и каждый из верующих в Сына Божия призваны принять сей дар от Дародателя: быть «царственным священством». Нет цены сему благословию, но оно стяжается долгим и болезненным подвигом.

Литургический язык

«В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог ... все чрез Него начало быть» (Ин. 1, 1–3).

Язык человеческий предназначается для выражения реальностей различных

Видеть Бога как Он есть. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org планов: есть житейский план – естественных потребностей; есть близкий к нему, но все же отличный – примитивных душевных чувств и страстей; есть язык политической демагогии; есть научный, философский, язык поэзии; наконец, наивысший из всех – язык Божественного Откровения, молитвы, богословия и других отношений между Богом и людьми – Литургический.

Отвлеченное познание о бытии – имеет метафизические корни; сюда относится наука, философия, и прежде всего Богопознание. Слова, выражающие вышеуказанные роды познания так же, как и Имена Божии, исходят из умной сферы, метафизической. В то же время им свойственно вызывать в уме или сердце различные реакции, и в этом смысле они являются «условными рефлексами», носящими характер непосредственный, автоматический.

Каждому языку поставляется задача: ввести слушателя или читателя в ту область, к которой данный язык принадлежит. Учитывая «условно-рефлективную» энергию слов, мы должны особенно большое внимание отдать литургическому языку, призванному порождать в умах и сердцах молящихся ощущение иного мира, высшего. Это достигается наличием имен и понятий, принадлежащих исключительно Божественному плану; а также употребление небольшого количества специфических форм выражения.

Славяне промыслительно одарены благословенным языком, служившим веками для богослужения, Священного Писания и молитвы, и никогда не низшим житейским нуждам, ни даже церковной литературе. Мы категорически убеждены в необходимости употребления сего языка в богослужениях; нет вовсе нужды заменить его языком повседневности, что неизбежно снизит духовный уровень и тем причинит неисчислимый ущерб. Неуместны доводы якобы непонятности для многих современных людей старого церковного языка; людей поголовно грамотных и даже образованных. Для таковых овладеть совсем небольшим количеством неупотребительных в обыденной жизни слов – дело нескольких часов. Все без исключения затрачивают огромные усилия для усвоения сложных терминологий различных областей научного или технического знания; политических, юридических и социальных наук; языка философского или поэтического, и подобное. Почему бы понуждать Церковь к утере языка, необходимого для выражения свойственных ей высших форм богословия или духовных опытов?

Все, кто искренне желает приобщиться вековой культуре Духа, легко найдут возможность освоиться с бесценным сокровищем священного славянского языка, который изумительно соответствует великим таинствам богослужения. Немногие особенности сего языка облегчают труд временно отрешиться от страстных будней: «всякое ныне житейское отложим попечение».

Если бы мы при совершении Литургии употребляли язык нашей повседневности, то он порождал бы в душах присутствовавших реакции низшего плана – нашего физического существования. Человеческое есть образ Предвечного Слова Отца. «Словом Господним сотворены небеса... Он сказал, и соделалось! Он повелел и явилось» (Пс. 32, 6 и 9). И наше слово обладает творческой силой. «Слово Бога нашего пребывает вечно» (Ис. 40, 8); и наше слово достигает вечности, если сказано в путях воли Его. Чрез призывание Имени Божия совершаются Таинства Церкви, включая преложение хлеба и вина в Тело и Кровь Господа.

Слова Литургии и вообще молитв не суть только человеческие, но и данные Свыше. Церковный язык относится к сфере Божественного Бытия; он должен выражать откровение Духа и им порождаемые умные видения. Чрез «слышание слова Божия» (Рим. 10, 17) вдохновляется человек на веру, «победившую мир» (1 Ин. 5, 4; ср. 1 Сол. 2, 13).

Гефсиманская молитва

Гефсиманская молитва Христа есть, несомненно, наивысшая из всех молитв по своему внутреннему достоинству и по своей мироискупительной силе. В то же время она является одним из бесценнейших откровений о Боге и Человеке. Принесенная Богу-Отцу в Духе Божественной любви, она как Свет, никогда не умаляемый, вечно пребывает действенной в бытии мира. Как исторический факт – она длилась недолго; но как духовный акт любви Божией началась она еще до сотворения мира (ср. 1 Пет. 1, 20) и не прекращается до сего дня. Присутствие ее силы, мы ощущаем в час молитвы за весь мир; преимущественно же во время совершения Литургии. Ее святость и величие влекут сердца тех, кто сохранил в себе образ Бога живого.

Видеть Бога как Он есть. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org
В этой молитве Господь включил все, что произошло с момента явления в жизнь Первого Адама до последнего имеющего родиться от жены. Так научены мы мыслить в нашей Церкви (Ин. 1, 29; 1 Ин. 2, 2). Лишенные бытийного опыта подобной любви – бессильны постигнуть ее необоримую энергию, освящающую в веках всякого человека, жаждущего принять сей дар. «Небо и земля прейдут», но дело, совершенное Христом (ср. Ин. 17, 4), «не пройдет» (ср. Мф. 14, 35). Сия молитва войдет как существенное содержание в неумолкаемое славословие небес. Она не перестанет восторгать дух наш; порождать в нас желание ответить столь же полною любовью «до конца» и в сем веке, и в грядущем.

Вся вселенная в своем падении судится с Богом, обвиняя Его в своих страданиях. Судится страстно в своем увечьи, последствии отпадения от Его любви. Знаю это я и по себе. Но Иисус – Бог изначальный, в Гефсимании и на Голгофе «оправдал» Бога-Творца; «Человек Христос Иисус» (1 Тим. 2, 5) там же «оправдывает» на суде Бога и Отца – Человека-человечество.

Для людей: если Бог такой, каким явил Его Христос, то Ему подобает всякая слава, честь и поклонение во все века. Для Бога-Отца: если Человек такой, каким был Христос, то Отец принимает Его как равного: дает Ему трон «одесную Себя на небесах», превыше всякого начальства и власти, и господства, и всякого имени, именуемого не только в сем веке, но и в будущем (ср. Еф. 1, 20–21).

Любовь Христова, победоносная в вечности, в плане Земли подвержена тягчайшим испытаниям. Никто, никогда не страдал так, как Он. Глубина муки находится в прямой связи с мерой восприимчивости каждого. Между людьми возможна такая же разница, которую мы наблюдаем между носорогом и червем: ударьте первого сильно кулаком, и он не почувствует вашего удара; едва коснешься червяка, и он извивается от боли всем телом. Тонкий слух музыканта болезненно встревожен неуловимым для других диссонансом; глаз живописца различает различные тона там, где другие при всех объяснениях остаются ничего не замечающими. Чуткий духовно при соприкосновении с кем-либо как бы видит его моральное состояние, тогда как очень многие ничего не ощущают. И если так с людьми, то кто может понять Христа, Творца космоса? «И увидел Бог все, что Он создал, и вот, хорошо весьма» (Быт. 1, 31). Сотворивший Божественную гармонию мира не мог не скорбеть, встречаясь повсюду с нетерпимым извращением первозданной красоты гнусными и преступными деяниями людей.

Все мы знаем, чем глубже мы любим, тем болезненнее переживаем даже малейший конфликт. Что же переживал Он, предвечная любовь, когда с такою ненавистью отвергли Его свидетельство об Отце? Он, которого Церковь именует солнцем Правды, отдал Себя на суд лукавству осудивших Его на смерть. Он, Ипостасная Истина, был оклеветан, бесстыдно поруган, жестоко бит и нагло оплеван. Он, безгрешный, (ср. Ин. 8, 46) взял на Себя грехи мира, как если бы Он Сам и был виновником всей трагедии. «Возлюбивший нас до конца» (Ин. 13, 1) переносил преследования неутолимой злобы убивавших Его, «думавших, что они тем служат Богу» (ср. Ин. 16, 2).

Чтобы хотя немного приблизить наше сознание к уразумению происшедшего в те самые трагические за всю историю мира дни, чтобы узреть бытийно, хотя бы как «в мутном зеркале» (1 Кор. 13, 12), путь, пройденный Христом, всем нам необходимо пройти через множество испытаний. Когда постигают нас всякого рода удары и ужасы, тогда мы должны переносить наш ум к созерцанию мук всех страждущих на Земле; включить их чрез наши собственные болезни в молитву сердца нашего. Таким образом расширится оно и примет всех братьев и сестер, сокрушенных бедствиями, подобно тому, как матери опечаленной любви обнимают своих больных детей.

Пусть молитва наша станет криком всей Земли к Богу и Отцу. Чрез такую молитву по действию Духа Святого войдем мы в соучастие с искупительными страстями Божественной любви Господа. Никто из нас не достигает ее безмерности; но велико для нас и то, что и нам, пусть отчасти, но с неотразимой убедительностью открывается жизнь Его. «Сообразуясь (духовно) смерти Его», мы удостоимся бытийно познать Христа (Ин. 17, 3) и «силу воскресения Его» (Флп. 3, 10). «Ибо если мы соединены с Ним подобием смерти Его (духовно), то должны быть соединены и подобием воскресения» (Рим. 6, 5). Чрез постигающие нас потрясения возрождается наша омертвевшая в грехе натура к молитве, как-то отражающей Гефсиманскую молитву.

Видеть Бога как Он есть. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org
По достижении зрелого возраста нам нередко дается переживать частичное умирание, и в меру этого опыта мы становимся более способными созерцать Христа, идущего в Гефсиманский сад и далее на Голгофу. Не физические боли Его, на кресте распятого или бичуемого, занимают первенствующее место, но они делают Его страдания тотальными, во всех планах. Даже и мы знаем, что душа в своей сфере получает раны более страшные, чем тело. И если так в земном явлении души, то что сказать о душе-духе, воспринимающем вечность? Чем больше любовь, тем больше страданий душе. Чем глубже любовь, тем безмернее ее боль (ср. Старец Силуан). А кто из людей дерзнет сказать, что его любовь превышает Христову любовь? Здесь мы имеем в виду ту сферу бытия, которая постигается не иначе, как только силою любви духовной, которую человеку было дано Свыше познать.

Нарисовать картину страданий Иисуса Назарянина невозможно. Вся Его жизнь с нами была не что иное, как непрерывное терзание. Голгофа – лишь заключительный акт, в котором все, как в кульминационной точке соединилось: физические боли; душевные вследствие отвержения людьми Благовестия о любви Отчей; позорная смерть преступника; злосрадный смех мстивших за понесенные от Него обличения в неправдах... Все Его осудили: Римское государство с его классическим правом; Ветхозаветная Церковь, основанная на Синайском откровении; благодетельствованный Им народ, и тот кричал: «Распни Его». Ко всему этому покинута учениками; предательство Иуды, отречение Петра; богооставленность: «Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты оставил Меня?»; предстоящее схождение во ад, к тем, кто наполняет сие мрачное место. Ад Христа, конечно, не мог быть адом вражды, но был самый болезненный ад Любви. И еще многое, чего не постигает наш ум, не знающий надлежащей любви ни к Богу, ни к ближнему.

Не о Своем грехе молился Господь до кровавого пота – о нашей гибели. Это видно из Его слов к плакавшим о Нем женщинам: «Не плачьте обо Мне, но плачьте о себе и о детях ваших» (Лк. 23, 28). Однако и Ему Самому нужно было пройти в Его человечестве подвиг полного истощания, как это уже было совершено в небе по Божеству по отношению к Отцу. Об этой «чаше» молился Он, как человек. Чрез Него нам дано откровение о характере Бога-Любви. Совершенство в том, что эта любовь смиренно, т.е. без остатка отдает себя. Отец в рождении Сына выливает Себя всецело. Но и Сын все возвращает Отцу. Именно сей акт тотального истощания совершил Господь в Своем воплощении, в Гефсимании и на Голгофе. Именно такую любовь заповедал нам Христос: «...кто приходит ко Мне, и не возненавидит отца своего и матери, и жены и детей, и братьев и сестер, а притом и самой жизни (души) своей, тот не может быть Моим учеником» (Лк. 14, 26); тот «недостойн Меня» (Мф. 10, 38). Так, только тот, кто в движении всецелой своей любви, подобно мученикам, губит душу свою в мире сем ради Христа, «входит на самое небо, чтобы предстать пред Лице Божие для жизни непрестающей» (ср. Евр. 9, 24; 7, 16).

Смысл жертвы Авраама в том, что он на старости лет, привязался к «обетованному сыну» своему Исааку настолько, что любовь его к Богу утратила свою полноту. Чтобы снова любовь к Богу стала «краеугольным камнем» его жизни, Авраам должен был принести жертву: заклать возлюбленного сына. Когда же внутренне сей акт был совершен... тогда излишнею стала смерть Исаака: он мог оставаться при отце.

Подобное повторяется в жизни христианина: когда та или иная страсть отрывает его от Бога, он решается на многие жертвы. И если внутренний акт достиг завершения, то страсти отступают и «заклание» становится излишним.

Не так обстоит с Христом. Господь внутренне совершил Свою жертву в Гефсимании, но Ему ради «дела» (Ин. 17, 4) нужно было пострадать «до конца» и внешне, иначе никто бы не постиг тайны искупления. Так, только на Голгофе, уже умирая, Христос воскликнул: «совершилось!», а не в Гефсиманском саду.

Человечество в лице первого Адама претерпело страшную алиенацию, лежащую в основе всех последующих. Падение Праотца – катастрофа космических измерений. Нам необходимо учесть это, чтобы понимать органический (чтобы не сказать – логический) ход развития, выражающегося в политических формах, но являющегося по существу духовным: «смертию умрете» (Быт. 2, 17) от огня, уже готового пожирать нас. К болезням Адама дальнейшие поколения добавили множество других, так что все тело человечества «от подошвы ноги до темени головы покрыто язвами и гноящимися ранами» (Ис. 1, 6). Самый скелет повсюду изломан. Прикасаться к такому организму – значит причинять несносные боли.

Видеть Бога как Он есть. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org
Когда, однако, сие происходит с физическими болезнями, то люди с доверием отдают себя в руки врачей, терпеливо ожидая помощи. Обратное наблюдается в духовном плане: всякую попытку поставить кости в надлежащем порядке, омыть раны, что неизбежно сопровождается болями, они встречают с неприязнью, как будто врач виновник болей.

Так происходит со Христом: Он, единый истинный целитель, Своим явлением оскорбил всех, показывая всему человечеству его смертельную болезнь. Для падших сынов человеческих нет ничего и никого более страшного, чем Христос-Истина. Весь мир Его боится. Столь многие с необъяснимой ненавистью изливают на Него, и только на Него, всякую хулу. Все же те, кто действительно воспринимает Его как Перво-Истину, по естественному людям влечению к Истине, не могут отказаться последовать за ним. А сие значит быть носителем Его любви и, как таковому, неизбежно быть распинаемому многоразличными образами.

Бесценно для нас откровение, пусть еще частичное, глубинной жизни Христа. Чрез долгий подвиг мы постепенно входим в вечный смысл и особый характер Его страданий. Мы постигаем, что не только качественно, но и по силе своей они превосходят все, что знает мир. Мы нигде и ни в чем не достигаем Христа. Ему единственно во всех планах принадлежит непреходящее первенство. Однако стремиться к возможно полному познанию Его – все мы, верующие, должны. В меру познания нами Его искупительных страданий почиет на нас и вечная слава Его: «Славу, которую Ты дал Мне, Я дал им» (Ин. 17, 22). Чрез Него мы становимся сынами Отца безначального. Ныне мы знаем, что «никто не приходит ко Отцу, как только чрез Него» (Ин. 14, 6). Эти слова Христа мы принимаем в их абсолютном смысле. Действительно: если нет в самом Божестве изначала принципа Отчества и Сыновства, то никакой человеческий подвиг не сможет привести к тому, чтобы изменить существенно и Само Перво-Бытие.

Христос есть чудо, превосходящее всякий ум. Он всесовершенное откровение Бога триипостасной любви; Он же явил нам Человека в его беспредельных возможностях. В известный единому Богу момент – мы будем приведены на тот невидимый рубеж, который лежит между временем и вечностью. На сей духовной грани мы должны будем окончательно определить себя для предстоящей нам вечности или со Христом, в подобии Ему, или в удалении от Него. После сего решающего свободного выбора – и подобие, и расхождение – примут вневременный характер. Готовясь к сему бесконечно важному для каждого событию, в нашей повседневности мы не раз будем колебаться: исполнить заповедь?.. или поступить по страсти нашей? Постепенно в этом всежизненном подвиге нам будет открываться тайна Христа, если мы по любви к Нему слово Его сделаем единственным законом всего нашего бытия.

Придет такое время, когда видение святости смиренного Бога-Христа переплавит, как огонь, наше существо, превратив его в целостный порыв любви. Полные отвращения к самим себе, к гнездящемуся в нас злу, мы возжелаем уподобиться Ему в смирении и желание это будет подобно смертельной жажде. Умножившаяся любовь к Господу естественно сроднит нас с Ним в глубоких движениях сердца и прозрениях ума. Картина, превосходящая наше воображение, раскроется пред нами. Великая печаль о страданиях людей, как болезненная спазма, стиснет сердце наше. Забудем мы тело, и только в доступной ему мере войдет оно в поток Гефсиманской молитвы Христа. Таким путем рождается в нас познание Господа Иисуса Христа (Ин. 17, 30), которое само в себе есть вечная жизнь. Ради приобретения этого познания Апостол Павел все то, «что было для него преимуществом», «правда законная», он «почел тщетой... от всего отказался... чтобы приобрести Христа... и силу воскресения Его, и участие в страданиях Его, сообразуясь смерти Его, чтобы достигнуть воскресения». Говорил же Павел так не потому, «чтобы уже достиг... но, забывая прошлое, простирался вперед... к почести высшего звания Божия во Христе Иисусе» (ср. Флп. 3, 7-14).

Великий Павел сказал, что он «не достиг»; позволим ли мы себе претендовать на равенство с Христом? Но некая параллель все же должна существовать. Хотя бы бледное уподобление Господу совершенно необходимо, чтобы разумно носить имя христианина. И опять: Павел не стремился к почести... призывал же Коринфян подражать ему (1 Кор. 4, 16), как он подражает Христу. Что мы и делаем ныне, чтобы и нам стать сонаследниками Иисусу в неувядаемой славе (ср. Рим. 8, 17).

Беспомощно пытаюсь я говорить о Науке, величайшей из всех ведомых на Земле и Небе. Усваивается она не за несколько коротких лет академической учебы,

Видеть Бога как Он есть. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org но всем нашим бытием. Реальное, не отвлеченное, познание стяжевается соучастием в бытии; чрез пламенное покаяние и пребывание в духе заповедей дается нам сие страшное благословение.

Когда некая тень подобия Гефсиманской молитве осенит человека, тогда он разрывает узы эгоистической индивидуальности и вступает в новый образ бытия: персональный, ипостасный по образу Ипостаси Единородного Сына. Воспринять страждущую любовь Христа есть неоценимый дар Духа Святого, приближающий духовно к ощущению смерти Его на кресте и, вместе, силы воскресения. Соединенный с ним подобием умирания в глубокой молитве о мире, в томительной жажде спасения людей, предвосхищает подобие воскресения (ср. Рим. 6, 5; 8, 11). Вводимый нисходяще Свыше силою в этот новый образ Бытия, достигает «конца веков» и осязаемо прикасается к Божественной Вечности.

Ипостась–Персона есть первичный принцип и последнее, всеобъемлющее измерение в Божественном Бытии; так же и в человеческом, по образу Божию тварном бытии. Вне сего ипостасного принципа ничего не существует и не может существовать. «Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть. В Нем жизнь» (Ин. 1, 3–4). «живу Я! говорит Господь» (Ис. 49, 18). «Аз есмь... Начало и Конец, Первый и Последний» (Откр. 22, 13). «Аз Есмь» (Ин. 8, 58).

Неопишуемы дары Божии: они делают человека носителем полноты богочеловеческого бытия чрез единение со Христом в молитве, уподобляющей его Ему. Редкая привилегия, совмещающая крайние состояния страданий любви и ее, любви, победу. Восстав от такой молитвы, человек сквозь животворящую боль медлительно входит в действительное ощущение воскресения своей души. Он ясно зрит, «что Христос, воскреснув из мертвых, уже не умирает: смерть уже не имеет над ним власти» (Рим. 6, 9). Победа Его в вечности неизбежна. И дух молится внутри:

Господь мой и Бог мой...

Ныне, Господи Иисусе Христе, по дару неисследимой силы Твоей и благоволения Твоего к нам, и я убогий и нищий перехожу от смерти в жизнь...

Ныне – аз есмь.

О молитве, в которой открывается Бог–Истина

Всякий человек, кто бы он ни был, где бы ни жил, какое бы место ни занимал, учен или неуч, богат или нищ, знатен или никому неведом, в молодости, в зрелом возрасте или старости, в дни радости или горя, «из глубины» и с силою или едва касаясь, но задумается над смыслом жизни и поставит пред собой вопрос: что есть истина? (Ин. 18, 38).

Девятнадцать веков тому назад Пилат небрежно бросил Христу этот вопрос. Содержание и дух вопроса, при той же самой словесной формуле, могут радикально различествовать. В случае Пилата сказался критицизм посредственного философа-римлянина: задав вопрос, он вышел к Иудеям, не дожидаясь ответа от Христа: он был убежден, что удовлетворительного ответа вообще нет. Полагаю, что в наше время подавляющее большинство людей стоят не выше уровня пилатовской мысли и строят свое земное бытие не на скале веры, а на отрицании возможности посмертного бытия.

Что есть истина? Существует ли она вообще? Еще прежде, чем мы познаем ее, внутри нас присутствует положительный ответ, как сознание, что без нее было бы невозможно и само Бытие. Истина недоказуема путем снизу идущих логических демонстраций, но бытие ее для нас несомненно, ибо дано как непосредственное знание: оно предваряет всякую нашу мысль: вне сего сознания невозможно было бы вообще мышление, цель которого всегда есть нахождение именно истинного решения.

На каком уровне ставится этот вопрос? Здесь мы встретимся с бесчисленным множеством расхождений. Оставляя позади все прочие, возьмем тот уровень, который соответствует нашей идее о человеке. Человек по природе своей не может остановиться на середине, он должен идти до конца: он имеет в виду Перво-Истину, лежащую в основе всего существующего.

Что представляет собою Первая и Последняя Истина, вечно неизменная,

Видеть Бога как Он есть. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org всеобъемлющая? Вот, единственно насущный вопрос (ср. Лк. 10, 42). По мере того, как в нашем земном бывании мы претерпеваем неудачи, срывы, поражения, потерю дорогих нам лиц, уносимых смертью в неведомое нам «ничто»; после того, как переживаем падение многих идолов земли: науки, философии, искусства, гуманизма, политики, внутри вырастает не выраженное словом чаяние того, что пребывает непреложным.

Убедившись в недостаточности всех человеческих усилий достигнуть сию искомую нами вечную Истину, так, чтобы слиться с Нею, иметь Ее как свое личное достояние, я обратился к молитве, сначала не-христианской, а типа дальневосточных медитаций. Прошло немало времени, приблизительно 7–8 лет, когда я с большой силой увидел себя на ложном пути: в духе мне явился Тот, Кто сказал: «Аз есмь Истина» (Ин. 14, 6). О, этот светоносный момент, что вывел меня из ада смертной тьмы: всем существом я ощутил, что вступил на верный путь. Но как бы ни был он, путь, великолепен, он в то же время исполнен многих скорбей, прежде, чем мы достигнем Искомого (Ин. 16, 33).

Когда огонь веры в Него воткнулся в мое сердце подобно острию меча, тогда я преисполнился жизнерадостного вдохновения. Я еще не достиг Живой Истины, но само то вдохновение превращалось в ощущение Ее, становилось Ее присутствием внутри меня (ср. Евр. 11, 1). Я пытался найти возможно близкую аккомодацию моего умного зрения, чтобы яснее, как в фокусе, уловить очертания явившейся мне Святой Истины, но скоро догадался, что это было безумием с моей стороны: чем больше я всматривался, тем беспредельней становилась она.

Я не собираюсь писать о какой-то мною открытой доселе неведомой миру Истине. Я пишу о том, как мне дано было жить мое покаяние. Дух наш алчет, и жаждет познать Истину, т.е. то Перво-Бытие, которое никем и ничем не обусловлено: абсолютное Само-Бытие, о котором говорили Пророки Ветхого Завета, о котором свидетельствовали Апостолы Нового Завета (ср. Исх. 3, 14; Ис. 44, 6; Ин. 1, 1–4; Откр. 2, 13).

Мы не воображаем, да и не можем воображать Его, исходя из самих себя. Мы не творим Бога «по образу и по подобию нашему». В благоговейной молитве мы ожидаем, что Он услышит наш вопль и даст нам о Себе «знак». В болезни нашей мы открываем себя для восприятия ответа-откровения, от Него исходящего. Мы хотим «знать» Его, виновника нашего бытия, «как Он есть». Он являлся отцам нашим и прадедам, и мы свято храним как драгоценность полученное от них свидетельство. Доверяя им, мы веруем тому, что они сообщили нам, но вместе с тем, подобно Моисею, мы взываем к Нему: «дай мне познать Тебя, как Ты есть в Твоей вечности». Ибо, иное дело «вера от слышания» (Рим. 10, 17), и совсем иное – «знать Тебя».

Едва мы решимся предать себя в «руки Бога Живого», как сии руки бросают нас в такие просторы, о которых мы никак не подозревали. Мы приходим в ужас пред открывающимися нам безднами. Бог кажется нам «жестоким». И однако, чрез причиненные нам «боли» неизъяснимым процессом внутри нас раскрывается способность созерцать сверх-образно – «как Он есть»... пусть еще «отчасти» (ср. 1 Кор. 13, 12).

Он есть Свет и Истина. И когда сей Истинный Свет (Ин. 1, 9) объемлет нас, тогда мы живем Его любовь и Премудрость. Мы бываем в радости, и на нас нисходит глубинное ведение, не как мысль, но как состояние нашего духа.

Он Сущий. В Нем нет ни начала, ни конца. Он Сам есть и Начало – Принцип всего существующего и бесконечный конец всех наших чаяний. Мы узнаем в сердце нашем, что Он хочет видеть нас совершенными, не менее, чем Он Сам (ср. Мф. 5, 48).

Истомленные тиранией низменных страстей, мы, естественно, молим Благого Господа, чтоб Его Дух почил на нас: Дух разумения путей спасения Его. И укрепляемые сим Духом, мы видим, что в трагических испытаниях освобождаемся мы от последствий падения; что в страданиях наших расширяется наше бытие, и мы становимся раскрытыми для иных великих миров. Мы преодолеваем замкнутость-эгоизм звериного индивидуума, выходим из полуживотного состояния: не зная нашего Творца. Постигая, что для меня, из «ничто» сотворенного, необходимо пройти чрез огненную боль, чтобы познать глубже «Мужа скорбей» (Ис. 53, 1–12), я с благодарной любовью принимаю сию святую боль. Она преисполнена смысла; она посвящает меня в тайны бытия, не только тварного, но и нетварного. Благодаря Ей – я становлюсь сострадательным, чрез нее (боль) я духом вижу всех других – страждущих: внутрь меня нисходит

Видеть Бога как Он есть. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org любовь Божия, сначала как сострадание всей твари, а в веке грядущем – как блаженство видеть спасенных во Славе Нетленной.

Маленькое отступление. Сказанное выше вовсе не значит, что мы культивируем «долоризм» психического порядка. Совсем нет. Но кто прошел чрез метафизические страдания духа, тому бывает ясно, что эта «боль» есть нечто качественно иное: необходимый «этап» в нашем вырастании от земных измерений до космических и даже более сего: вечных. Не только ли об этом Благая весть Христа: Евангелие?

После того, как человек начинает понимать место Креста в нашем бытии по Богу – иначе он «идет на крест» (ср. Лк. 14, 27). Иначе он и понимает «крест». Сей последний воспринимается как зов Свыше от Отца Небесного (ср. Ин. 6, 44; Ин. 18, 11). В нем, кресте, как и в чаше Господней, осуществляется сопряженность моего тварного с Божественным несозданным Бытием. В знак сего мы лобызаем крест, которым благословляет священнослужитель верующих в храме.

Мы не отрицаем реальности происходящего: христианам свойственно одновременно пребывать в двух планах: временном и вечном. Мы и самое время воспринимаем как некий дивный процесс творения Богом из ничто подобных Ему богов. Когда тварное достигнет своего совершенства-завершения, тогда мы услышим «клятву Ангела, клянущегося Живущим во веки... что времени уже не будет» (ср. Откр. 10, 5–6).

Господь сказал о Себе: «Аз есмь Истина» (ср. Ин. 14, 6). Он же призывал во свидетели Отца Своего и Духа Святого. Не без усилий в течение ряда лет покаянной молитвы приходит уразумение этой стороны Божественного Бытия. Чем больше следуем мы за Господом в хранении заповедей Его, тем шире и глубже становится наша личность. Итак, когда мы сами приближаемся к реализации в нас принципа Персоны, в котором прежде всего выражен в нас образ Божий, тогда из нашего опыта мы видим, что наша персональность для своего осуществления нуждается во встрече с другой и даже другими персонами. При подлинной «встрече» в нас отразится не только подобие принципу Персоны в Божестве, но и образ внутритроичной жизни: нам бывает дано любить единосущных нам людей в молитве за весь мир: жить все человечество как Единого Человека. Чрез сей опыт мы получаем новое познание, бытийное: Персона по естеству своему, по структуре и характеру не живет одна-одиноко, но непременно в любви к другой, другим, себе подобным. В акте любви персона несет в себе ответ другой персоне и тем свидетельствует о ней.

Не только в Божестве, Святой Троице, Отец, Сын, Святой Дух свидетельствуют Друг – Другу, но Они же свидетельствуют нам, людям, Друг о Друге. Больше того: Апостолам поручил Господь свидетельствовать о Нем: «Когда же придет Утешитель... Дух Истины, Который от Отца исходит, Он будет свидетельствовать о Мне; а также и вы будете свидетельствовать, потому что вы с начала со Мною».

Таковы отношения между людьми и между Богом и человеками: свидетельство, как истинная жизнь в любви, движется вечно по всем направлениям (ср. Ин. 1, 7–8; 1, 15, 32, 34; 5, 31–39; 8, 13 и 18; 12, 28; 15, 36–37; Деян. 1, 8; 10, 39–43).

Воздыхая, дух мой тянулся к Живой Истине. И «воздыхание мое не скрылось от Него» (Пс. 37, 10). «Из ямы глубокой я призывал имя Его, и Он услышал вопль мой» (ср. Плач 3, 55–56): Его любовь коснулась моего Сердца. Мне предстал неописуемо прекрасный мир христианской молитвы. Чрез нее мне дано было общение с Богом Истинным и Живым. Говорю о молитве моего покаяния. Она принимала различные формы. Иногда мое существо, собираясь внутрь, становилось стянутым в неизмеримо малом просторно-центре. В иные разы происходило как бы обратное: мой дух вводился в некую умную сферу, не знающую границ, и мой покаянный плач странным образом сливался воедино с созерцаемой бездной. Случалось также, что я в молитве обнимал, как я чувствовал, весь мир. Господь давал мне моменты чистой молитвы лицом к лицу, и вечность тихо, но властно проникала в сердце мое; и уму сообщалось блаженство быть расплавленным в пламени любви, исходящего из сердца. Этот сплав всего существа: ума, сердца и тела во-едино давал ощущение целостности бытия, столь отличной от обычного разлада меж духом нашим, душевностью и телом.

Теперь я свидетельствую об Истине, которую знали отцы и праотцы наши.

Видеть Бога как Он есть. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org Свидетельствую о том, как она благоволила являться мне в ответ на длительный, пожиривший меня плач покаяния. Я жил сию Истину, как подлинно извечную, и в меру моей веры говорю и пишу. Писал о ней и Павел: «...имея тот же дух веры, как написано: я веровал, и потому говорил, и мы веруем, потому и говорим...» (2 Кор. 4, 13).

Я знаю, что ведение мое не абсолютно, но это не значит, что есть некая иная истина. Я верю, что касалась меня безначальная Истина, но так же знаю, что не реализовал в акте моей жизни познанного в опыте молитвы... Но где критерий, который утвердил бы нас в доверии к данным нам опытам Бога-Истины?

Неотъемлемо от нас стремление к Тому, Кто есть прежде всех веков; Кто пронизывает все существующее и Своею властью удерживает в бытии. Трудно нам, ничтожным, поверить в то, что Сей Беспредельный Владыка не презирает нас (Мф. 18, 10). Как это ни странно, но когда мы обращаемся к Нему в истинной молитве, т.е. покаянной молитве, то Он выбегает нам навстречу (Лк. 15, 20) и любовно объедает нас Собою. Сие событие не может быть плодом воображения, потому что превышает возможности нашей способности воображать (ср. 1 Кор. 2, 9).

Я исхожу из Откровения: Человек создан «по образу и по подобию Бога» (Быт. 1, 26). Отсюда следует, что человек наделен потенциально возможностью достигнуть подобия своему Творцу; что в самой природе человека заложена идея Абсолютного Существа, так, что когда Бог Вседержитель входит в общение с духом человека, то сей последний может «узнать» Его, ибо Он родствен ему. Вводимый в сферу Ума Бога-Творца, тварный дух человека начинает видеть Бога «как Он есть» в Самом Себе (ср. 1 Ин. 3, 2). Я избегаю сказать – наш ум, – чтобы не породить недоразумения, приняв за ум – рассудок.

Наше первое движение – к Тому, Кто «в начале». Наша установка: принять Его как основоположную Истину, независимо от того, совпадает или не совпадает такая онтологическая Истина с нашими о Ней представлениями. И великою бывает наша радость, когда данные Откровения (1 Ин. 1, 5; 4, 13; 4, 16) подтверждаются ниспосланным нам видением, а именно, что мы созданы «по образу» Бога: Он является нам как Бог любви, и мы живем Его внутри нас как абсолютную гармонию, и начинаем «поклоняться Отцу в духе и истине» (Ин. 4, 23-24).

«Если говорим, что не имеем греха – обманываем самих себя, и истины нет в нас» (1 Ин. 1, 8). Отсюда: только покаянная молитва соответствует истине о нас. Сей момент я не перестаю подчеркивать: предстоя Отцу Небесному в сознании себя грешником, становимся мы в план Истины Божией. Чем глубже живем мы наш грех, как поразившую нас смерть, тем полнее предаемся мы Богу в молитве, и Его животворящую силу вырываемся из тисков времени и пространства. Да простит меня Господь, и да не осудят меня строго мои братья: так было со мною. И потому, читая послания Апостола Павла, я предполагаю, не скрою – с уверенностью, что и ему были даны «видения и откровения Господни» (2 Кор. 12, 1-6) в его раскаянии пред Христом «с сильным воплем и со слезами»: тогда был он «услышан за свое благоговение» (ср. Евр. 5, 7).

В подобной молитве наш ум-дух включается в Ум Бога и получает разумение вещей, которое, разумение, не поддается адекватному выражению на обыденном языке нашем. Например. Все создано Его волею, Его мыслию. Он мыслит мир, и Его творческое мышление становится тварным бытием. Не материя, но мышление Бога-Творца первично. Так мы живем сей мир не только чрез призму экспериментального знания, но и в Духе созерцаем его иным образом (ср. Евр. 11, 1-3).

«Если любите Меня, соблюдайте заповеди Мои. И Я умолю Отца, и даст вам другого Утешителя, да пребудет с вами вовек, Духа Истины, Которого мир не может принять, потому что не видит Его и не знает Его; а вы знаете Его, ибо Он с вами пребывает, и в вас будет»... «вы увидите Меня, ибо Я живу, и вы будете жить. В тот день узнаете вы, что Я в Отце Моем, и вы во Мне, и Я в вас. Кто имеет заповеди Мои и соблюдает их, тот любит Меня: а кто любит Меня, тот возлюблен будет Отцом Моим; и Я возлюблю Его, и явлюсь ему Сам... кто любит Меня, тот соблюдет слово Мое; и Отец Мой возлюбит его, и Мы придем к нему и обитель у него сотворим... слово же, которое вы слышите, не есть Мое, но пославшего Меня Отца... Утешитель же, Дух Святой, Которого пошлет Отец во имя Мое, научит вас всему и напомнит вам все, что Я говорил

Видеть Бога как Он есть. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org вам» (Ин. 14, 15–26).

«Утешитель, Дух Святой... научит вас всему». «Научит» нас мыслить, как мыслит Сам БОГ; научит нас любить, как любит БОГ. Не удивляйтесь этому: таков смысл Евангельского зова; все послания Апостолов – Иоанна, Павла, Петра и прочих – говорят о том же; то же самое свидетельствуют Отцы наши в веках.

Встает вопрос: как мы можем достигнуть сего благословения? Ответ дан Христом: «соблюдайте заповеди Мои. И Я умолю Отца, и даст вам другого Утешителя, да пребудет с вами вовек». Итак, мы «знаем» Духа Святого чрез святое предание Отцов Церкви и тоже чрез наш собственный опыт Его, Духа, действий внутри нас. Он «напоминает нам все».

Больше сего: «кто любит Меня, тот соблюдет слово Мое; и Отец Мой возлюбит его, и Мы придем к нему и (вечную) обитель у него сотворим». Что может значить сие? Да то, что нам обещано унаследовать полноту Божественной жизни, полноту ведения и силы любви, которая явлена нам Нетварным Светом, не имеющим в себе никакой тьмы (1 Ин. 1, 5).

Вот свидетельство Павла: «мы приняли не духа мира сего, а Духа от Бога, дабы знать дарованное нам от Бога». И еще: «кто познал ум Господень, чтобы мог судить его? А мы имеем ум Христов» (1 Кор. 2, 12–16). Чрез нашу школьную науку мы вошли в мировое мышление и стали общниками экспериментального знания. Нечто аналогичное происходит с нами в области Духа: чрез жизнь по заповедям Евангелия мы входим в самое тесное родство с Божественным Умом. Заповеди сии суть не что иное, как самооткровение Бога «как Он есть». Становясь единственным законом нашего бытия, они (заповеди) сообщают нам «образ» искомого нами Божественного Бытия. «Мы знаем... что Сын Божий пришел и дал нам свет и разум, да познаем Бога истинного» (ср. 1 Ин. 5, 20).

Бог–Истина не творил ничего ложного, противного Истине. И всякий акт–энергия, от Него исходящий, истинен. Христос открыл нам подлинного Человека, как он задуман Творцом: в нас вложена Истина Самого Бога, ибо мы «образ и подобие» Его. Истина вечная сообщается ипостасному началу в нас. И как Персона в человеке рождается сначала лишь как потенция, так и семя Истины в нас – тоже подлежит актуализации из потенциального состояния. В падении Адама Истина в нас подверглась искажению. Чрез благодать покаяния и послушание любви ко Отцу – Истина, в ее изначальной святости, сообщается нам как жизнь Самого Бога.

Но что происходит с человеком, принесшим покаяние в плаче? Он живет Истину не как результат своих размышлений, но как состояние своего духа, данное ему Духом Божиим. «Состояние» – есть факт бытия, из которого и самая наша мысль схватывает свойственным ей образом разумение Истины. Опять–таки не в процессе демонстративного мышления, но как интуитивное проникновение или констатация факта, как познание Божественного Бытия, к нам от Бога снисходящее.

Разумение путей Господних не приходит быстро. Глубоким было мое томление – ощущать краткость наших дней. Душа была полна страха – сойти в гроб прежде, чем придет ответ от Бога на ее вопль к Нему. Но не до конца я был оставлен: чрез молитву несомненной веры во Христа–Бога, Его сострадание гибнущему человечеству постепенно передавалось и мне. До великой боли я жил мою личную гибель, и эта боль раздвинула стены окаменевшего сердца моего. Я вообще привык мои опыты переносить на все человечество, и сострадал всем людям, пребывающим в подобном моему состоянию богоудаленности. Таким образом страдания всех становились «моими», и в одиночестве пустыни приходила иногда молитва за весь мир с таким же плачем, как за самого себя. И в той молитве я ощутил предвечного Бога, как Отца нашего. И сие чувство было убедительным свидетельством о безначальной Истине, сообщенной нам Христом.

С трепетом вспоминаю я те часы, когда Господь давал мне жить сие духовное событие. А теперь – горе мне: я не вижу в себе той святой силы во мне.

Предмет, о котором я беспомощно пытаюсь лепетать – живая Истина; она не похожа ни на научные, ни на философские истины. Открывающаяся нам Истина идет безмерно далее рассудочных спекуляций. Она не есть некая отвлеченная формула нашего логического мышления; ни некое математическое уравнение, но

Видеть Бога как Он есть. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org Персона. Прежде всего это Сущий «от начала», т.е. безначальный Бог – Святая Троица: Отец, Сын и Дух Святой. Но наш логический рассудок неспособен следовать за реальным Бытием Бога со своими понятиями. Например: мы живем Отца, как абсолютную Истину. И Сын также есть абсолютная Истина. То же и Святой Дух – абсолютная Истина. Но Истина Единая, а не три абсолютных истины. Как Един Бог и Он же Троица Лиц. В своем финальном осуществлении и Человек должен стать Единым Человеком во множестве ипостасей.

Вот другой антиномический момент: Персону в Боге мы живем как носителя абсолютной полноты Бытия; и вместе – Персона не существует одна. Для формальной логики это есть показатель недостаточности одной Персоны, следовательно – отрицание абсолютности. Но именно такова Святая Троица, Бог любви совершенной. Совершенная любовь не живет замкнуто в Себе, но в другой, в других Персонах. Вся совокупность Бытия является неотъемлемым обладанием каждой из Трех Ипостасей. Но таковую Она – Ипостась – является в акте совершенной любви, которой свойственно такое же полное истощение, умаление Себя.

«Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих. Вы друзья Мои, если исполняете то, что Я заповедал вам»... «Иисус... возлюбив Своих сущих в мире, до конца возлюбил их»... «Большой из вас да будет вам слуга: ибо кто возвышает себя, тот унижен будет; а кто унижает себя, тот возвысится» (Ин. 15, 13–15; Мф. 23, 11). Из приведенных слов Христа видим, что тот же род самоистощающейся любви, что открылся нам во Святой Троице, заповедан человечеству: чрез предельно доступное нам истощение в акте своего покаяния – становимся мы способными воспринимать полноту и Божественной любви, и любви к ближнему (ср. Мф. 22, 37–40). «На сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки», и в духе их содержится святая вечность.

В двух словах: Вечность и Истина – тема настоящих страниц. И вот, когда прикасается к нам сила любви Божией, тогда вне всяких сомнений мы живем, пребываем в Истине и в Вечности.

Наше догматическое сознание суммарно можно представить так: «Аз Есмь Сый», Аз есмь Бытие, «Аз Есмь Истина». Персональное Начало в Божественном Бытии есть онтологическое ядро его. Это Тот, Кто воистину живет. Первый и Последний, Альфа и Омега, безначальное Начало и бесконечный Конец всего. Так мы понимаем Синайское Откровение, восполненное затем воплощением Логоса Отца и сошествием Святого Духа в день Пятидесятницы на Церковь.

Сей Бог – в Его извечном Существое есть искомая нами абсолютная Истина. Познание сей Истины возможно не иначе, как чрез пришествие внутрь нас Ее силы, как чрез бытийное соединение с Нею. Персональная Истина опознается тем же персональным принципом, который заложен в нас актом творения «по образу и по подобию» Богу. Поскольку сие в нас свободное начало не подлежит никакому насилью извне, постольку наше соединение с Истиной зависит не только от Бога дающего (ср. Мф. 11, 27), но и от человека – приемлющего (ср. Ин. 1, 9–12; Деян. 13, 46).

Сам собою тварный дух (человек) не может достигнуть сей Истины, однако, как образ Божий он способен на догадку (постулат) об Истине, но не дальше сего. Бытийное познание Истины дается нам как дар любви Творца к разумной твари. В наших личных отношениях с нашим Личным Богом – ничто не совершается по воле только одной стороны, но всегда наличествует согласие, содействие, синергия, соединение двух волей: Божией и человеческой – в этом наша жизнь.

«Всякий человек ложь» (Пс. 115, 2) в самом себе, как взятый из «ничто». Только чрез вселение в нас Бога-Истины и мы становимся истинными. Живая Истина преобразует нас Своим пришествием внутрь нас. Абсолютная, она и всеобъемлющая, все содержащая. «Познавшие» сию Истину (ср. Ин. 8, 32), по слову Самой Истины, освобождаются от власти над ними греха, в котором смерть. Вечная, Она и нас творит бессмертными. Бог-Истина и нас делает истинно богами. «Богам» не для других разумных тварей, но по сообщенному нам образу бытия и по содержанию жизни сей.

Божественно универсальная – никем из тварей в пределах Земли не вмещается в Ее полноте. Мы знаем Истину, подобно Апостолу Павлу, лишь «отчасти» (1 Кор. 13, 12). Но это не значит, что Истина в Себе совсем иная, чем мы Ее разумеем. Одно дело знать Истину, другое – не вмещать Ее абсолютной полноты; быть недостаточным для выявления Ее во всем совершенстве в акте

Видеть Бога как Он есть. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org земной жизнедеятельности. Вместе с Апостолом Филиппом мы говорим без колебаний: мы обрели Истину; мы знаем Ее: это Христос (ср. Ин. 1, 45).

Многоипостасное человечество является образом Святой Троицы: единая натура при множестве лиц. Но каждый из нас в отдельности носит в себе прежде всего образ Сына Единородного, и спасение наше чрез усыновление нас Отцу (ср. Гал. 4, 5).

Итак, если мы исповедуем Христа равноабсолютным Отцу, Бога и Истину, то, естественно, чтобы постигнуть Истину, мы должны следовать за Ним. И здесь наступает трагический момент. Вот, Он говорит: «Если кто приходит ко Мне, и не возненавидит отца своего и матери, и жены и детей, и братьев и сестер, а притом и самой жизни своей, тот не может быть Моим учеником». Также «кто не несет креста своего и идет за Мною... кто не отрешится от всего, что имеет, не может быть Моим учеником» (Лк. 14, 26–27, 33).

В моем случае произошло следующее: узрев духом Христа, который возлюбил нас до конца (ср. Ин. 13, 1), молящимся в Гефсимании и затем на Голгофе, «не противящимся злему» (Мф. 5, 39), я возненавидел себя, как я есмь, и в молитве, порожденной сей святой ненавистью, я воспринял Его, как абсолютную Истину, как воистину Вседержителя и Бога. В этой молитве мне было дано превзойти «видимое временно» и вступить в «невидимое вечное» (ср. 2 Кор. 4, 18).

«В мире будете иметь скорбь, но мужайтесь: я победил мир» (Ин. 16, 33). И мы видим из опыта, что «желающие жить благочестиво... будут гонимы» (2 Тим. 3, 12), войдут в конфликт с прочим миром (ср. Мф. 5, 10–12). И еще: «Женщина, когда рождает, терпит скорбь... но когда родит... уже не помнит скорби от радости, потому что родился человек в мир. Так и вы теперь имеете печаль; но я увижу вас опять, и возрадуется сердце ваше, и радости вашей никто не отнимет у вас. И в тот день вы не спросите Меня ни о чем» (Ин. 16, 20–23). Почему не спросим Его ни о чем?

Когда Дух Святой дает нам видеть Христа, как Он есть, чрез любовь, от Духа Святого исходящую, тогда становится для нас очевидным, что Он, Христос, все: в Нем полнота Божества и полнота человека; Он есть Истина в двух ее аспектах: 1) Он – изначальный факт Бытия; 2) Он по Своему «этическому» характеру Истинен. Истинен, т.е. Свят; Свят, т.е. Благ; Благ, т.е. «Свет, в котором нет никакой тьмы».

Мы малодушествуем, когда нам бывает дано увидеть надмирный характер Евангелия. Мы хотели бы как-то сузить его подлинные измерения, приблизить к нашей немощи в нашем хрупком теле, но Он никак не соглашается на умаление Своих заповедей. В предельном напряжении нашего покаяния мы начинаем прозревать: сие Откровение есть конечное, будучи всесовершенным. Оно дано на все века для всех племен и народов до скончания земной истории.

Блаженный Старец Силуан говорил: «Кто не любит врагов, тот еще не познал Бога, как должно Его знать».

«А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас, да будете сынами Отца вашего Небесного... будьте совершенны, как совершен Отец ваш...» (ср. Мф. 5, 44–48). И снова: когда Дух Святой сообщает нам любовь Христову – «любите врагов ваших» – тогда и ум-дух услаждается Истиной этой любви. Подобно тому, как телесно мы ощущаем или силу в себе, или тепло извне от солнечных лучей, так непосредственно всем нашим существом мы знаем, что эта любовь есть Истина вечная. Знает тогда человек, что он «перешел от смерти в жизнь» (Ин. 5, 24).

Чудное ощущение пришествия Бога внутрь нас сопровождается всецелым согласием ума с сердцем. Божественная гармония сего духовного состояния есть радование для сердца и свет для ума. Весь человек: ум-дух, сердце и даже тело испытывают «мир Божий, превысший всякого ума» (Флп. 4, 7). И Любовь, и Свет, и Мир – душа осознает исходящими от Всевышнего (ср. Иак. 1, 17).

Великое благо узнать Истинного Бога и знать Его неотъемлемым знанием (Лк. 10, 42). Все сие дано миру чрез Воплощенного Сына Отчего, Христа Иисуса, и благодарная душа влечется к Нему (древле на Синае открывшему Себя с Именем «Аз Есмь», и повторившему сие не раз в Своем явлении во плоти нашей). Он

Видеть Бога как Он есть. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org сообщил нам сей «преизбыток жизни» (Ин. 10, 10). И душа знает происходящее с нею и говорит:

«Ныне, Христе мой, в Тебе и Тобою – и аз есмь».

Кому за веру в Христа-Бога было дано хотя бы отчасти войти в вечный поток Его Гефсиманской молитвы и затем, тоже лишь отчасти, подняться и на бессмертную Голгофу, тому беспрекословным образом открывается «великая благочестия тайна: Бог явился во плоти, оправдал Себя в Духе, показал Себя Ангелам...» (1 Тим. 3, 16). С того времени он, верующий, «не знает» Его по плоти, т.е. как естественного человека, но как вездесущего Вседержителя, пришедшего в мир грешных спасти (ср. 2 Кор. 5, 16; 1 Тим. 1, 15).

Так подлинно «верующий в Сына Божия имеет свидетельство в себе самом» (1 Ин. 5, 10).

Послесловие

В начале сего века было слово от Господа к Старцу Силуану:

«Держи ум твой во аде, и не отчаивайся». Точной даты сего события я не узнал. Оно могло иметь место в 1906 году. Немного – на год раньше этого – в 1905 году – миру стало известным Уравнение Эйнштейна: $E=mc^2$. Сие последнее легло в основу современной науки и техники. Оно открыло колоссальные источники жизненной энергии, но с другой стороны – положило начало приготовлению апокалиптического огня, готового пожрать всякую жизнь на Земле (ср. 2 Пет. 3, 7; Сол. 1, 8; Евр. 10, 27; Лк. 21, 35). Первое же, данное Силуану, непревосходимое по своему достоинству, для многих верующих является путеводной звездой к Царству непоколебимому (Евр. 12, 28). По духу, в нем заложенному, оно подобно учению древних Египетских Отцов: Антония, Макария, Сисоя, Паисия великих и других, менее известных, но возможно, не менее великих в своих деяниях.

Слово Христа: «и не отчаивайся» – дано чрез Старца Силуана нашей эпохе, отмеченной исключительно тяжким всеобщим отчаянием. Люди нашего века нередко против своей воли все же становятся моральными соучастниками нескончаемых локальных и даже планетарных братоубийств. Как таковые, т.е. моральные соучастники нераскаянные, они, естественно, теряют благодать Духа Святого и уже не могут верить в свое бессмертие чрез воскресение. Да и не стремятся к сему. Именно в этом приговоре самих себя на полное уничтожение по смерти заключена духовная сущность отчаяния.

Силуан, получив слово Господа, всецело приложил его к себе. Вот, как он пишет об этом: «Я стал делать, как научил меня Господь, и мой ум очистился, и Дух свидетельствовал спасение». «Истинно, истинно говорю вам: слушающий слово Мое и верующий в Пославшего Меня имеет жизнь вечную, и на суд не приходит, но (уже) перешел от смерти в жизнь» (Ин. 5, 24).

Примечания

1

«Приближаясь к зрелой юности, я встретился с кругом сильных людей, презиравших поверхностное красноречие: „Аркадий, не говори красиво: нам это неприлично“...» (И. С. Тургенев. Отцы и дети).

2

Христос – греч. слово, соответствует русскому: Помазанник; евр: Мессия.

3

В данном тексте русский термин – лицо – тождествен богословскому греческому термину – ипостасис и латинскому – персоне.

4

Человек – с заглавной буквы – означает Всечеловек, подобно тому, как Бог

Видеть Бога как Он есть. Архимандрит Софроний Сахаров filosoff.org
Един, но многоипостасный: Троица: Отец, Сын и Святой Дух.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimeg.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimeg.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!